



ХРОНОЛОГИЯ РОМАНОВ О СНАЙПЕРЕ:

СТАЛКЕР. ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО
СТАЛКЕР. ЗАКОН ЗОНЫ
КРЕМЛЬ 2222. ЮГ
СТАЛКЕР. ЗАКОН СРЕЛКА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ШРАМА
КРЕМЛЬ 2222. СЕВЕРО-ЗАПАД
КРЕМЛЬ 2222. СЕВЕР
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. СТАЛКЕР
РОЗА МИРОВ. ЗАКОН ДРАКОНА
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ
РОЗА МИРОВ. ПОБРАТИМ СМЕРТИ
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. НИКТО НЕ УЙДЕТ
КРЕМЛЬ 2222. ПЕТЕРБУРГ
КРЕМЛЬ 2222. ШЕРЕМЕТЬЕВО
СТАЛКЕР. ЗАКОН «ДЕГТЯРЕВА»
СТАЛКЕР. ЗАКОН ПРИЗРАКА
СТАЛКЕР. ЗАКОН КЛЫКА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ДОЛГА
СТАЛКЕР. ЗАКОН СВОБОДЫ
СТАЛКЕР. ЗАКОН МОНОЛИТА
ГАДЖЕТ. ЧУЖАЯ МОСКВА
СТАЛКЕР. ЗАКОН СТАЛКЕРА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ТОРГОВЦА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ОХОТНИКА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ПРИПЯТИ
СТАЛКЕР. ЗАКОН ЯКУДЗЫ
СТАЛКЕР. ЗАКОН ЛЕСНИКА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ВЫЖИВШИХ
СТАЛКЕР. ЗАКОН БАНДИТА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ЧЕРНОГО СТАЛКЕРА
СТАЛКЕР. ЗАКОН ЧЕРНОБЫЛЯ
СТАЛКЕР. ЗАКОН МУТАНТА
СНАЙПЕР. ЗАКОН ВОЙНЫ
СТАЛКЕР. ЗАКОН ЗАТОНА
СНАЙПЕР. ЗАКОН МЕЧА
СНАЙПЕР. ЗАКОН КРЕМЛЯ

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

ЗАКОН
ОРУЖИЯ

ЗАКОН ДРАКОНА
•
ПОБРАТИМ СМЕРТИ
•
ЗЛОЙ ГОРОД



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
СЗ6

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Серийное оформление — *Ольга Жукова*

Иллюстрация на обложке — *Александр Руденко*

Силлов, Дмитрий Олегович.

СЗ6 Закон оружия : [романы] / Дмитрий Силлов. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 784 с. — (Коллекция лучшей фантастики).

ISBN 978-5-17-119024-8

Закон дракона

Много сотен лет прошло с тех пор, как отремела ядерная война. Сожженный дотла мир возродился заново, но стал совершенно иным. Над подземными бункерами выросли города и крепости, люди научились управлять стихиями. Но спокойной жизни не получилось. Вблизи старых кладбищ бродят неуспокоенные мертвецы, на проклятой земле рождаются демоны-кутрубы, а в небе время от времени появляются разумные мутанты-драконы, изрыгая на цветущую землю потоки всепожирающего пламени.

Молодой парень, чью деревню сжег дракон, вынужден искать себе новое место в жизни. Однако в возрожденном обществе все лучшие места заняты, а изгоем сильные мира сего могут предложить небогатый выбор — рабство или смерть. Но встреча с пришельцем из иномирья меняет все.

Он — Снайпер, прошедший ад чернобыльской Зоны и заполненную чудовищными мутантами постядерную Москву. Он тот, кто может изменить этот страшный мир... если только этот мир не изменит его.

Побратим смерти

Когда пикник на обочине окончен, куда может пойти сталкер, умеющий путешествовать между мирами? Конечно, в знакомый постядерный мир, где у него остались верные друзья... и непоплаченные долги. В мир, где крылатые мутанты грозят городам, с таким трудом отстроенным потомками выживших в ядерной войне. Туда, где люди с измененной генетикой способны повелевать стихиями и где в подземных городах спят вечным сном боевые роботы, ждущие лишь приказа проснуться.

Но в знакомом мире не все благополучно. С высоких гор, сметая все на своем пути, спускается орда жестоких завоевателей, грозя превратить цветущую землю в пустыню. Сможет ли Снайпер выжить в грядущей великой войне? Ведь это очень нелегко для того, кто так устал путешествовать между мирами.

Смертельно устал...

Злой город

Его словно хранили все силы Земли Русской. И ордынцам не оставалось ничего другого, как разменивать сотню своих воинов за одного русского витязя, снова и снова штурмующего стены Козельска, который они за стойкость его защитников прозвали «Злым городом».

И лилась кровь, и слетали со стен крепости рукотворные молнии, и сходились в битве герои, чудовища и люди, которые сражались так, как не способны сражаться смертные. И истекало время битвы. И наступало время славы.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119024-8

© Силлов Д.О., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2022

ЗАКОН ДРАКОНА

Свет ударил в глаза. На самом деле он был тусклым и безжизненным, этот солнечный свет, с трудом пробивающийся из-за сплошной пелены свинцовых туч. Но для чувствительных глазных нервов, все еще до конца не восстановившихся после яркой вспышки, этого было вполне достаточно. Сразу захотелось вновь смежить веки, но он не дал себе этого сделать. Мгновения блаженного неведения миновали. Наступило время сурового настоящего.

Он медленно поднялся с сырой земли. Внизу под ногами росла серая, больная трава, чудом выжившая на зараженной земле, а прямо перед ним торчал большой плакат, на котором была начертана надпись, полуразмытая кислотными дождями:

«Увага! Радіаційна небезпека! ПТЛРВ “Копачі”. Територія ДСП “Комплекс” м. Чорнобиль, вул. Кірова, 52. Тел. 5–19–24; 5–24–84. В’їзд на територію ПТЛРВ без дозволу КАТЕГОРИЧНО ЗАБОРОНЕНО!»*

* «Внимание! Радиационная опасность! ПТЛРВ (Пункт тимчасової локалізації радіоактивних відходів/Пункт временной локализации радиоактивных отходов) “Копачи”. Территория ДСП (Державного спеціалізованого підприємства/ государственного специализированного предприятия) “Комплекс” г. (місто/город) Чернобыль, ул. Кирова, 52. Тел. 5–19–24; 5–24–84. Въезд на территорию ПТЛРВ без разрешения КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕН!» (перевод с українського).

— Поганый будет денек, — сказал дядька Стафф, шуря дряблые веки.

Щурился он скорей по привычке — затянутый бычьим пузырем оконный проем почти не пропускал света. Но кое-что все-таки разглядеть было можно. Например, силуэты закованных в броню всадников, проплывавшие мимо жалкой лачуги. Звон железа, храп лошадей и приглушенные ругательства не оставляли сомнений — по разбитой деревенской дороге проезжал вооруженный отряд всадников, закованных в латы. Не иначе, какой-нибудь рыцарь с шайкой оруженосцев и конных сержантов.

— Поганый будет денек, — повторил дядька Стафф. — В прошлом годе синьор соседнего графства тоже ездил воевать дракона.

— И что? — спросил Лис.

— А ничего. Это ж только герольды горазды орать: «Рыцарь вышел с мечом на дракона и победил его!» На деле же что? Соберет тот рыцарь двести оглоедов, настроят они баллист и ну того дракона искать. А поди его найди? Он раз в луну быка украдет, съест, да и спит себе где-нибудь в лесу иль в пещере. И пока он спит, всякая нечисть бежит из тех мест. Потому как знает — здесь дракон кормится и жизни ей тут не будет, ежели он кого из ночных тварей вблизи почует.

Старик отошел от окна, взял со сколоченного из неструганных досок стола глиняный кувшин с отколотым краем и, запрокинув голову, долго дергал острым кадыком, утоляя жажду.

— Смотри-ка, у нас под потолком нетопырь завелся, — сказал дядька Стафф, утирая губы рукавом и ставя кувшин обратно. — Придется дымом выкуривать, пока он никого не куснул.

Лис неопределенно хмыкнул. Его всегда удивляла способность постоянно жалующихся на зрение пожилых людей не видеть то, что

стоит на столе, но при этом замечать иголку, лежащую на полу под столом. Например, разглядеть в непроглядной черноте потолка крошечного летучего вампира для Лиса было делом мудреным, хотя зим он видел ровно на четыре десятка меньше, чем дядька Стафф.

— Но то попозже, — сказал старик, присаживаясь на лавку. — Пусть сначала вояки проедут.

Он зыркнул в сторону окна, и во взгляде том не чувствовалось преданности верного раба доброму господину, о которой на городских площадях тоже часто кричали голосистые герольды. Наверно, потому, что деревня Лиса находилась в двух днях пешего пути от города и голоса герольдов не достигали крестьянских ушей.

— Дядька, ты про соседнего графа так и не досказал, — напомнил Лис.

Он лежал на некоем подобии кровати, сколоченный из тех же досок, что и стол, и это занятие ему порядком надоело. Но приказ самого графа, озвученный вчера проехавшим через деревню глашатаем, был ясен — во избежание человеческих жертв всем сидеть по домам. Граф едет воевать дракона. И если кто высунется, пусть пеняет на себя. Дядька Стафф сказал, что брехня все это и что граф просто не хочет, чтобы в случае его поражения рядом были лишние свидетели. А герольды в любом случае обставят все как надо — работа у них такая.

— Это точно, не досказал, — кивнул старик. — Память уже не та стала, не помню ни кутруба. Так вот, уехал тот граф, пострелял себе, дракона не убил, а только разозлил. Его поди убей. Чтoб этaкoe чудовище прикончить, очень сильно повезти должно, на нем же сплошь броня, причем в несколько раз толще и надежнее любой рыцарской. В общем, дракон графских прихвостней разогнал — кого-то убил, но большинство спаслось на быстрых конях вместе со своим господином. Ну, а дракон, как и все они после таких дел, со зла стал людей искать и плевать огнем во все, что движется. В результате, пока искал, спалил целую деревню, после чего проклял то место — и улетел незнамо куда. Всегда так получается. Графья да рыцари от безделья дурью мучаются, а простой люд гибнет не пойми за что.

— Не понимаю, — сказал Лис, пытаясь поудобнее устроиться на узкой и жесткой лежанке. — Неужели нельзя с драконами договориться? Ну, чтоб в мире жить. Они ж вроде как твари разумные.

— Ну ты сказал — договориться, — хмыкнул старик. — Иди с волком договаривайся. Он тоже зверь разумный, да только жрать периодически хочет. И тогда весь свой разум на одно направляет — как

с голодухи не помереть. Хотя дракон, конечно, поумнее волка будет, но как с ним договариваться-то? Языка драконов никто не знает, да и неизвестно никому, могут ли они вообще разговаривать. А даже если и могут, то захотят ли? На кой тому же волку вести беседы с охотниками? Правильно, незачем...

Зная дядьку Стаффа далеко не первый день, Лис понял, что история грозит перетечь в русло рассуждений по поводу достоинств и недостатков драконов. А это парню за несколько лет порядком поднадоело. Жителям деревни долгими зимними вечерами зачастую делать было особенно нечего — дрова заготовлены, скотина накормлена сеном, остатки ужина догорают в алтаре предков. Только и дел остается, что чесать языками, по многу раз переиначивая на свой лад старые были и небылицы о графах, рыцарях и драконах.

— И что дальше? С жителями той деревни, что дракон спалил? — перебил Лис дядьку Стаффа.

Старик мигнул, запнулся, потом проворчал недовольно:

— А что с ними? Те, кто выжил, не обрадовались. В места, проклятые драконом, нечисть толпами ломится. Там им самое житье. Им, но не людям.

— Почему?

— Иногда удивляюсь я тебе, — покачал головой дядька Стафф. — Вроде смысленный парень, умом Вышние не обидели, а иной раз такое скажешь... Что ж тут непонятного? Ест нечисть людей. А кого не съест, самого нечистым делает. От драконьего проклятия и возникают на земле Черные Пятна, куда людям хода нет.

Дядька Стафф вздохнул.

— Так, глядишь, скоро и наш мир станет одним Черным Пятном. Господа и их рыцари только о славе думают, им в своих замках делать нечего, скука заедает, вот они и развлекаются. А на людей им плевать. Вот и сейчас — чует мое сердце недоброе. Утром еще главный отряд проехал, пока ты дрых как сурок. С баллистами. А сейчас, видать, подмога к графу скачет. Стало быть, плохи у него дела.

— Дядька Стафф, а как они узнали, что дела плохи? — спросил Лис.

— Ясно дело как. Через каждые два полета стрелы ставят телегу хвороста и пешего воина. Ежели беда — ближайший воин ту телегу поджигает, а сверху на огонь льет пару шлемов воды. Дымища жуткая получается. Соседний воин в цепочке тот дым видит и свою телегу тоже подпаливает. Так по цепочке неважную весть главному замку и передают. А хворост и телеги ясно дело у кого берут — у нашего брата крестьянина. Им забавы, а нам куда ни кинь — одни убытки...

Подслеповатый Дядька Стафф сидел спиной к окну и вряд ли видел, как пятно тусклого света, пропущенного через бычий пузырь, исчезло, словно на улице внезапно наступила ночь.

— Наверно, рыцари еще одну телегу запалили, — предположил Лис, кивнув на окно.

Дядька Стафф кряхтя обернулся — и вдруг подскочил, словно прожитые годы осыпались с него, как жухлые листья с молодого дуба. От удара мозолистого кулака бычий пузырь, натянутый на криво пропиленную дыру в стене, лопнул с звучным хлопком. В лачуге явственно запахло гарью.

— Беги! — заорал дядька Стафф, бросаясь к двери. — Беги, парень!! Это дракон!!!

Лис был сообразительным малым, и дважды повторять столь понятные команды ему было не нужно. Изображение дракона Лис видел лишь однажды на ярмарке у продавца дешевых картинок, и ему не понравился ни продавец, ни то, что было нарисовано на его товаре.

Судя по тому, как шустро вылетел за дверь престарелый дядька Стафф, времени раздумывать не было. Лиса не зря прозвали Лисом — когда надо, он умел быть проворнее зверька, имя которого носил.

Кубарем слетев с лавки, парень сунул ноги в башмаки, схватил в охапку латаную-перелатаную кожаную куртку и как был, в одних коротких штанах, метнулся вслед за не по годам резвым стариком.

И вовремя!

На него со скоростью выпущенной навстречу стрелы надвигалась стена огня, над которой парила черная крылатая тень, закрывшая собой солнце. Лис еще успел заметить, как море пламени поглотило несколько закованных в железо всадников, тщетно нахлестывавших обезумевших коней в надежде спастись. После чего по глазам словно лезвием ножа полоснул черный дым, и сразу стало нечем дышать. Горячий воздух толкнул в грудь, и Лис понял — от огненной смерти его отделяют считанные мгновения.

«Колодец!»

Единственное богатство и гордость дядьки Стаффа — добротный колодец, вырытый им еще в молодые годы, — находился сразу за домом.

«Высшие, помогите!» — взмолился Лис, прикрывая лицо курткой и срываясь с места.

Бежать пришлось вслепую, прихватив зубами подкладку куртки и экономя воздух, оставшийся в легких, потому как не умеет человек дышать черным, тяжелым дымом, заполнившим все вокруг.

Кожаные стельки почти сразу начали жечь ступни. Лис на бегу бросил взгляд вниз и увидел, как из-под башмаков вырываются струйки дыма. Тлеи подошвы, и это добавило парню прыти. Пробежав по сотни раз хоженной дорожке, Лис без раздумий прыгнул вперед, очень сильно надеясь, что колодезная веревка не успела загореться.

Ему повезло. Ладони ткнулись в пропитанную влагой, но уже горячую веревку.

«Высшие, помогите!!!» — в который раз мысленно взмолился Лис, до того не особо верящий в помощь невидимых покровителей. Бывают в жизни мгновения, что поверишь в кого угодно, лишь бы помогли...

В молодости дядька Стафф постарался на славу — колодец получился глубоким. И воды в нем всегда было предостаточно. Потому Лис и не переломал ноги, хотя пятками ткнулся об дно очень даже чувствительно. Ткнулся, оттолкнулся, спружинив ногами, вынырнул, словно выброшенная на берег рыбина, широко открытым ртом хапнул горячего воздуха — и нырнул снова, спасая волосы и лицо от языков пламени, рванувшихся к нему сверху.

Лис успел подумать, что у него есть все шансы стать основой для бульона, если дракон зависнет над колодцем.

Но жизнь такая штука, что не может человеку не везти постоянно, систематически и в таких масштабах. Дракон, видимо, не имел обыкновения долго парить над им же созданным пепелищем — у него наверняка были дела поважнее.

Огонь над головой, отчетливо видимый сквозь призму воды, померк столь же внезапно, как и появился. Лис вынырнул и тут же хлебнул от неожиданности малость горячей воды, приняв на макушку вонючий кусок горелой колодезной веревки. Смахнул его с головы, сплюнул черную от сажи воду...

И задумался.

Путь обратно был отрезан. Вечернее небо над головой словно накрыло колодец унылым серым саваном. Тем не менее еще можно было различить, что деревянный колодезный ворот сторел дотла, один почерневший железный сердечник от него и остался. Словом, как хочешь, так и выбирайся. Можно, конечно, поорать, авось кто услышит. Только вряд ли. Черные Пятна, выжженные драконами, простирались на много полетов стрелы, и ничего живого на них не водилось. Особенно первое время. А то, что появлялось на них потом, не было живым в человеческом понимании этого слова.

Лис приуныл. Правда, ненадолго. Не в его правилах было падать духом в сложной ситуации. В его правилах было искать выход из трудного положения.

Еще в детстве, когда деревенские ребяташки вдруг взялись было толпой обижать подкидыша дядьки Стаффа, тот, недолго думая, однажды отпилел от лопаты половину рукояти и той нехитрой дубинкой за день переколотил всех обидчиков, отлавливая их по одному. Выскакивал из засады, лупил по чему ни попадя и убегал, так ловко прячась в новую засаду, что найти его было решительно невозможно.

Избитые пацаны сбились в стаю, горя жаждой мести, но их поиски не увенчались успехом — прятаться подкидыш умел отменно. А еще он умел ждать. И когда уставший мститель откальвался от толпы, намереваясь немного отдохнуть, его уже ждала очередная порция неожиданных, обидных и крайне болезненных тумачков.

В общем, к концу дня вся детвора разбежалась и попряталась по домам, а поисками мстителя занялись взрослые. У них это получилось лучше, чем у поколоченной ребятни. И несдобровать бы отловленному мальчишке, кабы не отбил его у крестьян дядька Стафф. Взял за шиворот, как котенка, приволок к себе домой и сам наказал вожжами — и за самодеятельность, и за лопату. Но при этом приговаривал: «Не за то дуплю, что отомстил, а за то, что попался». После чего и прикрепилось к пацану прозвище — Лис. За хитрость и за умение прятаться.

И за ловкость. Влезть по смазанному салом столбу на ярмарке и снять оттуда новые кожаные башмаки для худого да жилистого Лиса было занятием плевым. В одну ярмарку дядьку Стаффа обул в хорошем смысле этого слова, в другую — себя, а на третью отказались деревенские от старинной забавы. Была охота башмачнику каждую ярмарку не пойми кому новую обувку дарить. Небось самому пригодится.

Вот и сейчас прикинул Лис что к чему, упер одну ногу в бревенчатую стену колодца, другую — в противоположную и осторожно начал взбираться вверх, переставляя ступни с одного бревна на другое и вонзая черные от сажи ногти в скользкую древесину.

Ему повезло. Он не сорвался вниз и через некоторое время, подтянувшись на онемевших руках, вывалился из колодца, подвывая от боли в перерастянутых мышцах.

И тут же, случайно коснувшись земли ладонями, вскочил на ноги. Хорошо, что успел еще дома впрыгнуть в башмаки, а то бы так и плясал до утра на манер ярмарочного шута.

Земля была горячей. И черной. На многие полеты стрелы вокруг.

А деревни больше не было. От нее остались лишь обгорелые, дымящиеся скелеты домов. Дыхание разъяренного дракона — это не просто огонь. Это огненный вихрь, сметающий все на своем пути.

— Дядька Стафф! Дядька Ста-афф!!! — закричал Лис.

Ответом ему была тишина. Парню показалось, что его голос потонул в этой жуткой тишине, накрывшей гигантское пожарище. Ни единого звука вокруг. Ни птиц, ни шороха, ни порыва ветра. Ни звука. Такого даже на кладбище не бывает.

«Проклятие дракона! — вспомнил Лис. — Живым здесь не место. Надо поскорее убираться отсюда».

Он все же подошел к тому месту, где стоял дом дядьки Стаффа. Нет, никто не мог выжить в огненном вихре, упавшем с небес. На месте дома, в котором Лис прожил сколько себя помнил, теперь стоял лишь чудом уцелевший кусок обугленной стены да валялась груда тлеющих досок. И все.

Лис отвернулся и быстро пошел прочь. Сейчас ему очень хотелось заплакать, но он не умел этого делать. Никогда. Даже в детстве Лис никогда не плакал. Он слышал, что, когда человек плачет в горе, ему становится легче. И сейчас ему очень хотелось научиться плакать.

А еще он очень хотел есть.

Горе не горе, беда не беда, но, когда тебе едва минуло полторы дюжины весен, тело требует свое независимо от того, что творится у тебя на душе.

Но сейчас важнее голода было одно — поскорее уйти из этого страшного места. Туда, где под ногами земля, а не спекшаяся черная корка. Где есть люди. Лучше, конечно, в город, о котором много рассказывал дядька Стафф. Хотя бы потому, что там, в отличие от выжженной деревни, точно есть живые люди...

* * *

В город вела дорога, по которой уходили подводы с податями графу — хозяину деревни. Из города приехали рыцари, собиравшиеся убить дракона и навлекшие на селян страшную беду. И хотя дороги больше не было, как не было знакомых с детства ориентиров — мельницы, церкви Высших, дома старосты, — все равно не составляло труда найти правильное направление.

Там, откуда приехали рыцари, лежало несколько бесформенных куч.

Лис подошел поближе.

От закованных в латы рыцарей и их бронированных коней остались лишь горы оплавленного металла. А еще в воздухе ощутимо пахло жареным мясом.

Картина была жуткая. Но пустой желудок Лиса отреагировал на запах довольным бурчанием.

«Может, что в седельных сумках сохранилось?» — с надеждой подумал Лис, обходя то, что осталось от отряда конников после атаки дракона.

Его надеждам не суждено было сбыться. Сумки, понятное дело, сгорели. Однако и лошадиное, и человеческое мясо, защищенное железной броней, сгореть не сгорело, но прожарилось отменно.

«Да простят меня Высшие...» — подумал Лис.

Из-под пластинчатой накидки, прикрывающей ноги лошади, торчал обгорелый кусок мяса с обугленной костью на конце, отдаленно напоминавшей копыто. То, что лежало на виду, в пищу явно не годилось.

Лис снял свою многострадальную куртку и оторвал кусок подкладки. Судя по оплавленному и дымящемуся шлему рыцаря, доспехи человека и лошади все еще были раскаленными, и как-то не хотелось получать ожоги вдобавок к ссадинам и занозам, засевшим в ладонях во время подъема из колодца.

Проигнорировав неподъемный меч, Лис потянулся к кинжалу, чудом державшемуся на обгорелых ошметках когда-то роскошного пояса. Кожаная обмотка рукояти и ножен обуглилась, но само оружие, похоже, не пострадало.

«Только бы руки не спалить. Помнится, старики говорили, что металл очень долго держит тепло от огня из пасти дракона, сутками железо не остывает».

Опасения Лиса не оправдались.

«Зря подкладку попортил», — поморщился парень, осторожно трогая пальцем чуть теплый, словно живой металл.

Лис осторожно, словно дохлую змею из норы, вытащил кинжал из ножен.

Клинок из тусклого металла, испещренный диковинными узорами, не пострадал от огня. И был вполне пригоден для использования.

Правы были старики — чешуйчатая броня лошади была гораздо горячее кинжала. Это Лис ощутил, как говорится, на собственной шкуре. Хорошо только палец обжег, а не всей пятерней сунулся. Потому оторванный кусок материи не пропал даром. Шипя и тихонько

произнося про себя слова, за которые запросто могли покарать Вышние, парень с усилием приподнял край лошадиной брони.

Так и есть. Под броней мясо пострадало меньше. И, судя по запаху, на мгновение перебившему запах гари, прожарилось замечательно.

Дорогой кинжал тоже оправдал ожидания, легко пройдя сквозь паленую лошадиную шкуру. На мгновение промелькнула мысль: сколько же может стоить такое отменное оружие? Мелькнула — и пропала. Ловким круговым движением Лис вырезал из лошадиной ноги приличный шмат мяса и впился зубами в горячую плоть.

Отсутствие соли и кислой браги, которую делали местные крестьяне из болотных ягод, Лиса не смутило. Желудок сейчас получал главное, а о второстепенном можно было позаботиться позже.

Когда парень утолил первый голод, второстепенное нашлось на дне серебряной фляги мертвого рыцаря. Немного, на три глотка только и хватило — остальное испарилось. Но того, что хватило, Лису оказалось вполне достаточно для того, чтобы всерьез задуматься о будущем.

Ему вдруг очень захотелось стать рыцарем. Не тем, который сейчас валялся на земле, запеченный в собственных доспехах, а живым. Тем, который каждый день облачается в дорогую броню, катается на породистом коне, владеет отличным оружием и пьет горячее вино, вкуснее которого нет ничего на свете.

Во всяком случае, так показалось Лису.

А потом он увидел кутруба.

Вернее, то, как рождается маленький кутруб из пепла Черного Пятна, проклятого драконом.

В пяти шагах от Лиса пепел от сгоревшей травы сам собой зашевелился и начал вращаться, в считанные мгновения превратившись в маленький черный смерч высотой в локоть.

Это странное явление продолжалось недолго. Ровно столько, чтобы Лису хватило времени осознать то, что происходит, сопоставить это с рассказами дядьки Стаффа, нагнуться, подхватить серебряную флягу вместе с кинжалом и со всех ног броситься бежать.

На бегу он обернулся лишь один раз. И увидел, как из вихря, который вырос уже до трех локтей в высоту, высунулась тонкая трехпалая рука с пока еще прозрачными когтями и, неуверенно всунув их в черную землю, дернулась, подтягивая вихрь к трупу всадника и останкам его коня. А еще парню показалось, что из вихря вслед ему сверкнул взгляд внимательных глаз, горящих драконьим огнем.

Лис не стал дожидаться, пока из вихря вывалится маленький кутруб-трупоед, который с голоду да по малолетству не разбирает,

кто мертвец, а кто живой человек, и кидается на все, что шевелится или пахнет хоть каким-то подобием еды. Лис сейчас был и тем и другим, благодаря завтраку и куску паленой конины за пазухой, потому и припустил он со всех ног от греха подальше.

Дороги под ногами не было — лишь спекшаяся в корку почва да зола от сгоревшей травы и листвы деревьев — тех, что то тут, то там тянули к небу черные корявые ветви, похожие на страшные когти гигантского кутруба, который вот-вот вырвется наружу из страшных недр подземной Обители мертвых.

Однако Лис знал дорогу к городу. Далекие снежные пики Клыкков Дракона, видимые за множество полетов стрелы, служили хорошим ориентиром. Если взять немного западнее от них и идти два дня, оставившись лишь на ночлег, то, как говорил дядька Стафф, как раз и дойдешь до Стоунхенда, столицы графства Стоун.

Мелькнула мысль добавить «покойный дядька Стафф», но Лис прогнал ее от себя. Простой крестьянин, который в течение всей жизни заменял подкидышу отца, именно сейчас вдруг стал Лису настоящим отцом. Когда потерял — пришло понимание. Не тот отец, чей смутный образ в памяти уже давно размыло время. Лишь пожилой человек, который заботился о нем все эти годы, и был самым настоящим отцом.

Лис с усилием проглотил комок, застрявший в горле, и мысленно запретил себе вообще думать о прошлом, сосредоточившись лишь на единственной цели — дойти до города во что бы то ни стало.

Между тем солнце давно миновало зенит и, хотя думать о ночлеге было еще рано, следовало поразмыслить о том, как бы успеть до заката покинуть зону Черного Пятна.

Дракон, спаливший деревню, был взрослым и сильным. Молодому столько не выжечь, огненной отрыжки не хватило бы. В деревне много судачили о драконах, особенно долгими зимними вечерами, когда всех дел было у детворы — собраться в общинной избе и слушать сказки седобородых воинов, по старости уволенных со службы и вернувшихся в родную деревню.

Один из тех воинов как-то обратил внимание на тощего, но проворного парнишку. Подозвав его к себе, ветеран неожиданно ухватил пацана за загривок и оттянул нижнюю губу так, что из глаз Лиса брызнули слезы. Однако, когда малец попытался трепыхнуться, железные пальцы воина так сжали затылок, что боль в губе показалась сущим пустяком.

Обстоятельно осмотрев нижние зубы, жилистый старик схватил пальцами верхнюю губу парнишки. И несколько мгновений, пока мучитель выискивал что-то во рту Лиса, показались тому вечностью.

— Здоров, — сказал воин, наконец отпустив загривок пацана. — В лучники сгодится.

И сразу потерял к нему интерес.

Несмотря на боль в надорванной нижней губе, Лис в душе возликовал. Это значило, что ему больше не придется таскаться за плугом и надрывать на сенокосе. Пятеро старых ветеранов, которых кормила деревня Лиса, тоже не занималась крестьянским трудом. В их обязанность входила защита жителей и их имущества от набегов разбойников, которых немало водилось в окрестностях.

Конечно, защита подданных входила в обязанность графа — хозяина деревни. Но держать гарнизон в каждом селе ему было накладно. Раз в год силами графского войска проводилась зачистка местности от разбойников, и заранее о ней не знали только глухие и мертвые. Заниматься карательными операциями графы предпочитали при полном параде, с барабанным боем, завыванием труб и воплями глашатаев. Потому обычно те зачистки не представляли ни малейшей опасности для разбойников, которые спокойно уходили дальше в леса и пережидали там очередное развлечение сильных мира сего. Чего нельзя было сказать о крестьянах, из своего кармана расплачивающихся за «заботу» своего сеньора.

В итоге в каждой большой деревне имелось несколько пожилых воинов, из-за возраста и застарелых ран не годных к службе, и небольшой отряд ополченцев, которые под руководством ветеранов все свое время посвящали тренировке воинских навыков и патрулированию окрестностей. Пару раз было, отбивались от шаек, и Лис принимал в том участие. Метать стрелы из тисового лука он научился на удивление быстро. Причем так метко, что даже ветераны удивлялись, а ровесники завидовали. Оттого и не дружил Лис ни с кем. Да и не было на то времени. Гоняли ветераны молодняк беспощадно, и на мечях учили, и на копьях, и верхом. Жаль, что лишь два года посвятил Лис воинской науке. А на третий прилетел разозленный рыцарями дракон...

Парню повезло. Еще дважды видел он маленькие черные смерчи, но новорожденного кутруба повстречать так и не довелось, за что Лис уже не раз вознес мысленную благодарность Высшим. С одним кинжалом против нечистого, пусть даже новорожденного, ловить нечего. Старики говорили: клыком полоснет кутруб, пусть даже неглубоко, — и встанешь столбом. Ни шевельнуться, ни взгляд перевести. А нечистый неторопливо будет пить твою кровь, пока его брюхо по земле волочиться не станет. И отойдет от тебя, лишь когда выпьет всю до капли и, покончив с деликатесом, закусит иссушенным мясом. На кой

ему где-то шляться, когда ты у него заместо дойной коровы будешь? Пока не помрешь, конечно...

В густую траву, росшую на границе Черного Пятна, Лис рухнул, как в мамкину перину. Саму мать он не помнил, а вот перина отпечаталась в младенческой памяти. Мягкая, пахучая, слегка пропахшая дымом костра...

Нет, не костра... Черного Пятна.

Лис опомнился и быстро вскочил на ноги.

Не время нежиться на травке, ох не время! Солнце клонилось к закату. Пусть он вырвался из Черного Пятна, но ведь и на земле, которой не коснулось Проклятие дракона, живут и ищут, чем бы поживиться, голодные лесные волки, медведи и неупокоенные вурдалаки. Встречаются порой такие уроды в пустынных землях — страшные, полуразложившиеся и вечно голодные. Старики говорят, что это мертвецы, которых по ошибке либо намеренно закопали в проклятую землю, где они переродились и ожили, либо трупы, которых маги земли вызвали из Обители мертвых и забыли либо не удосужились отправить обратно. Потому, чтобы не встретить дополнительных неприятных приключений на свою голову, следовало поскорее позаботиться о ночлеге. Но сначала — вода! Пусть даже лужа, но лучше, конечно, река, чтоб заодно смыть с тела и одежды черную копоть. Или, на худой конец, ручей.

Но ни реки, ни ручья парню на пути не попалось. Попалась именно лужа, правда, размерами смахивающая на небольшой пруд. В середине лужи, прикрыв глаза, нежилась неслабых размеров кабан, вооруженный желтыми клыками, угрожающе торчащими из пасти.

В другое время Лис предпочел бы обойти стороной эдакую зверюгу. Но сейчас ему было не до перестраховок. От жажды першило в горле, перед глазами летали черные мухи. Еще немного — и все, дальше не сделать ни шагу. Будь что будет!

Лис встал на колени и погрузил голову в лужу, ожидая, что вот сейчас кабан взревет, вскочит со своего места и поднимет его на клыки. Но лучше уж так, чем к закату умереть от жажды...

Ничего не случилось. Прохлада омыла лицо парня, стало немного легче. Осторожно приподняв голову, Лис посмотрел на кабана. Чудовище продолжало нежиться в луже, блаженно прикрыв оба глаза. Ему явно было не до Лиса.

Еще раз вознеся благодарность Высшим, Лис, стараясь не делать лишних движений, протянул руку, сорвал лопух и свернул из него подобие чаши. После чего отодрал клочок многострадальной подкладки

своей куртки, зачерпнул воды из лужи и, вобрав в рот часть тряпки, напился через этот нехитрый фильтр. Чем может закончиться для желудка такой способ утоления жажды, он старался не думать.

Выплюнув отяжелевшую от глины и грязи тряпицу, Лис осторожно встал на ноги. Кабан не шевелился. Лишь глаз один приоткрыл, посмотрел на Лиса и закрыл снова. Ну и слава Высшим!

Обогнув лужу по большой дуге, парень направился к недалекому лесу, из которого, надо полагать, и выбрался на водные процедуры огромный кабан. На дереве переночевать оно всяко безопаснее, чем в открытом поле.

Так и случилось. Выбрав громадный узловатый дуб, подобно предводителю зеленого воинства раскорячившийся на краю леса, Лис без проблем влез на него до середины и с удобствами устроился в развилке ветви толщиной в три обхвата его туловища. На всякий случай привязав себя к этой природной лежанке веревкой, до того поддерживавшей штаны, Лис заснул почти мгновенно — сказалось напряжение прошедшего дня. Долгого и страшного, как сама жизнь.

* * *

Он летел. Широкие крылья мерно вздымались и опускались — чуть голову поверни и рассматривай чудо невиданное в мельчайших подробностях. Мощные, кожистые, словно на переплетения тугих мышц умелые кожемяки натянули шкуры только что забитых серых коров. Лис понимал, что это сон, но ощущение полета было слишком реальным. Как реальны были заснеженные пики, проплывающие прямо под ним, как облака, обнимающие вершины гор, как глубокие пропасти между ними, похожие на рваные раны...

«Клыки Дракона — догадался Лис. — Непрístupные скалы, за которыми, говорят, лежат врата в Обитель мертвых, откуда и попала в наш мир тварь, спалившая мою деревню и дядьку Стаффа...»

Лис так и не понял, его ли это были крылья во сне или же он летел на спине их обладателя, но, как бы там ни было, жили те чудовищные крылья своей жизнью. Внезапно они сложились с шелестом, какой издает хороший меч, влетающий в ножны... и Лис камнем полетел вниз.

«Эх, не надо было так думать про хозяина крыльев...» — успел пожалеть Лис.

Но, как известно, хорошая мысль всегда приходит слишком поздно...

Как всегда бывает в кошмарах, в тот самый момент, когда разбросанные внизу острые осколки скал стремительно выросли в размерах и стали видны отчетливо, Лис проснулся. Парень даже успел порадоваться, что эти огромные камни были всего лишь сном... и удивиться, что не сном оказалось стремительное падение.

Удар был не особенно сильным — все-таки не с высоты драконьего полета он навернулся. Но вполне достаточным для того, чтобы дать себе зарок никогда больше не спать на деревьях.

Покряхтывая и потирая ушибленное колено, Лис поднялся на ноги, подрыгал конечностями, проверяя, целы ли. Не обнаружив существенных повреждений, парень вознес хвалу Высшим, что сохранили дурака в полете, после чего мерзопакостным словом обозвал старую веревку, не воспрепятствовавшую падению хозяина с дерева.

Связав оборванные концы и кое-как перетянув штаны отреставрированной веревкой, Лис немного успокоился. Все-таки ущерб оказался минимальным — только вот коленку отбил да морду слегка разодрал о куст малины, что так некстати вздумал присоседиться к дубу. Но это дело наживное, как говорится, до свадьбы заживет.

Подмигнув краю солнца, высунувшемуся из-за горизонта, Лис обобрал с куста спелые ягоды, после чего направился дальше, на ходу развлекая себя мыслями на предмет, почему люди говорят «до свадьбы заживет». А если у кого-то свадьбы не будет вообще? Например, если с лица некрасив или по причинному месту кто оглоблей заехал? Что ж ему, так до конца жизни с разодранной мордой ходить?

Когда человек молод, ему не свойственно долго мучить себя переживаниями. Ведь впереди жизнь настолько долгая, что кажется бесконечной. Лис был полон сил, страшное Черное Пятно осталось позади, слева от него приветливо шумел лес, гоняющий ветвями деревьев шаловливый ветер, а впереди уже маячили башни Стоунхенда, над которыми развевались видимые даже отсюда полотнища знамен, напоминающие виденные на картинке длинные и узкие раздвоенные языки драконов.

Однако, несмотря на кажущуюся близость города, путь еще предстоял неблизкий. Солнце уже давно полностью выбралось из-за горизонта и потихоньку катилось по небу, вполне ощутимо припекая неприкрытую макушку Лиса.

Горсть малины, ранним утром заброшенная в рот, давно переварилась, а ее лесная свежесть вместе с потом успела полностью впитаться в рубаху притомившегося парня. Лис уже всерьез подумывал о том, чтобы вернуться в чащу и поискать лесной родник, а также второй

куст с ягодами, потом третий и четвертый... Но отчетливый знакомый скрип за его спиной не дал окончательно созреть планам похода за едой, водой и прохладой.

Лис обернулся.

Так и есть...

Заморенная жизнью коняга еле плелась по утоптанной дороге. Тем не менее получалось у нее это все же побыстрее замученного приключениями Лиса, даже несмотря на то, что ей приходилось тащить за собой крытый возок вместе с возницей. Привычка — страшная сила. На морде лошади была написана покорность своей судьбе, какую часто можно встретить также и на лицах людей, заезженных каждодневным монотонным крестьянским трудом.

Возница же, наоборот, был вполне доволен жизнью. Его круглое лицо лучилось довольством, а нехилых объемов брюхо, возлежащее на бедрах, словно бурдюк с вином, свидетельствовало о том, что толстяк уже давно не изнурял себя работой на пашне, найдя себе в жизни более легкое и доходное занятие.

Возок поравнялся с Лисом.

— Слышь, парень, в город направляешься?

В иное время Лис бы промолчал. Или ответил что-то вроде: «А что, не видно? Дорога, поди, в городские ворота упирается». Но сейчас ему было не до препирательств. От заботливо укрытого рогожами возка распространялся настолько аппетитный запах, что у парня закружилась голова. Поэтому он лишь кивнул, сглотнув слюну, мгновенно заполнившую рот.

— Жрать, поди, хочешь? — осведомился возница.

Лис снова кивнул, отметив цепкий взгляд толстяка, скользнувший по горлышку серебряной фляги, торчащему из кармана куртки, и кинжалу, клинок которого высунулся из прорехи другого кармана.

— Ну садись, подвезу, — предложил возница. После чего засунул руку под рогожу и вытащил булку только что испеченного хлеба. — Только за еду и доставку отдашь мне вот это.

Мясистый палец указал на флягу.

«Губа не дура», — подумал Лис.

Но когда в дополнение к хлебу из-под рогожи был извлечен окорок неслабых размеров и глиняный кувшин, парень, отбросив сомнения, влез на возок, сунул толстяку флягу и принялся уписывать нежданный завтрак за обе щеки. В кувшине оказалось прескверное кислое вино, но сейчас Лису было не до разносолов.

— Откуда сам? — через некоторое время поинтересовался толстяк, которому надоело слушать чавканье Лиса и горестные лошадиные вздохи.

Парень неопределенно мотнул головой в сторону — то ли направление показал, то ли кусок мяса зубами оторвал, понимай как хочешь. Возница щелкнул кнутом, подгоняя унылую лошадь, окинул Лиса внимательным взглядом и хмыкнул.

— Что-то ты неразговорчивый больно. Грязный как кутруб, набыченный, в волосах трава, морда расцарапанная. С дуба, что ли, рухнул?

— Было дело, — отозвался Лис.

Хлеб и окорок, благополучно перемолотые крепкими зубами и залитые вином, создавали в желудке приятную тяжесть. Почему бы не поговорить с хорошим человеком, берущим с путников за проезд и еду цену всего возка вместе с лошастью.

— А чего на дуб полез?

— Надо было, — буркнул Лис.

Болтливый толстяк начинал раздражать. И чего в душу лезет?

— Ну и ладно, — кивнул возница. — Не хочешь говорить — не надо. А я вот в Стоунхенд еду с товаром. Сам я из вольных, на рынке хлебом да мясом торгую. Тех булок, что я в своей домашней печистряпаю, городским нипочем не испечь. В самом городе-то кондитерскую открывать никак нельзя — власти налогами замучают да конкуренты обязательно секрет подсмотрят, как хлеб печь, чтоб он три дня оставался мягким да душистым. Так вот и мотаюсь между городом и своим селом. Ты, видать, тоже из деревенских?

Лис машинально кивнул, думая о своем.

— Хмм...

Толстяк окинул парня внимательным взглядом.

— В соседних поселках я тебя не встречал. А ты, часом, не из тех мест, что давеча дракон спалил?

Лис кивнул снова. Сейчас он прикидывал, как и на что будет жить в Стоунхенде. Родни нет, знакомых нет, в карманах ветер гуляет. Если только кинжал продать? Глядишь, на первое время хватит. А потом можно будет какую-никакую одежду прикупить и к кому-нибудь в работники наняться. Или в городскую стражу. Если возьмут, конечно...

— Так-так...

Толстяк замолчал и сосредоточенно защелкал кнутом. Хотя подгонять лошадь не было особого смысла. Надвратная башня городской стены была уже на расстоянии половины полета стрелы, и коняга,

почуяв близость стойла, без понуканий стала быстрее перебирать ногами.

Отвлечшись от своих мыслей, Лис с восхищением рассматривал зубчатые стены, сложенные из огромных, грубо отесанных камней, круглые угловые башни, увенчанные крышами, напоминающими громадные остроконечные шляпы, флаги, развевающиеся над теми крышами, и закованных в железо воинов, стоящих на страже городских ворот.

Человеческому глазу свойственно первым делом замечать все большое и блестящее. Потому взгляд Лиса не сразу остановился на десятке потемневших от времени деревянных столбов с перекладинами наверху, расставленных вдоль дороги. И то, что под ними висело, заставило парня поневоле содрогнуться.

На грубо оструганных глаголях болтались человеческие тела в разной степени разложения. Плечо одного из трупов оседлал ворон, пытаясь дотянуться клювом до глазного яблока повешенного. Ворон был матерым и тяжелым, и труп от движений когтистых лап дергался на веревке, словно пытался спасти единственный оставшийся глаз.

Почти рядом с виселицами валялись несколько куч разноцветного тряпья, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся нищими. Кто-то сидел, поставив перед собой пустые глиняные миски для подаваний и безучастно глядя на путников, кто-то лежал прямо на голой земле, закутавшись в свои тряпки. То ли спит бедолага, то ли уже отдал Вышшим душу — поди разбери.

Лис закусил губу.

«Не нравится мне что-то такой привет странникам от городских властей, — подумал он. — Может, ну его, этот Стоунхенд? Мир большой, и наверняка в нем найдется место, где погорельцев встречают живые...»

Пока он сомневался, возок прогрохотал окованными железными обручами колесами по бревнам подъемного моста и остановился напротив городских ворот, створки которых были приоткрыты ровно настолько, чтобы между ними мог протиснуться один человек. Скучающий стражник в шлеме с поднятым забралом и слегка помятой кирасе зевнул, поправил ножны с длинным кинжалом, висящие на поясе, прислонил к стене копьё и подошел к возку. Его товарищ в кольчуге до колен, вооруженный коротким мечом у пояса и небольшим полевым арбалетом, висящим на ремне за спиной, даже не изменил позы — как стоял, прислонившись спиной к стене, так и остался стоять. Только в глазах блеснул живой интерес, причину которого Лис понял, как только первый стражник открыл рот.

— В твоём гробу на колесах, как всегда, жратва?

Возница кивнул. Как показалось Лису, несколько напряженно.

— Лишнего ничего нет? А то ж проверю как-нибудь, сразу за все сдеру по полной.

Толстяк горестно вздохнул, изображая на лице оскорбленную невинность.

— Ну ладно, ладно, шучу, — зевнул стражник. — Три медных монеты с тебя.

— Почему три? — вскинулся толстяк. — Всегда две было!

— Одна монета за воз, одна — за тебя, одна — за пацана.

— Роб, ты о чем это? Да я его знать не знаю! Просто подвез по дороге. Погоди, я тебе сейчас все расскажу...

С неожиданным проворством возница соскочил с воза и, отведя стражника в сторону, принялся что-то ему вполголоса втолковывать.

Лису это все порядком надоело. Он тоже слез с воза и направился было в сторону, противоположную воротам. К Нижним этот город вместе с его мертвецами — как живыми, так и настоящими!

Однако ушел он не дальше пары шагов.

Возле самого подъемного моста сидел нищий с лицом, напоминающим сгнившее яблоко как цветом, так и обилием шрамов и морщин. Лис, проходя мимо, еще подумал про себя: и как его стража не прогонит? Но мысль додумать не успел. Старик быстро протянул иссохшую руку и с неожиданной силой ухватил парня за полу многострадальной куртки.

— Ты из Черного Пятна? — быстро спросил он.

— Да, — ответил слегка растерявшийся Лис.

— Спасся, поди, в колодце?

— Ну да. А откуда ты...

— Неважно. Беги, парень. Только не в поле. На стенах дальнобойные арбалеты, стражники сразу же подстрелят, как куропатку. В город беги. Прямо до церкви, потом налево. Увидишь вывеску над дверью — разбитый фонарь. Нырять туда. Вербовщику скажешь три слова: «Защиты и покровительства».

— Но почему я должен бежать?

— Идиот, — прошипел нищий. — Слуги Высших считают, будто все, что выползает из Черных Пятен, — проклято и подлежит истреблению огнем и железом.

Краем глаза Лис увидел, как толстяк, разговаривающий со стражником, бросил в его сторону быстрый взгляд, продолжая шептать в открытый шлем, как стражник, кивнув, отстраняет возницу

и делает шаг по направлению к оставленному копыю, как арбалетчик, уловив движение товарища, медленно отлепляет спину от стены и на всякий случай кладет ладонь на рукоять меча...

Не зря два года натаскивал Лиса седой воин-ветеран, деревянным подобием меча и тупыми стрелами вколачивая в парня воинскую науку. Лис понял: еще мгновение — и его окровавленное мертвое тело будет сброшено в крепостной ров.

И он прыгнул. С места, словно та самая учебная стрела, сорвавшаяся с тетивы и летящая прямо в живот недостаточно проворного ученика, на бегу слыша знакомый шелест клинка, покидающего ножны.

Справедливо рассудив, что тяжелое копьё всяко медленнее меча, Лис поднырнул под занесенную руку арбалетчика и изо всех сил боднул его головой в защищенный кольчугой живот...

Из глаз тут же посыпались звезды.

«Хорошо, что не кираса», — пронеслось в голове.

Не ожидавший от парня такой прыти, стражник покачнулся и ухватился было свободной рукой за щедро смазанную жиром цепь подвесного моста, стремясь сохранить равновесие. Однако получилось только хуже — окольчуженная перчатка соскользнула с цепи, и стражник с грохотом приземлился на пятую точку.

Путь был свободен, и Лис что есть духу рванул к воротам. Боковым зрением он заметил, как второй стражник, не успевая выпадам копыя достать беглеца, отработанным движением руки заносит над головой свое оружие.

Уже у самых ворот Лис с размаху упал на живот, по инерции проехав на нем пару локтей. Над его головой просвистело негромкое «ш-шухх», после чего в створку ворот вонзился широкий наконечник копыя, древко которого дрожало, словно от злости на растяпу хозяина, который не догадался метить в цель на четыре пальца пониже.

Не дожидаясь, пока стража перестанет надеяться на свои силы и начнет орать, призывая подмогу, Лис вскочил на ноги и, протиснувшись меж приоткрытых створок городских ворот, понесся по главной улице города, не отвлекаясь на достопримечательности и где огибая, а где и отталкивая с дороги редких прохожих.

Ему повезло. Ранним утром народу на улице было немного, и даже летящий в спину крик копыеносца «Держи вора!» не сподвиг на поимку беглеца полусонных горожан, только-только покинувших свои дома.

«Спасибо, Высшие!» — мысленно поблагодарил Лис, следуя полученному совету и возле церкви круто поворачивая налево.

И тут он понял, что поторопился, ибо, как и рекомендовал в свое время дядька Стафф, любую благодарность стоит произносить, лишь когда дело доведено до конца.

Узенькую улочку перегораживала туша высотой около четырех локтей и примерно столько же в ширину. Ни пройти, ни проехать, ни обогнуть, ни перепрыгнуть. К тому же в правой руке гигант держал мясницкий топор нехилых размеров, одновременно левой почесывая необъятных размеров брюхо.

— Бежать вздумал, воришка? — ощерился здоровяк пеньками сгнивших зубов. — Ну иди, иди сюда. Отбегался, родимый.

Лис затравленно оглянулся. Бесполезно... Бежать некуда. Позади все ближе и ближе грохотали доспехи стражников. Еще несколько мгновений и...

Кустистые брови мясника недоуменно приподнялись, отчего кожа на лбу собралась в несколько жирных складок. Воришка неожиданно бухнулся на колени и пополз к нему.

— Дяденька, не губи! Пощади, дяденька!

На одутловатом лице гиганта отразилось сомнение.

— Да я это... Я ж только вот страже тебя сдам... Ты не подумай, я не душегуб какой... Я чтоб все по закону...

Завершить мысль ему помешало облако пыли и песка, неожиданно брошенное снизу в лицо. Бросок оказался точным — мельчайшее крошево забило сразу и широкие ноздри, и приоткрытый рот, и маленькие пороссячьи глазки.

— Ах ты, поганец! — взревел мясник, вслепую взмахнув топором. — Да я тебя щас...

Гибкая тень проскользнула у него между ног. Толстяк ударил со всей силы, но опоздал лишь на мгновение... А потом пришла боль. Резкая и нестерпимая...

Некоторое время мясник тупо разглядывал топор, торчащий из ступни, после чего неожиданно тонко всхлипнул.

— Мой сапог, — плачущим голосом простонал он. — Моя нога... Люди, помогите...

Вывернувшийся из-за угла стражник, бегущий с мечом наперевес, заорал дурным голосом, вращая глазами навывкате:

— С дороги, чучело! Нечистого упустим!

— Мой сапог... — продолжал стонать гигант, мерно раскачиваясь из стороны в сторону. — Помогите топор достать, люди добрые! Сам я ни в жисть...

Краем уха Лис слышал сзади стоны раненого толстяка и вопли стражи, пытающейся убрать с дороги неожиданное препятствие, но все это было уже неважно.

В конце улочки стояло большое трехэтажное здание, так же, как и городские стены, сложенное из тесаного камня. Узкие стрельчатые окна больше напоминали бойницы, а из башенки, возвышающейся над кровлей третьего этажа, можно было вполне успешно силами пары арбалетчиков простреливать как всю улочку, так и «мертвую зону» возле мощной дубовой двери, которую разве только крепостным тараном и штурмовать в случае, ежели кто-то сильный и могущественный решит вдруг во что бы то ни стало добраться до хозяев дома-крепости.

Над окованной железными полосами дверью на толстых цепях болтался старый фонарь. Бесценная, наверно, штукovina была в свое время, пока какой-то варвар не разбил стрелой дорожное стекло фонаря. Стрела, кстати, так и осталась торчать меж острых осколков стекла, словно в живой рваной ране.

Лис бросился к двери, схватился за железное кольцо и замолотил им в дверь со всей силы.

— Входи, добрый человек, — немедленно раздался голос из-за двери. — Не заперто.

Лис потянул кольцо на себя — и массивная дверь поддалась на удивление легко. Парень шмыгнул внутрь полутемного помещения и остановился на пороге, осматриваясь и хватая ртом спертый воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

Несмотря на то что с минуты на минуту дверь должна была распахнуться и меч стражника, войдя в спину нарушителя спокойствия, поставил бы в книге его жизни жирную стальную точку, Лис каким-то звериным чутьем понял, что он в безопасности.

Он стоял в просторном зале... в котором не было ничего, кроме четырех стоящих по углам больших светильников из тяжелого черного металла, утыканых чадящими свечами, массивного стола, стула с очень высокой спинкой и человека в черном балахоне, сильно напоминавшем сутану слуги Высших. Человек сидел на стуле, положив на стол худые руки с длинными пальцами. И отчего-то казалось, что это не части тела живого человека, а абсолютно посторонние, неживые предметы, на одном из которых сверкал массивный перстень с печатью. Таким же мертвым показалось Лису и лицо сидящего. Выцветшие брови, бледное лицо, тонкие, бескровные губы и абсолютно неживые глаза, смотрящие словно сквозь Лиса. И парень понял:

в присутствии этого человека стража не посмеет не только убить его, но даже переступить порог без приглашения. Хотя на всякий случай, припомнив слова нищего, произнес:

— Защиты и покровительства!

Змеиные губы человека дрогнули.

— Являешься ли ты хозяином своего тела, души и разума?

Слова живого мертвеца непостижимым образом разносились по всему залу. Казалось, будто из каждого угла невидимые слуги хором повторяют сказанное.

«Чушь какая-то», — пронеслось в голове у Лиса, но он на всякий случай кивнул. Времени задавать вопросы не было — он явственно слышал за дверью бряцанье тяжелых доспехов. И несмотря на то, что частая дробь окольчуженных сапог по мере приближения к двери сменилась звуком неуверенных шагов, вполне могло стать, что нерешительность городской стражи явление временное.

— Осознаешь ли ты то, о чем просишь?

Лис кивнул снова. Сейчас он осознавал лишь то, что позади него стоят два вооруженных стражника и от его спины острия их клинков отделяют лишь несколько дубовых досок, скрепленных железными полосами.

— Готов ли ты вступить в гильдию Воинов Ночи?

Лис настолько энергично дернул головой сверху вниз, что у него заболела шея и тонкая струйка крови, скатившись по переносице, потекла по подбородку.

«Кутруб тебя побери! — выругался про себя Лис. — Об кольчугу того дуболома лоб разодрал, не иначе. Пока бежал, рану волосами залепило, а нынче кровь отворилась. Сейчас прогонит меня тощий демон, чтоб пол не пачкал, тут мне и конец».

Однако его опасения не оправдались. На столе перед «тощим демоном» не было ничего, кроме куска пергамента и заточенного гусяного пера, лежащего на простой деревянной подставке. Лис еще успел удивиться — где ж чернильница? В деревне было всего один грамотей — слуга Высших, бравший за церковные обряды и составление писем непомерную плату. Так он всегда ходил с письменным набором и переносной чернильницей на поясе. А тут перо есть, а...

— Плохо, когда большой и сильный хочет обидеть слабого и беспомощного, — прервал ход размышлений Лиса человек в черном балахоне, пододвигая к краю стола кусок пергамента. — Подойди, неофит. Ты должен расписаться под договором.

«Интересно, он что, знал, что я приду, и загодя договор написал? Или у них все заранее заготовлено на случай, если кому-то срочно защита и покровительство потребуется?»

Однако мысли не мешали ему осознавать, кто, переминаясь, сомневается за дверью — входить или подождать, пока жертва сама выйдет? Поэтому Лиса долго упрасивать не пришлось. Чуть не бегом парень пересек зал и остановился возле стола, соображая, каким образом он сейчас будет ставить кружок под пергаментом абсолютно сухим пером.

Смысл строк, написанных на квадратном куске телячьей кожи, для Лиса было недоступен — у дядьки Стаффа в жизни не набралось бы столько денег, чтобы научить приемыша столь сложному искусству, как грамота. Да и нужно ли оно что простому пахарю, что воину? Отрывок из Книги Высших, если надо будет, Посвященный прочтет, а иных книг, наверно, и на свете нет. Во всяком случае, Лис о них не слышал.

Вблизи человек в балахоне производил еще более жуткое впечатление. То, что издали казалось глубокими морщинами, оказалось застарелыми шрамами. Причем на удивление симметричными, словно их нанесла чудовищная лапа с острыми когтями, когда-то давно пытавшаяся сорвать лицо с черепа благодетеля Лиса. Хотя благодетеля или нет — это еще вопрос. Кто его знает, что у него на уме. Вдруг...

Додумать мысль снова не получилось.

«Благодетель», до этого неуверенно вертевший в руке перо, вдруг выбросил вперед руку, да так быстро, что Лис заметил лишь размытую линию. И, естественно, не успел отшатнуться.

Отточенное перо ощутимо кольнуло рану над бровью, словно птица клюнула. Лис недоуменно хлопнул глазами и инстинктивно поднял руку ко лбу.

— Не трожь, — скомандовал равнодушный голос, и Лис совершенно неожиданно для себя подчинился. Его рука словно по волшебству остановилась на полпути. И в эту руку длинные пальцы человека в балахоне ловко вложили перо с алой каплей на кончике.

— Размажешь кровяницу по ладони, договор ненароком заляпашь, — пояснил вербовщик. — Расписывайся.

Лису показалось, что правая рука сама, без его участия и желания, поставила кружок под текстом на пергаменте.

— Ну, вот и отлично.

В голосе вербовщика проскользнула едва заметная нотка удовлетворения, которое испытывает человек, хорошо сделавший свою работу. Длинные пальцы сноровисто скатали пергамент в трубку

и перевязали его красной нитью. Словно ниоткуда возникла на столе зажженная свеча в подсвечнике из желтого металла, выполненном в виде миниатюрного человеческого черепа. На ней вербовщик разогрел тонкую палочку сургуча, смастерил из нее блямбу, навесил ту блямбу на нить и запечатал перстнем.

Лис стоял столбом, заворожено глядя на руки вербовщика, которые двигались с неестественной для обычного человека быстротой и ловкостью. Стоял и думал, что захоти сейчас этот человек убить его, пожалуй, ему хватит одного движения, которого Лис просто не заметит.

Нерешительный стук в дверь вернул парня в реальность.

— Входите, — разрешил вербовщик.

Лис даже не стал оборачиваться. Зачем? Что он сможет сделать против двоих закованных в броню воинов в пустом зале? Только сейчас он осознал, что подписал какую-то бумагу, не зная, что в ней написано. Может, сам себе приговор одобрил? Хотя особого выбора-то все равно не было. Так что зачем лишние движения? Не все ли равно, как тебе смахнут мечом голову — лицом к двери или наоборот...

— Мессир, этот человек...

— Вы слишком долго топтались под дверью, доблестные воины.

Человек в черном поднялся со стула, и Лис удивился в который раз за сегодняшний день. Таких высоких людей он еще никогда в жизни не видел. Голос вербовщика с громким званием «мессир» звучал одновременно со всех сторон, заставляя вжимать голову в плечи от величия услышанного.

— И вы опоздали. Этот человек только что стал членом гильдии Воинов Ночи.

Лис осторожно повернул голову и посмотрел через плечо.

Двое стражников представляли собой жалкое зрелище. Растерянные, прячущие глаза в пол и заметно дрожащие от страха фигуры — аж доспехи слегка позвякивали. Нет, конечно, «мессир» производил внушительное впечатление, но чтобы вот так тряслись от одного его вида вооруженные воины? И потом, что значит это «мессир»? Что-то такое рассказывал дядька Стафф давным-давно, вспоминая старую легенду. Искореженное просторечием «мой сир»? Обращение то ли к рыцарю, то ли к носителю секретных знаний, то ли к главе тайного ордена...

— Вы свободны, — отрывисто бросил человек в черном.

Две закованные в железо фигуры словно только того и ждали — отвесив каждый по глубокому поклону (как только шлемы с голо-

не свалились?), они вымелись из зала со скоростью, казалось бы, невозможной для людей, носящих на себе по полтора пуда местами проржавевшего металла.

Лис стоял, рассматривая окровавленное перо, валяющееся на столе. Смотреть больше было не на что. Мессир стоял над ним, возвышаясь, словно черная тень демона смерти, и поднимать глаза решительно не хотелось. Кому охота лишний раз смотреть в лицо человека, напоминающего посланца подземного мира? Да и человека ли? Может, это и есть один из Нижних богов, о которых полупшепотом рассказывают долгими зимними вечерами старики у общинных костров?

Однако посмотреть заставили. Холодные, жесткие пальцы сомкнулись на нижней челюсти Лиса. Резкая боль пронзила низ подбородка, и парень волей-неволей задрал голову кверху.

Несколько мгновений мессир рассматривал лицо Лиса, как привередливый покупатель, выбирающий на рынке окорок посвежее, поворачивая голову парня так и эдак. Видимо, удовлетворившись осмотром, человек в балахоне кивнул и, отпустив подбородок, хлопнул в ладоши.

Немедленно в конце зала отъехала в сторону неприметная панель.

«Ничего себе дверь! — удивился Лис, потирая онемевший подбородок. — В двух шагах стоять будешь — не заметишь. Странное место. Интересно, куда я все-таки попал?»

Из-за панели вытек очень худой человек, закутанный в темно-серый, слегка мешковатый костюм, оставляющий открытыми лишь бесстрастное лицо и кисти рук. Именно вытек, а не вышел. Движения человека были плавными и одновременно стремительными. Словно на теле большой змеи кто-то искусно сделал три длинных надреза, которые превратились в человеческие конечности. А потом та змея научилась ходить на своем бывшем хвосте, переставляя две его половинки, лишённые костей.

Человек-змея приблизился. Не доходя до мессира пары шагов, он склонил голову и перетек в положение на коленях.

— Проводи неопита в келью, Мунк, — распорядился вербовщик. — Заберешь у него оружие, потом дашь ему еды, питья и немного «Драконьей крови». Пусть отдохнет с дороги, расслабитесь и выспитесь.

— Крови дракона? — переспросил Лис. Пить юшку летающей твари, которая сожгла его дом и дядьку Стаффа, Лису решительно не хотелось.

— Это название одного из лучших сортов вина, которое есть в погребах гильдии, — отмахнулся мессир. — Сейчас ты будешь есть

и спать, чтобы завтра быть готовым к церемонии посвящения в Воины Ночи.

— А что я должен буду делать, когда стану Воином Ночи?

Вопрос Лиса потонул в складках балахона, ниспадающего с плеч мессира до самого пола. Человек, обладающий способностью повергать в ужас вооруженных воинов одним своим видом, повернулся спиной к парню, обогнул стул с высокой спинкой и словно поплыл над полом.

Легкий хлопок по плечу на мгновение отвлек Лиса от удаляющейся фигуры. Он обернулся — и его взгляд наткнулся на внимательные глаза человека-змеи. Тот, кого вербовщик назвал Мунком, одним незаметным движением извлек из кармана Лиса рыцарский кинжал, после чего махнул рукой, мол, иди за мной. Повернулся — и направился к квадратной дыре в стене, которую язык не поворачивался назвать входом: все-таки люди обычно входят в двери, а не в стены. Лис кивнул, но прежде, чем последовать за странным слугой, обернулся. В зале больше никого не было, кроме него и Мунка. Вербовщик словно провалился сквозь землю.

Лис поежился. Жуть какая-то. Замаскированные входы, слуги, выходящие из стен, господа, имеющие обыкновение исчезать, словно привидения. А может, это и было привидение?

Лис осторожно потрогал лоб. Нет, вряд ли. Привидения не тычут заточенными перьями в людские раны с целью добыть каплю кровавых чернил. Это или слуга Нижних богов, или черный колдун, или...

— Ыыы!

На этот раз хлопок по плечу был гораздо жестче. Лиса аж скрючило слегка. Кто бы мог подумать, что легкий тычок в плечевое сочленение костей может причинить такую вспышку боли? К счастью, кратковременную. Да, в этом доме с гостями не церемонятся.

— Ы!!!

— Да иду, иду, — проворчал Лис, потирая плечо. В другое время он, может, и двинул бы этому Мунку промеж внимательных глаз, но сейчас не в том он был положении, чтобы драться со слугами господина, который только что спас его от смерти. Ради такого дела можно и потерпеть. Некоторое время.

— А ты чего «ыкаешь»? Немой, что ли?

Слуга обернулся, окинул Лиса взглядом, полным ненависти, и потек к проему в стене, более не оборачиваясь.

«Интересно, как это он так ходит? — думал Лис, следуя за слугой. — Кошку и то слышно, как она лапками по полу топочет. А этот

как поземка по льду скользит, будто в нем вовсе веса нет. Не иначе, колдовство какое...»

За черной дырой в стене сразу начиналась крутая винтовая лестница, ведущая вниз. Отчаянно чадающие факелы, воткнутые в ржавые держатели, откованные в форме торчащих из стен драконьих лап, давали больше сажи, чем света, которого еле-еле хватало на то, чтобы рассмотреть ступени. Спускаясь вслед за Мунком, Лис невольно жался к стене, рискуя подпалить волосы об очередной факел. Уж больно неприятно выглядел бездонный круглый колодец, вдоль которого вилась узкая каменная лестница со ступенями, стертыми тысячами ног за многие-многие годы.

«И сколько же народу за это время ухнуло в ту дыру? — подумал Лис. — Хоть бы перила догадались поставить, того и гляди сорвешься».

Но коренных обитателей замка этот вопрос точно не волновал. Мунк стекал по лестнице быстро и уверенно, словно горный тролль по карнизу над пропастью, — только успевай догонять.

От бесчисленных витков у Лиса начала слегка кружиться голова. По его подсчетам, они спустились уже на глубину не меньше полусотни локтей. Порой в стене попадались большие черные дыры, похоже, входы в тоннели, из которых несло сырým сквозняком. Встречались и двери, наверно, не открывавшиеся со времени постройки замка — столько на них было паутины и потеков извести, вымытой из древней кладки подземной сыростью.

Наконец Мунк остановился перед одной из таких дверей, с виду ничем не отличающейся от предыдущих. На его руке блеснуло кольцо с камнем, таким же серым, как и одеяние слуги. Мунк потер камень мизинцем левой руки, совершив при этом кистью сложный жест, который вот так с ходу не повторить, как ни старайся. После чего, не отрывая мизинца от камня, дунул на то место, где у обычной двери положено быть ручке и замочной скважине.

Лис не поверил своим глазам — дверь бесшумно ушла вбок, прямо в каменную кладку, вместе с паутиной, ржавыми петлями и мощной оковкой толстенных дубовых досок, потемневших от времени.

Парня передернуло.

«Магия! Запрещенное действие, за которое полагается смерть на костре в любом графстве, если ты не принадлежишь к гильдии Сенситов или не являешься слугой Высших! Куда я попал? Мунк явно не Сенсит и уж точно не Посвященный. Тогда чей это замок? Неужто последователей Низших, по слухам, использующих черную магию Неупокоенных? Но тогда смерть на костре покажется невиданной

милостью в случае, если меня поймают стражи Закона. Ведь я только что подписал бумагу о том, что являюсь членом гильдии, о которой никогда не слышал!»

Только сейчас Лис осознал, что наделал. И от этого ему стало совсем муторно. Подписать договор с людьми, использующими магию... Уж лучше тихо-мирно умереть на виселице за воровство, чем быть сожженным заживо. Или и того хуже — корчиться на колесе в страшных мучениях много дней, если Чистильщики Веры заподозрят, что ты использовал магию.

Но пути назад не было, разве только головой вниз, в бездонный пролет винтовой каменной лестницы. Но головой вниз пока не хотелось — свойственно человеку надеяться на лучшее до последнего. Вот Лис и пошел вслед за Мунком по коридору, открывшемуся за заговоренной дверью, — длинному, сырому, полутемному. Те же факелы на стенах, те же заросшие паутиной двери по бокам коридора...

«От сырости да плесени даже магия не помогает, — нервно усмехнулся про себя Лис. — Интересно, для кого построены эти казематы? Здесь же не одну сотню человек запереть можно».

Мунк остановился у одной из дверей и, произведя ту же процедуру с кольцом, шагнул в образовавшийся проход, поманив парня за собой. Лис, переступив порог, машинально провел рукой по косяку. Сплошной камень, никаких следов паза, в который могла уехать дверь.

«Точно магия», — подумал Лис... и неожиданно успокоился. Ну магия и магия, что ж с того? Живут себе эти странные люди в доме-замке, построенном внутри города, и, судя по поведению стражи, пользуются неслабым уважением властей. Значит, и ему нечего трястись, если запретные действия здесь в порядке вещей.

Он осмотрелся. Помещение здорово смахивало на келью служителя Высших, которую Лис видел в деревенском храме, когда носил Посвященному положенную ежемесячную десятину от скудных доходов дядьки Стаффа. Только здесь, понятное дело, стены были не деревянные, а сложенные из грубо обтесанного серого камня.

Стол заменял куб, высеченный из того же материала. Вместо табуретки — просто плоский серый валун, которого даже не коснулся резец камнетеса. Ворох подгнившей соломы в углу — это, небось, постель. А дыра в полу — сток для нечистот. Скудное убранство кельи освещал факел, воткнутый в рыхлую от ржавчины железную драконью лапу, вделанную в стену, — такую же, как на лестнице и в коридоре. И на всем — налет слабой магии. Не надо быть колдуном, чтобы понять простейшее: факел хоть и чадит, но затухать явно не собирается.

Окна в келье нет (оно и понятно, подземелье же!), но в то же время в ней не душно. И из стока не воняет, хотя должно непременно. Не бывает так, чтобы дерьмо, да не пахло. Ясное дело, магия...

Сзади послышался еле слышное «тук!».

Лис обернулся.

Понятно. Дверь, с виду толстенная, что твои крепостные ворота, тихонько встала на свое место после того, как из камеры неслышно выскользнул Мунк. Замечательно. И что теперь прикажете делать в этом каменном мешке?

Впрочем, недолго отсутствовал немой прислужник мессира. Лис только-только успел солому перевероршить, мастера себе лежбище поудобнее, как человек-змея появился, неся в руках поднос с двумя плошками и небольшим кувшином с узким горлышком. Сгрузил все это на стол и, даже не посмотрев на парня, ретировался.

Лис полюбовался в очередной раз, как плавно ходит туда-сюда тяжеленная с виду дверь, но уже без особого удивления — человеку свойственно привыкать к необычному. Только что стоял столбом, рот открывши, а как удивительное повторилось раз-другой-третий, уже вроде оно и в порядке вещей. Вроде так и надо и по-другому вовсе быть не должно.

В общем, Лис решил голову больше не ломать над вопросами, на которые все равно ответа не предвидится, и воздал должное ужину. Кстати, на редкость вкусному. Более того — ничего более восхитительного Лису в жизни есть не доводилось.

В одной плошке оказалось какое-то белое нежное мясо с розовой подливой, которое парень попробовал сначала с опаской. Но, осторожно разжевав первый кусочек размером с ноготь, после в один присест умял всю тарелку. Во второй плошке тягуче перекачивался жирный, наваристый то ли суп, то ли студень — не разобрать. История повторилась. Попробовали, зажмурились от удовольствия и тут же умяли все, после вылизав глубокую деревянную тарелку, украшенную сложным резным узором.

А в кувшине было вино. Наверно, та самая «Кровь дракона», о которой говорил вербовщик. И ведь не наврал. Более того, наверно, поскромничал, говоря, что это лучшее вино, которое есть в погребках гильдии. Смакуя содержимое кувшина и жмурясь от удовольствия, Лис подумал, что это самый что ни на есть лучший напиток в мире! И самый хмельной на свете.

Вроде было в кувшине всего-то ничего, а в голову шибануло будь здоров. Лис как-то у проезжего винодела бутылку крепчайшего само-

гона украл. И выпил один в лесу, зная, что дядьке Стаффу предлагать бесполезно — ворованное он пить точно не станет, да еще и уши надерет. Так с того самогону гораздо меньше по мозгам дало, даже, помнится, сам до дому доплелся. А в этом кувшине вина раз в пять меньше было, чем в той бутылки, но с камня-табуретки встать у Лиса не получилось, как ни силился. Келья-камера внезапно поплыла перед глазами, словно на отрисованную в темных тонах картину щедро плеснули маслом... Лис поднатужился, скрестил руки на столе и уронил на них неподъемную голову...

Ага, думал, что на них, но оказалось, что промахнулся. Руки маленько вперед уехали, и парень слегка приложился лбом об каменный стол. Но разве такие мелочи могут огорчить человека, по всему телу которого разливается теплая, нереально приятная благодать? Единственное, что подумал Лис перед тем, как окончательно отрубиться, было: «Эх, только зря солому ворошил... Придется теперь так спать... мордой на камне...»

* * *

Пробуждение бывает разным. Самое лучшее — это когда утренний ветерок, случайно залетевший в окошко, ласково ерошит твои волосы. Ты еще спишь, но уже осознаешь, что сегодня — седьмина, седьмой день недели, и тебе не нужно вставать для того, чтобы идти косить траву или метать стрелы под суровым взглядом одноногого лучника-ветерана.

А самое поганое пробуждение — это когда на тебя сверху обрушивается поток ледяной воды и ты вскакиваешь со своего места, воя от неожиданности, словно помойный кот.

Вдобавок ко всему Лис неслабо приложился коленкой об каменный стол, что, естественно, не добавило ему любезности.

— Ах ты, сучий потрох!!! — заорал парень. — Да я тебя сейчас...

«Сучий потрох» по имени Мунк стоял с большой бадьей в руках справа от Лиса и смотрел на него абсолютно равнодушным, отсутствующим взглядом. Лис, мокрый, злой и мгновенно продрогший, попытался двинуть обидчика ногой по колоколам — прием верный и никогда парня не подводивший. Однако Мунк не покатился по полу камеры, выронив бадью и зажимая руками промежность. Напротив, Лис зашипел и сел на корточки, схватившись за второе колено и осознавая произошедшее.

Понимание пришло через несколько мгновений — подлый прислужник мессира в момент удара Лиса просто немного опустил свою бадью вниз, и нога парня врезалась в ее край, окованный железной полосой.

— Твою мать! — выдохнул Лис, когда, наконец, вновь обрел способность к членораздельной речи. — Ну в кого ты такая падла, а?

Мунк не ответил. Лишь, обхватив бадью одной рукой, другой показал жестом, мол, раздевайся.

— Полностью? — переспросил Лис.

Злость на, мягко говоря, немногословного прислужника слегка притупилась. В конце концов, он лишь выполняет чужие приказы, и ненавидеть нужно не его, а того, кто отдает распоряжения будить людей таким изуверским способом.

Мунк кивнул.

Лис не стал упрямяться. Понятно, что начнешь выпендриваться — окатят из бадьи еще раз, а потом не исключено, что той же бадьей еще и по кумполу съездят, чтоб мозги на место встали и строптивец понял в конце концов, что свой устав в чужом подземелье можно использовать только по известной надобности.

Скинув драную куртку, грязные штаны и исподнее, Лис хмыкнул про себя — интересно, на кой это все надо, если воды в бадье Мунка осталась едва ли половина? Еще один-единственный раз плеснуть? Так это не поможет. После вчерашнего путешествия Лис был похож на трубочиста, которому для мытья нужно бочки две воды, причем желательнее горячей и с мыльной пеной.

Однако воды в бадье Мунка оказалось больше, чем можно было предположить. Он плеснул на Лиса раз, второй, третий... десятый. Парень ежился под ледяными струями и поневоле скреб свое тело ногтями, желая лишь одного — чтобы побыстрее закончилась эта пытка.

Удивительно, но ледяная вода буквально растворяла грязь, въевшуюся в кожу Лиса. Потоки воды, черные в призрачном свете факела, струились по каменному полу, стекая в черную дыру, заменявшую нужник.

Наконец истязание закончилось. Мунк удовлетворенно кивнул, запустил руку в бадью, вытащил оттуда странное украшение лазурно-небесного цвета, похожее на восьмиконечную слабо светящуюся звездочку, и сунул ее в карман. При этом Лис готов был поклясться, что «украшение» слабо шевельнуло лучами-щупальцами. Снова магия... Уже не удивительно, кстати. Странно только одно — зачем столь могущественным преступникам, откровенно плюющим на известный

«Закон о преступном колдовстве», мог понадобиться погорелец, у которого за душой гроша ломаного нет?

Впрочем, все должно было вскоре разрешиться. Окончив истязание, Мунк исчез за дверью, но вскоре вернулся, неся в одной руке поднос, а в другой — холщовый мешок. На подносе оказался завтрак — втрое уменьшенная копия ужина. А в мешке — свободная одежда, такая же, как у Мунка, только вместо широкого кожаного пояса с пряжкой, на которой был грубо отчеканен разбитый фонарь, Лису досталась лишь простая веревка.

Ну что ж, мы люди не гордые, и веревкой подпояшемся, благо не впервой. Лис поел, жмурясь от удовольствия, после чего надел удобную, мягкую кожаную обувь без подошвы, темно-серые штаны, безрукавку того же цвета со множеством карманов, как внутренних, так и внешних, сверху набросил накидку с балахоном, подпоясался — и решил, что жизнь не такая уж плохая штука. Вопрос, на фиг он сдался этим колдунам, оставался пока открытым, но если кормят, моют и одевают, значит, имеют на него какие-то виды. Какие — со временем будет ясно.

Мунк качнул головой, мол, пошли. Открыл дверь и пошел, не оборачиваясь, знакомой дорогой, по коридору к лестнице. Лис, естественно, за ним, прикидывая на ходу, что может значить герб и название гильдии, в которой так вкусно кормят уличных бродяг. Разбитый стрелой фонарь, это, наверно, с легендой какой-нибудь рыцарской связано, коих множество пересказал Лису долгими зимними вечерами покойный дядька Стафф.

Любили богатые господа все романтическое. Небось, какой-нибудь из них стрелой ночью фонарь разбил, прокрался в замок, спер оттуда красотку, а потом орден организовал с гербом соответствующим. Ну точно, соответствует. Воин Ночи и есть тот меткий рыцарь, что в темноте по фонарю не промахнулся. С кем еще в темноте воевать-то, разве только с блохами? А потом, небось, рыцари в том ордене торговать начали, обросли связями, да такими, что им и магией заниматься можно, и сам кутруб не брат. Вот и получилась гильдия. Сейчас же им, наверно, просто толковых парней не хватает. Мессир-то как смотрел на него, изучал, будто коня на рынке покупал. И, похоже, доволен остался. Глядишь, гонцом-посыльным назначат, ноги у Лиса быстрые. Или бери выше, оруженосцем при рыцаре или герцоге каком-нибудь. Потом, понятное дело, Лис себя покажет, стараться будет изо всех сил. А там, глядишь, герцог на войну поедет, в беду попадет, а Лис его спасет, само собой. И за это...

Парень аж зажмурился. Картина ему моментально нарисовалась, как герцог в сверкающих доспехах бьет ему плашмя мечом по плечу и провозглашает: «Правом, данным мне Высшими и сюзереном моим, называю тебя своим вассалом и рыцарем...»

Жмуриться на винтовой лестнице дело неблагоприятное. Лис споткнулся и чуть не впечатался носом в каменную ступеньку. Хорошо, что среагировал вовремя, приземлившись, как кошка, на четыре точки. Хотя нет, на пять — правым многострадальным коленом он все ж об ступеньку слегка приложился. С учетом предыдущих травм получилось больно, аж факелы на стене расплылись от невольно набежавших слез, которые Лис зло смахнул рукавом, как только поднялся на ноги. Хорош будущий рыцарь, ничего не скажешь! В собственных ногах путается и рыдает, как девка. Хоть бы Мунк не заметил...

Но прислужнику мессира было, похоже, наплевать на то, идет ли за ним Лис или уже рухнул в бездонный пролет винтовой лестницы. Как шел себе впереди, так ни разу и не оглянулся. Ну и хорошо. Не хватало еще, чтоб увидел, как его подопечный чуть себе нос не расквасил и по этому поводу слезами умылся немедленно. Хоть в чем-то повезло.

Далее Лис шел осторожно, не думая о постороннем, глядя себе под ноги и стараясь подражать Мунку, вернее, его бесшумной манере передвижения. Кстати, парню это удавалось... ну, почти удавалось. В эдакой обуви оно не очень-то и сложно. Особенно если подражать текучей походке прислужника мессира. Но, глядя на то, как двигается Мунк, Лису понемногу стало казаться, что и у него суставы словно из мокрой глины слеплены и что он тоже может вот так, без малейшего шороха, скользить словно тень под многочисленными неугасимыми факелами подземелья...

Неожиданно Мунк быстро свернул в боковой проход — Лис аж чуть не потерял его из виду. Пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать. Затеряться в этом темном и сыром подземелье как-то не хотелось.

Правда, сильно ускориться не получилось. После съеденного и выпитого в голове образовался легкий, приятный туман, благодаря которому бегать особо не хотелось. Хотелось идти не спеша, а лучше прилечь где-нибудь, свернуться калачиком и заснуть. Но в то же время Лис осознавал: заснуть в сыром и холодном подземелье — это значит наверняка подхватить грудной кашель, от которого люди становятся стариками, не дожив и до двадцати весен, — если раньше не умирают, конечно. Потому он продолжал идти вперед, невольно улыбаясь: сытый желудок и легкая, приятная эйфория способствуют хорошему настроению практически в любых условиях.

Проход, в который свернул Мунк, оказался коридором, длинным и прямым. Пройдя около двух сотен шагов, Лис рассмотрел в неверном свете факелов огромную двустворчатую дверь, которой заканчивался коридор. Скорее, не дверь, а ворота. Тяжелые, массивные, которые не всякий таран возьмет. И как, интересно, Мунк собирается их открывать?

Но прислужник мессира раздумывал недолго. Подошел, приложил ладонь к какой-то потемневшей от времени металлической блямбе на двери. Блямба тут же замерцала голубоватым светом, после чего тяжелые створки бесшумно отворились внутрь.

«Магия, одна сплошная магия, — подумал Лис. — Ну, попал так попал. Если кто наверху узнает, с кем я тут якшался, повесят быстрее, чем успеешь «ох» сказать. Хотя если меня в городе поймают, то и так по-любому повесят. Так что выбор небольшой».

Но в следующее мгновение все мысли куда-то подевались. Лис открыл рот от удивления, да так и остался стоять, смутно осознавая, что со стороны выглядит деревня деревней. Но поделаться с собой ничего не мог, уж больно величественное зрелище открылось перед ним.

Это был огромный зал круглой формы, словно плавающий в полумраке. Десятки жаровен с красными углями, расставленных по всему помещению, и светильников причудливой формы, развешанных по стенам, освещали его, но этого было явно мало, чтобы рассмотреть убранство всего зала в деталях. Хотя, возможно, это было сделано специально. Тени, пляшущие на стенах, погружали зрителя в состояние мистического благоговения перед силами, которые человеческий разум не в силах постичь. Отблески пламени то и дело выхватывали из темноты то край гобелена, изображавшего битву людей с кошмарными чудовищами, то висящую на стене пару перекрещенных мечей с длинными рукоятками, то чей-то пожелтевший череп причудливой формы, покоившийся на резной подставке...

Но наиболее сильное впечатление на Лиса произвел не сам зал, а то, что находилось посередине него.

Огромный трон из черного металла возвышался в самом центре помещения. Несомненно, его создали руки великого мастера, но при этом с головой либо творца, либо заказчика явно что-то было не в порядке. Скорее всего, и тот и другой нашли друг друга.

Весь трон был выполнен в виде гигантского клубка змей. Черные тела переплетались друг с другом, били хвостами, кусали сородичей острыми и длинными зубами, вырывая куски плоти. Благодаря колеблющемуся пламени светильников казалось, что змеи шевелятся.

Их движения завораживали, и очень трудно, нереально трудно было отвести глаза от этого зрелища.

Но Лис сделал над собой усилие и постарался получше рассмотреть тех, кто находился возле этого кошмарного произведения искусства.

Их было двенадцать. Фигур, одетых в свободные черные накидки до пят с широкими рукавами и просторными капюшонами, скрывающими лица. Она стояли полукругом, шестеро с одной стороны трона, шестеро — с другой, и все как один смотрели на Лиса. Глаз их не было видно из непроглядной черноты капюшонов, но парень чувствовал эти взгляды, казалось, прожигающие насквозь.

— Приветствуем тебя, неофит! — внезапно раздалось со всех сторон.

Лис готов был поклясться — это двенадцать загадочных людей в черных хламидах произнесли фразу одновременно, причем негромко. Но их слова, казалось, раздались отовсюду, многократно отразились от стен, и тихое эхо под непроглядным сводом зала еще несколько долгих мгновений шептало многоголосо, наперебой, постепенно угасая: «Приветствуем тебя, неофит...»

Эйфория и хорошее настроение как-то сами собой исчезли, словно их и не было. Лис беспомощно оглянулся, инстинктивно ища поддержки хоть у кого-нибудь, но Мунк словно испарился. Да и вряд ли он стал бы помогать проклятому или разъяснять что-то. Просто свойство есть такое у напуганного человека — надеяться на чудо, что кто-то придет и разрешит все проблемы. А Лис был реально напуган. В своей деревне он слышал сказки про могучих колдунов, живущих в подземельях, но с недавних пор считал их вымыслом для ребятни. Сейчас же зал, трон и эти двенадцать фигур словно вышли из тех страшных сказок, и инстинкты, глубоко запрятанные в любом человеке, сейчас настоятельно требовали бежать отсюда со всех ног.

— Здрасте... — сказал Лис и непроизвольно сделал шаг назад.

— Пусть робость оставит твое сердце, — прошепел хор голосов. — Сегодня ты вступаешь в ряды гильдии Воинов Ночи, которым неведом страх. Готов ли ты пройти посвящение?

Лису показалось, что копьевидные головки металлических змей, из которых состоял кошмарный трон, шевельнулись и уставились на него в ожидании ответа.

— А... а можно я еще подумаю? — выдавил из себя парень и попытался сделать еще один шаг назад...

Но не тут-то было. Его спина уперлась в мягкую, но непреодолимую невидимую стену, на которую что дави лопатками со всех сил, что не дави — толку никакого.

— Время для размышлений кончилось, — прошуршало по стенам многоголосое эхо. — Ты сам еще не осознаешь величия происходящего. Но это нормально. Лишь истинный Воин Ночи способен осознать, какое это счастье — быть членом гильдии.

— Счастье — оно, конечно, здорово. Но как-то я не готов пока к такому счастью...

Парень попытался сдвинуться вбок, обойти участок пространства, внезапно ставший непреодолимым, но получилось у него это неважно. Сбоку хода тоже не было. Уплотнившийся с трех сторон воздух не давал возможности идти куда-либо, кроме как по направлению к трону. Более того, он начал потихоньку подталкивать вперед отчаянно упирающегося парня.

— Стань одним из нас, — с легким, едва заметным недовольством шептали фигуры. — Познай могущество Ночи, усыпляющей все живое и окутывающей миры непроглядной тьмой. Оставь за порогом всю суету мира и ощути прелесть смерти, которую ты понесешь в мир. Дай Ночи проникнуть в твою душу...

Не хотелось Лису, чтобы в его душу что-то проникало, но поделаться ничего не мог. Хочешь не хочешь, а приходилось переставлять ноги, чтобы не зарыться носом в каменный пол, ибо толчки в спину становились все настойчивее.

— Ты сделаешь это добровольно, — бормотали голоса. — Ты познаешь величие Ночи и проникнешься величием гильдии...

Колени Лиса ткнулись в сиденье трона, и тут неведомая сила развернула его. Мощная волна воздуха толкнула парня в грудь, и ему невольно пришлось сесть на холодную, скользкую поверхность. Как только ладони Лиса коснулись металлических подлокотников, несколько десятков оживших змей оплели его предплечья и голени, и теперь при всем желании он не мог пошевелиться.

«Змеи-то реально живые, получается, — заметалась в его голове заполошная мысль. — Проклятая магия! Никогда про такое не слышал, чтоб железяки живыми были...»

От ужаса и неожиданности он непроизвольно попытался крикнуть, но не смог сделать и этого. Черные, холодные ленты скользнули по его щекам, подбородку, сдавили горло. Вместо крика из груди Лиса вырвался сдавленный хрип.

— Ты онемел от величия происходящего, — раздался над ухом хор мертвых голосов. — Это естественно, неофит. Тот, кто несет смерть во внешний мир, не должен тревожить воздух лишними звуками. Смерть нема, немь и ее слуги. Осталось лишь закрепить великое знание, полученное тобой сегодня.

Лис уже слабо соображал, что происходит вокруг. Полураздавленное горло почти не пропускало воздух в легкие, перед глазами все плыло, зал казался размытым и нереальным, а тени, мечущиеся по стенам, стали объемными и живыми...

Одна из них, возникшая в дальнем углу зала, стала медленно приближаться к трону. С каждым ударом останавливающегося сердца темный силуэт приближался, дрожа и расплываясь в мареве раскаленных жаровен. Лис уже не мог понять, где явь, а где призраки, порожденные угасающим сознанием. Он лишь шире раскрывал рот и напрягался из последних сил, стараясь протолкнуть в легкие хоть малую толику воздуха.

Силуэт приблизился, оказавшись еще одной фигурой в черном балахоне. Несмотря на одежды, скрывающие фигуру, ее очертания были смутно знакомыми. Но эту информацию умирающий мозг выдал скорее по привычке, нежели по необходимости, как смертельно раненный олень все еще бежит от волков, путаясь ногами в собственных кишках, вывалившихся из распоротого брюха. Какая разница, знаешь ли ты кого-то или нет, когда шею уже щекочет холодное дыхание смерти?

Однако Лис успел рассмотреть, как некто в черном воздел кверху руки. В одной из них тускло блеснул вороненым клинком нож, в другой было зажато нечто, напоминающее небольшие кузнечные клещи.

— Да славится Ночь! — резанули по ушам пронзительные голоса. — Да примет она от тебя, неофит, твою добровольную жертву!

Внезапно Лис ощутил резкую боль в горле. Он непроизвольно попытался сомкнуть челюсти, но не тут-то было. Металлические змеи проникли в рот и теперь, кроша зубы, раздирали его, как ученик лекаря раздвигает крючьями рану, чтобы учитель мог извлечь из нее наконечник стрелы.

А потом Лис увидел собственный язык, вытянутый изо рта на, казалось бы, нереальную длину. Узкий кусочек плоти, средоточие невыносимой боли, которое тянул, тянул на себя клещами мучитель в черном балахоне. Из-под капюшона на мгновение блеснули глаза, и в помутненный запредельной болью мозг парня молнией ворвалось узнавание. Абсолютно неживые глаза смотрели словно сквозь Лиса в то время, как рука мессира, сжимающая нож, приближалась к лицу несчастного...

Стальные змеи на мгновение ослабили петли, сжимающие шею, и из груди парня вырвался страшный вопль, когда он почувствовал, как ледяная сталь вгрызается в корень языка. Но тут же крик пере-

шел в бульканье. Горячий поток хлынул из образовавшейся раны, заливаясь в горло и обильно брызжа на новую одежду. Но захлебнуться в собственной крови Лису было не суждено.

Неторопливым движением руки мессир бросил отрезанный язык в жаровню. Трепещущее мясо мерзко зашипело на раскаленных углях. Понаблюдав, как корчится от нестерпимого жара кусочек человеческой плоти, мессир деловито засунул за веревочный пояс окровавленные нож и клещи. После чего он протянул руку и вытащил из жаровни металлический прут, расплющенный на конце в небольшую блямбу, сияющую от жара, словно крохотное солнце.

От нереальной боли и значительной кровопотери беспамятство уже заволакивало сознание Лиса. Но недостаточно быстро. Несчастный мысленно умолял всех Высших и Низших богов, чтобы они побыстрее забрали его душу... Но боги не спешили. Вероятно, им было интересно смотреть, как мессир медленно подносит огненную каплю к лицу своей жертвы, как резким движением просовывает железо в горло, по пути доламывая и без того раскрошенные зубы, и как от великих мучений сокращается в конвульсиях человеческое тело...

Но сам Лис уже не чувствовал боли. Когда страдания становятся запредельными, боги либо забирают страдальца к себе, либо милосердно гасят сознание. Последнее, что Лис осознал, был запах горелого мяса, ударивший в ноздри. Так же пахла деревня, сожженная драконом. Так же пах мертвый рыцарь и его лошадь...

Запах смерти.

«Скорее бы...» — пронеслось в голове Лиса, прежде чем он провалился в черную бездонную пропасть...

* * *

Тысячи ледяных игл кололи лицо, шею, грудь, руки. Но большее всего было губам. Казалось, что иголки бьют по оголенному мясу, с которого только что содрали нежную кожу.

От этой боли он и пришел в себя. А может, от холода, неистово ломящего кости. Или же от ветра, назойливо теребящего ресницы, слипшиеся от слез и крови.

Разлепить веки было непросто, но Лис все-таки сделал это.

Над ним от края до края мира раскинулось небо с крупными звездами. Обе луны внимательно смотрели на парня с высоты, словно тревожась — не простынет ли он, лежа на земле под мелким ночным дождем?

Но Лису было все равно. Перед его глазами все еще стоял полутемный зал с тронем из стальных змей и мертвое лицо мессира поверх крохотного раскаленного солнца.

Парень знал: стоит пошевелиться — и тело немедленно отзовется взрывом запредельной боли. Поэтому уж лучше лежать на сырой земле, смотреть в небо и ощущать, как дождь бьет по сожженным губам, и как медленно, но неотвратимо подбирается ночная сырость к пока еще теплomu сердцу.

Но умереть сейчас, лежа на мокрой земле, ему было не суждено.

Внезапно одну из лун загородило пламя факела, и Лис невольно прищурился.

— Слышь, бродяга, чего это ты здесь разлегся? — раздался над головой грубый голос. Капля горячей смолы упала на лицо парня, он невольно дернулся — и тут сбьлись самые худшие его ожидания. Боль, притаившаяся в его теле, вырвалась наружу. Адский огонь опалил горло. Парень застонал, зажал ладонями рот и принялся корчиться на земле.

— Может, у него падучая? — с сомнением поинтересовался другой голос. — Или же демоны вселились в этого бродягу и теперь мучают его изнутри?

— Самое лучшее средство от демонов и падучей — это веревка, — авторитетно заявил первый. — Была бы моя воля, я б всех этих нищих, бездельников и бродяг отправлял на виселицу сразу после поимки.

— Сразу нельзя, — вздохнул второй. — Какой же это закон будет, если сразу? Надо, чтоб судья приговор прочитал, тогда можно. А так чтоб вот после поимки и прямо тут же вешать — никак нельзя...

— Ладно, хорош трепаться, служивый. Давай-ка лучше глянem, что это за любитель загорать по ночам в луже...

Чья-то сильная рука ухватила Лиса за шиворот и рывком поставила на ноги. На запястьях парня сомкнулись стальные перчатки, рванули вниз, вынуждая оторвать от лица ладони.

Перед ним стояли двое стражников, закованных в стальные доспехи. Один из них держал в руке факел и пыгливо заглядывал в лицо пленника.

— Разрази меня гром! — воскликнул вдруг факельщик. — Пусть Низшие прямо сейчас уволкут мою душу под землю, если это не тот же самый прохвост, которого мы упустили вчерашней ночью!

— Точно, он, — удивленно протянул второй стражник. — Похоже, выперли его из дома с фонарем, и теперь ему не миновать петли...

Насквозь промокшая рубаха облепила тело Лиса, словно саван мертвеца, вылезшего из полузатопленной могилы. Парня начало не

на шутку трясти — нервная дрожь от пережитого и ночной холод сделали свое дело. Осколки зубов стучали друг о друга, и унять эту дрожь не было никакой возможности.

— Что это с ним? — немного испуганно спросил стражник.

— Демоны его изнутри мучают, — пояснил факельщик, отвешивая Лису тяжелый удар кулаком в живот, от которого парень согнулся в три погибели и снова рухнул в лужу. — Это тебе за то, что убежал, — прошипел стражник. — А это — за то, что нам начальник стражи из-за тебя по два талера из недельного жалованья высчитал.

Новый удар — на этот раз кованым сапогом в лицо — заставил Лису разогнуться, хватанув при этом раскрытым ртом грязи из лужи. Вонючая жижа хлынула в легкие, и парень зашелся в надрывном кашле. Факельщик, ярясь все больше, замахнулся для нового удара, но напарник остановил его.

— Хватит, Крос, — сказал он. — Ты забьешь его насмерть, а за труп беглого преступника никто не даст нам награды.

— Тоже верно, — с сожалением проговорил стражник, переводя дух: не такое уж это простое дело — лупить преступников в полном пехотном доспехе. — Хватай его за одну руку, я возьму за другую — и потащили.

— Ну вот, если б ты его не бил, глядишь, он пошел бы сам, — вздохнул второй стражник.

— Вряд ли, — качнул тяжелым шлемом факельщик. — За этот год я уже третий раз подбираю беглых преступников неподалеку от дома с разбитым фонарем, и все в похожем состоянии. Не знаю, что там творится и почему городской страже запрещено переступить его порог, но по мне, стоило бы перевернуть этот домишко вверх дном.

— Это еще почему? — удивился второй стражник, пыхтя и отдуваясь — волочь безвольное тело по земле труд не из легких, даже если это тело подростка.

— Потому, что лишать языка беглых преступников имеет право только городской палач по приговору суда. Видел, как хрипел этот парень, да и морда у него вся в кровище. Я уверен, что у него тоже нет языка, и его выдрали ему в том самом доме. А кому нужно такое, кроме как слугам Низших, проводящим запретные обряды?

Второй стражник ничего не ответил. Его напарник, отличавшийся крутым норовом, сейчас говорил страшные вещи, за которые вполне сам мог лишиться языка. И составлять компанию говорливому товарищу в столь неприятном деле у стражника не было ни малейшего желания.

* * *

Он пришел в себя от тряски. Болтало настолько сильно, что измученному сознанию не оставалось ничего другого, как вынырнуть из спасительного беспамятства. Желудок, переполненный кровью, грязью и дождевой водой, настойчиво требовал очистки, и Лис, перегнувшись пополам, опорожнил его, при этом неслабо ткнувшись лицом во что-то твердое, пахнущее сырým деревом и засохшим дерьмом.

— Ну вот, — огорченно сказал кто-то рядом. — Так и знал, что в последний путь придется отправляться по щиколотку в блевотине.

Наконец желудок перестал сокращаться в болезненных спазмах, и Лис понял, что он стоит на коленях, упершись лбом в трясущийся деревянный пол. Судя по тому, как недовольно храпели лошади где-то впереди, его везли на старой, раздолбанной телеге. А еще он не чувствовал рук. Неужели и их тоже отрубили?

Парень сделал над собой усилие, разогнулся в поясице, разлепил веки и осмотрелся.

Он не ошибся. Его действительно везли куда-то, словно вязанку хвороста, грубо брошенную в старый, разошедшийся, грубо сколоченный гроб на колесах, по которому давно печка плачет. Мысль насчет хвороста пришла Лису в голову, как только он обнаружил, что его руки туго стянуты за спиной ремнями. Помимо этого, обе ноги парня были плотно обхвачены железными обручами грубойковки. В борт телеги была вделана мощная скоба, соединенная с ножными кандалами двумя короткими и толстыми цепями.

Справа от Лиса валялся связанный по рукам и ногам грузный мужик, с виду весен сорока от роду. То ли спал, то ли был без сознания. От каждого толчка телеги его мясистое тело колыхалось, словно куча студня.

Напротив Лиса, прислонившись спиной к противоположному борту телеги, сидел тощий дед в драном, грязном рубище, так же, как и Лис, со связанными за спиной руками и кандалами на ногах. Тело несчастного покрывали многочисленные рубцы и ожоги — не иначе, следы жестоких пыток. Спутанная борода старика, достававшая ему до пупа, мерно колыхалась в такт покачиваниям телеги — похоже, сидевший на козлах возница твердо вознамерился пересчитать колесами все ямы и выбоины дороги. Лис почувствовал, что еще немного, и его пустой желудок попытается вывернуться наружу, как карман нищего, пытающегося разыскать в своем тряпье завалявшуюся монетку.

— Потерпи, парень, — сказал дед. — Скоро приедем, и тогда все твои мучения разом закончатся.

Лис не совсем понял, о чем это говорит старик, но зато сумел рассмотреть за высоким бортом чей-то мерно покачивающийся вверх-вниз начищенный до блеска шлем со значком городской стражи. И еще один, чуть левее...

— Нехилый эскорт для двух бродяг и одного торгаша, правда, — усмехнулся щербатым ртом старик. — Дюжина всадников конной стражи, два сержанта, два арбалетчика, целый рыцарь во главе процессии и — подумать только — рядом с тем рыцарем самый настоящий боевой маг Сенситов!

Уловив в глазах Лиса немой вопрос, старик усмехнулся снова.

— Преступников не принято казнить в черте города, только дворяне удостоиваются такой чести. Мы же люди простые, немудрящие. Вывезут за ворота, приговор зачтут — и будем мы болтаться в петле, словно освежеванные бараньи туши, воронам на радость.

Перед глазами Лиса мгновенно нарисовалась страшная картина возле городских ворот — качающиеся на ветру трупы повешенных, которые жадно клюют черные, жадные птицы, выдирая из некогда живых людей куски протухшего мяса.

Парень облегченно вздохнул: наконец-то закончатся его мучения. И попытался улыбнуться в ответ. Получилось у него это неважно. Тут же лопнула корка, стянувшая разбитые, обожженные губы, и Лис невольно замычал от боли.

— Язык вырвали, — скользнув по лицу парня внимательным взглядом, понимающе кивнул дед. — Гильдия ночных убийц, будь она неладна. Вот ведь незадача, и не познакомишься теперь с будущим товарищем по помойке. Нам же в одной яме лежать на городской свалке. Меня, кстати, Итаном Тестомесом звать. Такие дела... А этих ночных убийц я б своими руками передушил. Вербуют деревенских дурачков вроде тебя, выдирают языки, как и всем своим воинам-исполнителям, а потом подкидывают городской страже. Думаю, у них договор с городскими властями. Те отчитываются перед графом о борьбе с преступностью, а гильдия им денежки отстегивает. И всем хорошо. Кроме таких, как ты, конечно.

Лис прикусил кровоточащую губу — и невольно застонал от боли, как физической, так и душевной. Ну да, размечтался, в рыцари его посвятят, как же. Чтобы деревенщину, только-только пришедшую в город, приняли в тайное общество... Так, наверно, бык, которого на бойню ведут, думает, что ему сейчас корову подведут, молодую да

горячую. Хотя нет, бык обычно чует смерть, если не совсем дурной, конечно. В отличие от него, Лиса.

Но, как говорится, поздно сокрушаться о содеянном, когда голова на плахе. Хотя нет, плаха — это для знатных. А для таких, как он, — перекладина да веревка.

— Заплатить-то есть чем? — поинтересовался дед.

Лис непонимающе уставился на старика.

— Ну, палачу полагается дать хотя бы талер. Тогда он за ноги дернет, когда чурбак из-под тебя выбьет. Шея хрясть — и ты у Высших. Или у Низших, это уж как повезет. Но зато быстро. Если же денег не дашь, значит, веревку под подбородок подсунет, аккуратно так чурбачок ногой отпихнет, и будешь болтаться, ногами дрыгать и хрипеть на потеху толпе, пока сам себе горло не раздавишь. Повешение, брат, штука хитрая.

Бойкий дедок, как и все пожилые люди, любил поговорить, и даже поездка к месту его собственной казни, похоже, нисколько не повлияла на его настроение. А вот Лис совсем приуныл. Получается, его мучения еще не кончились, так как платить палачу было нечем. На талер в его деревне можно было теленка купить, и такого богатства в одних руках он отродясь не видел. Видать, в Стоунхенде совсем другая жизнь и другие деньги.

— Не горюй, — подбодрил парня старик. — Вишь, вместе с нами Вилли Обманщика везут. Торгаш, один из богатейших людей города. Но что-то не поладил с Сенситами, говорят, не дал магам в долг — и вот, пожалуйста, едет вместе с нами вешаться. Правда, в отличие от нас, ремни у него мягкие, из лучшей кожи, и пьян он, как последняя свинья. За деньги и помереть можно так, что ничего не почувствуешь.

Лис посмотрел на толстяка с нескрываемой завистью. Богатым в этом мире все позволено, все для них. Даже казнь у них не такая, как у простого люда. Только вот непонятно, зачем такой эскорт для трех накрепко связанных людей? Может, усиленная охрана положена во время казней, чтоб толпа зрителей не отбила несправедливо осужденных?

Между тем повозка поравнялась с городскими воротами. Стража, завидев перья на кованых шлемах, немедленно распахнула тяжелые створки. Копыта лошадей и колеса повозки прогрохотали по доскам подъемного моста — и ноздри Лиса уловили мерзкий, сладковатый запах разложения.

Неприятное это дело, смотреть на трупы, болтающиеся на виселицах, — свежие, полуразложившиеся, некоторые вообще практически

скелеты с ключьями засохшего, почерневшего мяса на ребрах, которым побрезговали даже вороны. Даже человек с крепкими нервами порой невольно отвернется, прикрывая лицо полой плаща, чтобы ненароком не вдохнуть трупный запах. Но совсем другое — глядеть на повешенных и осознавать, что сам вот-вот станешь таким же, как они, заняв свое место в ряду виселиц, скорбно торчащих вдоль дороги.

Кстати, никакой толпы возле места казни не наблюдалось. Так, десяток зевак, стоящих неподалеку от трех свежестроенных виселиц. Они были довольно тесно натыканы между двумя старыми, почерневшими от времени глаголями, на которых качались два раздувшихся трупа.

— Эх, — вздохнул дед. — А ведь совсем недавно вешали гораздо реже. Это все новый закон про магию. Слабых-то колдунов много, почитай, каждый десятый может потушить огонь в печи или, скажем, наложить заклинание на тесто, чтоб быстрее всходило. Так нет. Оставили список разрешенных заклятий, которых меньше, чем пальцев на руках, а остальное — запрет под страхом смертной казни. Ох, времена проклятущие...

Пока дед причитал, процессия остановилась. Рыцарь, следовавший впереди колонны, нетерпеливо махнул стальной перчаткой.

— Выгружайте, — прогудело из-под шлема.

Немедленно шестеро легкобронированных стражников спешились и, разомкнув ножные кандалы, сноровисто сбросили пленников с телеги на землю.

— Полегче, железнолобые! — заверещал Итан. — Доживете до моих лет, узнаете, что такое старые кости. Не хватало мне еще перед смертью получить перелом бедра!

Стражники заухмылялась было, оценив шутку, однако, подчиняясь окрику одного из сержантов, вновь закаменели лицами.

К виселицам на низкорослой, но крепкой лошадке подъехал человек в одеянии из домотканой некрашеной материи — похожие носили большинство горожан, не отличавшихся солидным достатком. На голове всадника был надет красный балахон с прорезьями для глаз. Спешившись, человек, подставил под глаголи заранее заготовленные чурбачки и принялся ловко привязывать к перекладинам веревки с петлями, отрезая лишние концы большим мясницким ножом. Даже отсюда, с земли, Лису было видно — одна веревка тонкая и из чистого шелка, а остальные две — толстые, грубого плетения. Похоже, за одного из пленников палачу точно проплатили заранее.

Старик, извиваясь ужом, исхитрился сесть на земле.

— Ну вот, даже костюма для палача не нашли приличного, только на балахон и расщедрились, — огорченно произнес Итан. — Конечно, для гольтббы вроде нас и так сойдет. Зато охрана — прям как у лордов каких.

Выговорившись, старик тихонько свистнул. Человек в балахоне немедленноотреагировал, повернув голову. Тестомес метко плюнул, и к ногам палача упала тяжелая монета.

«Не иначе, старик ее за щекой держал, — с легкой завистью подумал Лис. — Теперь ему точно быстрая смерть уготована. В отличие от меня».

Палач наклонился было за подношением, но окрик мага гильдии Сенситов опередил его.

— Не трогать! — словно плетью хлестнул яростный голос.

— Проклятый маг! — прошипел Итан.

Только сейчас Лис сумел рассмотреть того, о ком говорил Тестомес. В сказках, которые рассказывал Лису в детстве дядька Стафф, все волшебники были старцами, убеленными сединами, в колпаках со звездами и с красивыми посохами в руках.

Но этот маг был полной противоположностью устоявшимся образам детства. Опытный всадник сжимал коленями бока тонконогого жеребца, наверняка стоившего целое состояние. Легкий, но очень дорогой доспех покрывал его тело, словно чешуя сказочной рыбы, переливаясь при каждом движении. Черные, прямые волосы выбивались из-под открытого серебряного шлема со стрелкой, спускающейся на тонкий нос. Пожалуй, только отсутствие оружия да черные глаза, горящие неестественным, потусторонним светом, отличали мага от герцога или графа, которых, как говорил дядька Стафф, развелось в последнее время, как блох на собаке.

— Не трогать! — повторил маг.

— Скотина... — еле слышно прошептал Итан.

Один из всадников с красной повязкой на рукаве кольчуги развернул пергамент и скороговоркой зачитал приговор.

— Именем графа Стоуна, правителя города, приговариваются к повешению торговец Вилли Обманщик, простолюдин Итан Тестомес и безымянный член преступной гильдии Воинов Ночи, выползший на нашу священную землю из Черного Пятна. Все преступления вышеназванных лиц записаны в архивах города, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Скреплено городской печатью, печатью служителей Высших и знаком гильдии Сенситов.

— И эти приложили свои грязные лапы, — презрительно сплюнул на землю Итан.

Тем временем палач закончил свою работу, спрыгнул с последнего чурбака и устался на всадников, словно сторожевая собака, ожидающая команды.

— Приговор привести в исполнение, — приказал всадник с повязкой.

— Ну что ж, бывай, парень, — подмигнул дедок Лису. — Глядишь, встретимся в Обители мертвых.

Человек в красном балахоне хорошо знал свое дело. Легко подхватив связанного толстяка под мышки, он ловко пристроил его на чурбак под виселицей. Пока палач затягивал на мясистой шее шелковую веревку, торгош ел стоял на ногах, тупо хлопая глазами и пытаясь осознать происходящее.

Правда, прийти в себя он так и не успел. Резкий удар ногой выбил чурбак из-под толстяка. Тот захрипел, но палач быстро подскочил к начавшему раскачиваться телу, обхватил его за пояс и со всей силы рванул книзу, вложив в рывок весь свой вес.

Видимо, палачу заплатили очень хорошо. Настолько хорошо, что он перестарался. Шелковая веревка легко перерезала кожу и мышцы шеи. Послышался треск разрываемой плоти и хруст позвонков...

Палач вместе с телом толстяка рухнул на землю, а под ноги лошадям, разбрызгивая кровь во все стороны из порванных артерий, покатила щекастая голова торгоша. Породистые кони, больше привыкшие к парадам, чем к битвам, захрапели и сдали назад. Всадник с повязкой, читавший приговор, едва не вывалился из седла — хорошо, что Сенсит вовремя поддержал его за плечо.

Палач, забористо матерясь, выполз из-под обезглавленного тела. Его одеяние было теперь сплошь залито кровью, быстро впитывающейся в домотканую материю.

— Ну вот, теперь у нас палач самый настоящий, — хмыкнул дед. — Весь красивый и в красном. А Обманщик и здесь всех обманул. Приехал вешаться, а сам обезглавился, как благородный. Ну что, парень, твоя очередь. Меня они, похоже, точно решили оставить на закуску.

Палач, безуспешно пытаясь вытереть окровавленные руки об мокрую одежду, подошел к Лису, взвалил его на плечо, словно тюк с муккой, и направился к виселице. От положения вниз головой и бьющего в нос сладковатого запаха свежей крови Лиса слегка замутило, но он тут же успокоил себя мыслью, что это ненадолго.

Это в течение жизни человек постоянно о чем-то тревожится, мечтает, думает, как бы ему прожить этот день, следующий и еще много-много других дней, которые ждут его впереди. Когда же настает самая

главная минута, о будущем уже не думается. И последние мгновения кажутся какими-то ненастоящими, словно череда нарисованных картинок мелькает перед глазами. А за ними уже клубится, готовится принять свою жертву вечная ночь, которая вот-вот разорвет хрупкую нарисованную картинку самого последнего дня...

Лис удивился сам себе. Оказывается, смерть — это совсем не страшно.

Палач поставил его на чурбак, прошипел злобно на ухо:

— Не дергайся, щенок, а то умирать будешь долго и больно.

Но Лис и не думал дергаться. Наоборот, он стоял спокойно и улыбался настолько, насколько позволяли обгоревшие губы. Вот и закончились его мучения. Еще несколько мгновений — и больше никакая тварь не посмеет бить его, истязать, глумиться над ним. Еще совсем немного, и он больше не будет принадлежать этому миру, где крылатые чудовища сжигают деревни, а чудовища бескрылые вырывают языки у себе подобных и с легкостью отправляют их на смерть.

Палач подергал веревку, проверяя еще раз, хорошо ли она закреплена. Перед лицом Лиса закачалась петля. Человек в балахоне поймав ее и раздвинул пошире, собираясь надеть на шею парня веревочное кольцо...

Но тут за спиной палача что-то громко хлопнуло.

Человек в балахоне нервно дернулся. Понятное дело, такое не каждый день услышишь, будто взорвался бычий пузырь величиной с дом. Голова в балахоне повернулась на звук, и Лису, уже конкретно приготовившемуся к смерти, из-за палаческого плеча открылась удивительная картина.

Виселицы, торчащей напротив через дорогу, больше не было. Вместо нее и обглоданного скелета, болтающегося на веревке, на земле чернело большое круглое пятно, будто на этом месте кто-то жег огромный костер, а потом смел в сторону угли и головешки. А в центре пятна, недоуменно озираясь, стоял человек в странной, невиданной одежде.

Свободный костюм, одетый на человеке, был трехцветным. Светло-зеленые пятна чередовались с коричневыми и темно-зелеными, будто в красильне кто поглумился над одежкой. И кто ж такое на себя напялит-то по трезвости?

Поверх костюма на странном незнакомце красовался отлично подогнанный по фигуре зеленый жилет с множеством карманов, наверно, очень удобная штука для любого мастерового — куча нужных мелочей всегда под рукой. На ногах — сапоги, зачем-то разрезанные спереди и стянутые веревочками.

В руках человек держал странную штуку, похожую на арбалет без лука, а за спиной у него висело что-то длинное в матерчатом чехле. И еще кое-что было за спиной у этого странного незнакомца. Позади него мерцал ореол, формой смахивающий на полукруглые крепостные ворота. И там, в глубине этих врат, Лис различил смутные силуэты каких-то развалин, стоящих на серой, словно посыпанной пеплом земле. Впрочем, призрак разрушенного города был мимолетным. Сердце не успело ударить дважды, как видение поблекло и исчезло, словно его и не было. А вот человек остался, из-под пятнистого балахона цепким взглядом ощупывая вооруженных всадников, словно прикидывая, что можно от них ожидать.

— Нечистый! — первым очнулся от шока рыцарь. — Убить его!

Вот это было понятным и привычным. Когда человек видит что-то непонятное, он обычно подвисает с открытым ртом, соображая, что же ему делать и как реагировать на происходящее. Но, получив простое и доступное объяснение, растерявшийся обычно быстро выходит из ступора и начинает реагировать на чудо так, будто это и не чудо вовсе, а все так и должно было быть. Начальство растолковало — перед тобой нечистый, которого надо превратить в подушку для копий и болтов. Значит, думать нечего. Ему, начальству, как всегда, виднее.

Оба стрелка, одновременно откинувшись на луки седел, сноровисто натянули сплетенные из воловьих жил тетивы легких кавалерийских арбалетов. Даже болты в пазы вложить успели и разом прижали к плечу приклады...

А вот выстрелить не получилось.

Незнакомец пристально наблюдал за телодвижениями стрелков городской стражи, словно сомневаясь — к нему ли относится выкрик мага или это просто так принято здесь — встречать гостей салютом в воздух из арбалетов? Но поняв, что стрелять всадники собираются вовсе не в небо, повел себя довольно странно. Дернул что-то у своего арбалета-инвалида, словно сбоку какую-то неровность оторвать хотел, вскинул его чуток быстрее, чем закованные в железо стражники свои арбалеты...

И тут случилось еще одно чудо.

Изуродованное оружие пришельца твякнуло несколько раз, словно злая псина на дворе, из его передней части вырвались махонькие язычки пламени и несколько струек серого дымка, абсолютно безобидного с виду. Дядька Стафф и то намного сильнее своей трубкой небо коптил, когда возле дома на лавке сидел.

Однако от этого дымного тьяканья обоих всадников словно кувалдой приласкало. Один выронил арбалет и схватился за лицо. Но удерживать ладонями кровящую, хлынувшую из-под шлема, у него не получилось. А второй просто вылетел из седла и повис на стремях. Лошадь, обезумевшая от резкого рывка поводьев, ударила крупом, но сбросить тяжеленного всадника не смогла. Поняв, что от груза так просто не избавиться, она оскалила разодранную пасть и с места рванула в галоп, волоча за собой по пыльной дороге безвольное тело стражника.

Рыцарь и его эскорт, только что готовый ринуться в атаку на незванного гостя, нерешительно придержали коней. Никому не хотелось лезть под невидимые стрелы, разящие столь точно и страшно.

— Порох, — негромко произнес Итан, валявшийся неподалеку от виселицы.

— Порох, — эхом его слов прорычал конный маг, почему-то при этом плеснув немного воды себе в ладонь из поясной фляги. После чего коротким, но резким движением он махнул рукой в сторону пришельца.

Смешно это, конечно, смотрелось со стороны — в колдуна, владеющего огненным чудо-оружием, водой кидаться. Но от ладони мага отделились не бесцветные брызги, а светящийся голубым светом небольшой шар, по мере приближения к стрелку стремительно увеличивающийся в размерах.

Пришелец, однако, тоже оказался не лыком шит. Он ловко кувыркнулся вбок, одновременно выстрелив из своей тархателки по летящему шару.

На сверкающем снаряде, брошенном магом, образовались черные пятна. Но на полет шара это не повлияло. Напротив, он, вслед за стрелком, изменил направление полета — и накрыл его в тот момент, когда пришелец завершил свой кувырок, ловко выйдя в положение для стрельбы с колена.

Однако, вопреки ожиданию, ничего ужасного не произошло. Просто на стрелка и его оружие словно кто-то ушат воды опрокинул. Мгновенно и сам он, и его одежда стали мокрыми, а под ним образовалась неслабая лужа грязи, впору полудюжине свиней понежиться, все как одна поместились бы.

Но пришельцу грязь была не помеха. Он лишь нехорошо оскалился, вскинул свой безлучный арбалет... но вместо свирепого тьяканья в воздухе послышался лишь безобидный щелчок.

В следующее мгновение рыцарь выхватил меч, ткнул им в сторону незнакомца, заорал: «Вперед!» и вонзил в бока коня стальные шпоры.

Все это было, конечно, очень красиво со стороны — атака законных в сталь всадников на одинокого безоружного человека. Но Лису все это как-то вдруг стало совсем неинтересно. Потому что он одновременно почувствовал резкую боль в ноге и возле левого запястья.

Машинально он дернул рукой — и вдруг понял, что ремни, стягивающие за спиной его предплечья, больше не режут кожу и плоть, а висят почти свободно.

Всякое связанное существо, почувствовав, что путы ослабли, попытается освободиться. Это нормально, даже когда перед твоим лицом качается веревочная петля и сам ты стоишь на пороге неминуемой смерти. Дядька Стафф, рассказывая про случаи, когда смертельно раненные звери все равно до последнего пытались уползти от охотников, произносил мудреное слово «инстинкт». Что это такое, Лис тогда так и не понял, но сейчас ему, измученному, избитому, израненному, внутренне приготовившемуся к неминуемой смерти, вдруг почему-то остро захотелось жить.

Палач повернулся к нему спиной, забыв о своих обязанностях и наблюдая за происходящим. Лис же, сбросив с себя волшебным образом ослабевшие путы, не прыгнул с чурбака и не побежал, что было бы вполне естественно. Так он поступил бы, например, вчера, оказавшись в подобной ситуации. Но сейчас Лис совершенно неожиданно для самого себя протянул руку, выдернул нож из чехла на поясе зазевавшегося палача и абсолютно хладнокровно, словно поросенка на подворье резал, левой рукой прикрыл рот своего несостоявшегося убийцы, а правой всадил клинок в то место, где под красным балахоном должна была находиться мочка уха. После чего, отклонившись влево, парень рванул нож вперед и от себя.

Ладонь, сжимающая рукоять, почувствовала хруст перерезаемой трахеи и вязкое сопротивление мощных мышц шеи. Но нож палача был остро отточен, и, успешно преодолев сопротивление плоти, клинок очень быстро вырвался на свободу.

Вероятно, грузный палач страдал полнокроем, так как алый фонтан из перерезанной шеи заплечных дел мастера ударил на пару локтей вперед. Но рыцарю, сержантам и страже сейчас было не до него и уж точно не до висельников, которым по-любому никуда не деться от всадников. Они смотрели совсем в другую сторону — на странную пятнистую фигуру, которая, отбросив свой ставший бесполезным огненный арбалет, почему-то не бежала в ужасе, а как стояла на одном колене, так и продолжала стоять.

Палач сполз вниз, ладонь Лиса, зажавшая рот, приглушила предсмертный хрип. Хотя это было, в общем-то, и не нужно. Топот копыт, лязг доспехов, щитов и оружия заглушили бы даже истошный вопль. Сейчас бы самое время бежать, но Лис стоял столбом на своем чурбаке с окровавленным ножом в руке и, раскрыв рот, наблюдал за происходящим.

Рыцарь, скакавший впереди всех, красиво замахнулся мечом, рассчитывая покончить с неподвижной жертвой одним ударом. Клинок уже опускался вниз, когда коленопреклоненный стрелок вдруг ринулся вперед, как показалось Лису, навстречу смертельному удару.

Но парень ошибся.

В руке стрелка мелькнул нож... и меч рыцаря распорол воздух. Пятнистый пришелец ловко поднырнул под удар, а рыцарь, так и не успев вернуть меч из нижней точки своего удара, со всего маху вдруг грохнулся с коня вместе с седлом, прямо в свежую лужу.

«Подпруга, — догадался Лис. — Пришелец перерезал подпругу!»

Успех пятнистого был очевиден, но для него бесполезен — лавину конников, набравших скорость, было уже не остановить, и смерть победителя была лишь делом очень непродолжительного времени. На странного пришельца из ниоткуда уже летел сержант с копьем, отставший от рыцарского коня всего на два корпуса. Смертоносное, остро отточенное жало смотрело прямо в грудь пятнистого. Лис машинально закусил губу, во рту сразу стало солоно. Но боли парень не почувствовал — настолько его захватило развернувшееся перед ним зрелище.

От кончика наконечника копыя до тела загадочного пришельца из ниоткуда оставалось не более локтя, когда тот вдруг резко сместился в сторону, схватился за копые и резко дернул его на себя.

Не ожидавший такого маневра сержант выпустил свое оружие и, по инерции пролетев вперед, не успел отвернуть своего коня от внезапно возникшего перед ним препятствия.

Породистый жеребец упавшего рыцаря, потеряв седока, остановился и попытался развернуться — посмотреть, что это такое странное и небывалое случилось с хозяином? В это время, втоптав рыцаря копытами в грязь, в жеребца и врезалась лошадь сержанта.

От страшного удара в бок бронированный конь потерял равновесие и грохнулся наземь. Сверху на него немедленно свалилась еще одна куча железа — сержант вместе со своим конем.

Лис искренне порадовался успеху незнакомца — но оказалось, что преждевременно.

Следующего всадника пятнистый встретил, уперев трофейное копьё наконечником в землю, — наверно, надеялся таким образом выбить легкобронированного стражника из седла. Но оказалось, надеялся напрасно. Даже дети малые знают, что кавалерийские копьё делаются из очень хрупкого дерева, чтобы при ударе они ломались, а не выносили самого всадника из седла. Стражник сразу разглядел, что пришелец почему-то выставил вперед не острие копьё, а его тупой конец, и, просто прикрыв грудь щитом, принял на него удар.

Копьё разлетелось в щепки. Стрелок из волшебного оружия попытался уйти от удара лошадиным нагрудником, но успел лишь немного отклониться в сторону.

Удар пришелся по касательной, но этого пятнистому вполне хватило. Его сбilo с ног, развернуло в воздухе... Он упал на землю...

— Путы! Разрежь путы!!!

Лис вздрогнул и обернулся на голос — резкий, визгливый, режущий прямо по нервам.

Это верещал Итан, которому, похоже, битва одиночки против кавалерии была глубоко до одного места. Сейчас он, некрасиво перекосив рот, пытался доораться до Лиса, всецело поглощенного невиданным зрелищем.

— Ремни мне на руках разрежь, придурок! — заходился дед. — Сейчас они его прищучат, и тогда тебе за убитого палача виселица медом покажется! И мне заодно. Кожу снимут медленно, свяжут и оставят на солнце, мухам и воронам на прокорм! Ты этого хочешь, деревня?

Лис не особо понял, как освобождение Тестомеса избавит его от снятия кожи. Тем не менее он спрыгнул с чурбака, подбежал к старику и двумя ударами ножа перерезал путы, стягивающие его руки. При этом парень обратил внимание, что с его собственного запястья на землю падают капли крови. Да и штанина распорота, а под ней, судя по ощущениям, глубокая кровотокающая царапина. Не иначе, колдовской арбалет незнакомца стрелял невидимыми болтами и один из них, отскочив то ли от шлема стражника, то ли от шара колдуна, перебил ременной узел на руках Лиса. При этом, правда, неслабо пропорол руку и ногу слегка задел. Но по сравнению с петлей на шее это так, мелочи. Похоже, еще удастся пожить немного. Только вот освежевать себя заживо Лис точно не даст и нож до последнего мгновения из рук не выпустит. Пусть лучше конями затопчут, а всяко умереть в бою, как тот пятнистый, и легче, и приятнее.

Подумал — и удивился сам себе. Ну и мысли у него появились! Раньше ничего подобного и в голову бы не пришло. А сейчас...

Но тут ему пришлось удивиться еще сильнее.

Страхнув с кистей обрезки ремней, Тестомес поднялся на ноги и тут же принялся делать руками странные движения, будто и вправду комок невидимого теста месил.

Лис смотрел во все глаза на невиданное чудо. Меж морщинистыми ладонями старика воздух с каждым мгновением становился гуще, плотнее, по поверхности вязкой массы начали, потрескивая, проноситься крохотные молнии. И вот в руках Итана уже не бесформенное нечто, а полупрозрачный шар, только что слепленный прямо из воздуха.

Между тем всадники сбились в кучу над телом пятнистого пришельца из ниоткуда. Что там делалось, видно не было, лишь медленно поднимались и опускались тяжелые копыта. Двое сержантов не принимали участия в общей забаве. Спешившись, они помогли рыцарю подняться на ноги — иначе б тот наверняка захлебнулся в грязи. Тот, откинув забрало, залепленное коричневой жижей, заорал дурным голосом:

— Подать мне мой меч! — и, получив требуемое, ринулся в гущу всадников. Не иначе, мстить.

Но был еще один человек, не рвавшийся добить виновника свалки.

Маг в чешуйчатой кольчуге, отъехав в сторону, равнодушно прихлебывал из фляжки, с иронией наблюдая за беснующейся стражей. Внезапно он резко повернул голову влево — небось, краем глаза заметил движение. Он даже крикнуть успел, даже на ладошку щедро плеснул из фляги... Но что именно он собирался сделать, так и осталось невыясненным. Потому что Итан с силой метнул свой шар, сложным движением закрутив его при броске.

Полупрозрачный снаряд послушно полетел вперед. Немного помедленнее, чем водяной пузырь городского мага, но тоже с весьма приличной скоростью. Лису движение странного предмета, созданного Итаном, напомнило снежный ком, катящийся с горы. В полете шар вращался, зримо наматывая на себя новые слои воздуха. В результате к группе всадников подлетел снаряд размером с груженный воз.

Раздался глухой звук, словно пыльным мешком с шерстью кого-то по загривку приласкали...

Шар исчез, но Лис увидел, как возле группы всадников по воздуху внезапно пошла крупная рябь, будто по воде, в которую бросили огромный камень. И от этой стремительно разрастающейся ряби всадники разлетелись во все стороны, словно игрушечные солдатики.

Конь рыцаря и лошадь сержанта уже давно сумели подняться на ноги и вдумчиво обнюхивали друг друга. И только потому, что они стояли в стороне, их и не сшибло с ног вторично.

Наверно, это было последней каплей. Свежевлюбленная парочка одновременно решила, что на сегодня с них хватит — служба службой, а свой хвост всяко дороже, — и бок о бок рванула подальше от места столь бурно разворачивающихся событий. То, что они бежали в сторону виселиц, коней совершенно не пугало — за свою жизнь четвероногие породистые зверюги уже давно успели привыкнуть к виду и запаху полуразложившихся мертвецов, поэтому воспринимали их как нечто само собой разумеющееся.

Но воплотить свое намерение в жизнь у них не получилось. Внезапно перед беглецами выросла мягкая, но непреодолимая стена плотного воздуха, за которой стоял суровый старикан, выставив перед собой ладони с длинными худыми пальцами. В следующее мгновение стена исчезла, но жилистые руки уже держали обоих коней под узцы.

— Быстрее! — заорал Итан, с неожиданной для его лет ловкостью вскакивая в седло. Второй раз повторять Лису не пришлось. Конечно, на таком откормленном и мощном коне ему прежде ездить не доводилось, но кто ж из деревенских верхом скакать не обучен?

Миг — и он уже в седле. Конечно, от прыжка качнуло его нехило, сказалось пережитое. Но высокая лука надежно фиксировала спину, а широкое седло словно специально было приспособлено для того, чтобы ослабевший всадник из него не вывалился.

— Вперед! — выкрикнул Тестомес, сильно шибанув коня пятками по бокам, нарочно для этих целей не прикрытым броней.

Конечно, стариковские пятки — это не стальные рыцарские шпоры. Но, видимо, конь решил, что первое предпочтительнее второго, и, бряцая броней, рванул вперед. Правда, проезжая мимо своего хозяина, вновь оказавшегося в луже, притормозил немного и всхрапнул вопросительно, словно поинтересовался напоследок: ты живой там, кормилец мой бывший?

Но Тестомес умел управляться с животными. Он просто наклонился и что-то шепнул на ухо коню. Тот мотнул башкой недовольно, типа, понимаю, не маленький, и двинул вперед, тем более что впереди маячил белый, завлекательно-шелковистый хвост его новой подруги.

Однако небольшая заминка оказалась с последствиями.

Пятнистая тряпка, почти что слившаяся с заляпанной грязью травой, вдруг шевельнулась — и оказалась вполне себе целым прищель-

цем из ниоткуда. Вскочив на ноги, незнакомец подхватил с земли длинный чехол, который, похоже, все это время прикрывал собственным телом, подскочил к коню Тестомеса, ухватился за луку седла и одним прыжком оказался позади деда.

— Ты что это? — опешил Итан. — А ну, пшел вон, нечисть!

Незнакомец не ответил. Зато Тестомес очень явственно ощутил, как в ребро ему уперся острый кончик ножа. Доходчивый довод, не требующий дополнительных разъяснений.

— Все понял, — быстро пробормотал дед. — Так бы сразу и сказал. Н-но, родимый, вперед!

Конь фыркнул было — кому ж дополнительный вес понравится? Но закованный в броню рыцарь при оружии и щите всяко тяжелее невесомого старика и жилистого парня с какой-то зачехленной палкой. Плюс отсутствие шпор. Плюс удаляющийся крепкий круп новой подруги... В общем, конь больше фыркать и выпендриваться не стал, а просто поскакал вперед, оставив позади хозяина, ворочающегося в луже, словно большая стальная черепаха.

* * *

— Ты чего, тоже немой, что ли?

Пятнистый, сидевший сзади, не ответил. Он был занят. Одним из своих ножей он перерезал ремни, на которых крепилась конская броня. Вот, грохоча на камнях, полетели на дорогу обе полукруглые пластины, защищающие круп, вот под ноги жеребцу упала грудная защита... Обрадованный конь сразу припустил быстрее, время от времени мотая башкой, запакованной в сталь, словно говоря: ну, а этот-то груз когда снимете?

— Потерпи маленько, — прошептал ему на ухо Тестомес. — Боюсь, сейчас стража придет в себя, в головах у них звенеть перестанет, и она за нами припустится. Так что надо побыстрее до Клыков Дракона добраться. Там пещеры, где они нас ни в жисть не найдут. Так что башку тебе тоже распакуем, только погоди чуток.

Заснеженные пики гор, словно копыта проткнувшие небо, были с виду почти рядом, рукой подать. Однако такое впечатление всегда обманчиво. Горы коварны. Они притягивают путника своим грозным великолепием, обещая прохладу рек и глубокую тень пещер, спасающих от полуденного солнца. Они словно говорят: вот они мы, ты же видишь, как просто доехать до нас. Только пришпорь коня — и такой близкий мираж, плавающий в невесомом тумане, окажется явью...

Но скольких они обманули...

По обеим сторонам заброшенной дороги то и дело мелькали выбеленные дождями кости. Многие, очень многие нашли свой последний приют на дороге к Клыкам Дракона. Горы не любят торопливых...

Но сейчас деваться было некуда. Позади, в пяти полетах стрелы маячили латы конной стражи. Лис тоже облегчил свою лошадь, по примеру пятнистого незнакомца срезав с нее броню, потому беглецам удалось увеличить разрыв между собой и погоней. Но было понятно: рыцарь, претерпевший двойной позор, будет гнаться за преступниками вместе со всей своей свитой до конца — неважно чьего, их или своего.

— Плохая дорога, — крихтел Итан, по тюремной привычке разговаривая сам с собой. — Клыки Дракона — это верная смерть, нормальные люди в эти места давно не забредают. А больше некуда. За укрытельство беглых рабов и преступников — смертная казнь, вольных грамот у нас нету, денег тоже. Только два боевых коня да пятнистый выходец незнамо откуда. С таким багажом только и доедем до первого патруля.

Погоня длилась уже несколько часов, и все устали презрительно. И тяжелые кони, не привыкшие к дорогам, все больше и больше уходящим вверх, и люди, измотанные дневными приключениями и долгой тряской. Понятное дело, что любой, кто родился на этой земле, в седле держаться умеет, если он не раб и не калека. Но беглецам за прошедший день досталось неслабо, и они еле держались в седлах. Даже пятнистый сник, хотя поначалу казался двужилым. Сейчас он еле сидел на коне, держась за луку седла.

— Потерпи немного, — обернувшись, сказал Тестомес. — Темнеет. Скоро они остановятся и зажгут костер. По ночам латники не воюют и погони не устраивают. Оступится конь, ногу сломает — и придется обратно в город пешком идти, на горбу волоча и свою казенную броню, и лошадиную, которая сама по себе тройки хороших коней стоит.

И правда. Едва солнце скрылось за горными пиками, как обернувшийся Лис заметил позади огонек. Протянув руку, парень хотел сказать по привычке, мол, смотрите, враги на ночевку остановились, но из груди вырвалось лишь мычание, вместе с которым острая боль пронзила обширный ожог во рту.

— Вижу, сынок, — вздохнул Тестомес, придерживая усталого коня. — Ты молчи лучше, быстрее заживет. Эх, бедолага, такой молодой...

Лагерь разбили быстро. Пригодились два ножа пятнистого и трофей Лиса. Стреножив коней, нарубили сухого придорожного кустарника для костра, после чего опустошили небольшие, украшенные гербами седельные сумки.

Трофеев набралось немного. Небольшие стальные пластины для выковыривания камешков из подков, иглы, дратва для починки сбруи и несколько кусков вяленого мяса, завернутых в тряпки. Последнее оказалось весьма кстати, как и ручей, который обнаружили в темноте неподалеку по тихому журчанию воды.

Пятнистый на удивление сноровисто развел небольшой костерок, почему-то не дававший дыма. Да и со стороны его не видеть было, так как незнакомец не поленился натаскать камней и обложить ими огонь со всех сторон. Да и мясо подогреть так оказалось сподручнее — нанизал на веточку, положил на два камня, и только не забывай крутить ее на манер вертела.

Тестомес протянул Лису горячий кусок солонины, но тот лишь покачал головой. Воду из ручья пил, так от боли чуть не отрубился. А уж соленое мясо жевать с такой раной во рту — вообще нереально.

Итан с досадой хлопнул себя по лбу.

— Вот ведь, дурень старый. Ты ж еще с неделю только воду пить сможешь, пока там все заживет. Ну, потерпи, парень. Боль я слегка приглушу, но более вряд ли чем помогу.

Старик поднес к своим губам ладонь и, глядя в глаза Лису, слегка подул на нее, будто пушинку сдувал. Хоть Тестомес сидел и в двух шагах от парня, тому почудилось, что теплый, ласковый ветерок погладил его лицо, проник меж полуоткрытых растрескавшихся губ... и действительно, тупая, ноющая боль на месте страшной раны пошла на убыль.

— Вот такие дела, — сказал старик, поворачиваясь к пятнистому. Тот угрюмо жевал кусок мяса, неотрывно глядя в огонь, словно хотел рассмотреть в нем что-то очень важное.

— Теперь что с тобой-то делать, басурман? — задумчиво произнес Итан. — Ты ж по-нашему не разумеешь, верно?

Пятнистый не ответил. Видимо, разглядывание языков пламени было для него намного интереснее стариковской болтовни.

— Ладно, — кивнул Тестомес. — Сейчас попробуем.

И принялся крутить руками хитрые финты, при этом время от времени дую на пальцы и тряся ими, будто кипятком обжегся. Однако манипуляции старика не произвели на незнакомца ни малейшего

впечатления. Он даже взгляда от огня не оторвал, хотя посмотреть было на что.

Слабый дымок от костра, стелющийся по земле, внезапно ожил. Вздрогнул, словно змея, почуявшая блюдечко с молоком, и потянулся к пальцам Тестомеса, явно привлеченный замысловатыми движениями человека. Но тот не зевал. Миг — и дымок оказался в плену пораженных суставной болезнью, но при этом на удивление гибких пальцев. Серая полупрозрачная змейка попыталась вырваться, да только не тут-то было. Лис не успел и глазом моргнуть, как дымок был многократно скручен, свернут и прокатан меж ладонями, превратившись в крохотный, но довольно плотный серый шарик. Его-то и отправил Тестомес через костер сильным щелчком указательного пальца.

Хоть и был шарик небольшим, хоть и летел он с приличной скоростью, но пятнистый успел отреагировать. Лис так и не понял, как таинственный пришелец из ниоткуда достал один из своих ножей, тот просто оказался в руке. Молниеносный удар — и шарик распался надвое... но на его полет это никак не повлияло. Половинки крохотного снаряда свободно обтекли широкий клинок с двух сторон, соединились в воздухе... и круглый комочек сильно ударил незнакомца в точку между носом и верхней губой.

На мгновение лицо пятнистого окуталось серым туманом. Он закашлялся, выронил нож и упал на траву, хватаясь за горло. Лис бросился было помочь, но Тестомес жестом остановил парня.

— Не паникуй, сейчас все закончится.

И правда. Пятнистый отхрипел, откашлялся и отплевался довольно быстро. После чего вскочил, подхватил с земли нож и замер на месте, сверля старика нехорошим взглядом.

— Ты что, дед, совсем охренел? — процедил он сквозь зубы.

— А ты как хотел, сынок? — приподнял мохнатые брови Итан. — Изучение языков всегда и во все времена было делом трудным и тошным до невозможности.

Пятнистый катнул желваками и резким, отточенным движением бросил нож в ножны.

— Хоть бы предупредил, — проворчал он, вновь присаживаясь у костра.

— Как, ежели ты нашего языка не знал? — невинно поинтересовался старик.

— Логично, — с неохотой согласился пятнистый.

— Звать-то тебя как, человек пришлый? — поинтересовался Тестомес.

— В моем мире звали Снайпером. Уже сам не знаю, то ли прозвище это, то ли позывной, то ли уже имя...

— Сна... сна... пе...

Непривычное слово чужого языка с ходу не давалось.

— Снар проще будет? — бросил незнакомец с трудным именем.

— Ясно дело, проще, — улыбнулся старик. — А я Итан Тестомес. Как парнишку звать — не знаю, немой он.

— Это я понял, — кивнул Снайпер. — Кстати, думаю, Тестомесом тебя не зря прозвали. Месишь ты знатно, что воздух, что всадников.

Старик махнул рукой.

— Я что. Маги воздуха самые слабые. С конниками повезло, они поздно шар увидели. Вот водяные маги — это да, они могут. Магия земли еще мощнее, но про нее я лучше помолчу, запретная она. А вот магия огня утрачена людьми...

— Ну, слабый не слабый, а тем друзьям, что вас вешать приехали, хватило на орехи по полной, — отметил Снайпер. — Кстати, а ты любому языку вот так запросто обучить можешь?

— Не-а, — покачал головой Тестомес. — Только тому, что знаю сам. Так что драконьего языка через Серый Дымок ты точно не выучишь. Да и никто не выучит. Люди его давно позабыли, как и магию огня. Теперь ею владеют только драконы...

— А что, в этих местах не только железные болваны на конях, но и драконы водятся? — удивился пятнистый.

— Ага, — кивнул старик. — И еще горные волки-оборотни, демоны-кутрубы, вурдалаки порой попадаются...

— Ну, по ходу, я конкретно попал, — вздохнул Снайпер. — Допутешествовался между мирами то ли до сказки, то ли до дурдома.

— Это не сказка, — усмехнулся Итан. — Это реальность, страшная порой до жути. Например, вон тому парнишке, что хворост в костер подбрасывает, ночью язык отрезали за здорово живешь и на виселицу послали ни за что ни про что.

— Знакомая история, — кивнул пятнистый. — Это во всех мирах случается. А тебя за что вздернуть хотели?

Итан усмехнулся снова, обнажив редкие зубы.

— А за то, что пришлого человека от горячки вылечил. Соседи-то все знали, что я магию воздуха практикую помаленьку, да помалкивали — я их не раз выручал. А тут как-то пришел человек со стороны

и упал посреди улицы. Трясется весь, видно, что помирает. Ну, я сдуру и пожалел. Занес домой, положил на стол да и выдул из него болезнью. Крепко сидела, аж пот прошиб два раза, пока ее выгнал, проклятушью. Ну, он встал, поблагодарил, заплатил щедро. И ушел. А наутро ко мне городская стража нагрянула, повязали — и в темницу. Десять дней пытали, хотели, чтоб сам сознался в ворожбе. А на одиннадцатый устали и решили так повесить, без признания.

— Магию воздуха...

Снайпер потер виски.

— Охренеть. Если б сам не выучил ваш язык за секунду, никогда бы не поверил.

— А сам-то ты откуда будешь, Снар? — поинтересовался Итан.

— Из другого мира, — спокойно ответил Снайпер, словно говорил о другом городе.

Странно, но Тестомес не удивился, лишь слегка головой кивнул.

— Понимаю. И там тоже так же, как и у нас?

— Не так, — качнул головой Снайпер. — Также хреново, но по-другому. И где хреновей, здесь или там, я пока не понял.

После чего перевел разговор на другую тему — похоже, беседа о мире, из которого он пришел, была ему неприятна.

— Кстати, это ты рыцарей разбросал?

— Я, перехожий, — вздохнул Итан. — Правда, рыцарь там был только один, остальные так, городские болваны. Настоящие рыцари тебя бы вмиг на фарш изрубили, если б кучей навалились.

— И так неслабо досталось, — поморщился пришелец из иномира, которого Тестомес назвал странным прозвищем «перехожий» — наверно, за умение путешествовать между мирами. — Только и успевал от копий уворачиваться. Если бы они друг другу не мешали, некого б тебе было сегодня языку учить. Кстати, расскажи поподробнее про ваш мир.

— А чего рассказывать? — пожал плечами Тестомес. — В стародавние времена люди большую силу имели. Но что-то не поделили, и началась страшная война. Огромные огненные стрелы, падающие с неба, стирали с лица земли целые города и народы, и не было спасения никому. Наконец воевать стало некому. Горстке выживших людей досталась обгоревшая земля, пораженная страшной болезнью. Более того — огненные стрелы вскрыли восемь порталов в иные миры, из которых на нашу землю посыпалась всякая нечисть. Людям пришлось зарыться под землю, словно кротам, и долгие годы жить там, лишь изредка выходя на поверхность...

Голос Тестомеса был протяжным и слегка заунывным. Старик рассказывал Старую Легенду, которую Лис знал наизусть. Но он все равно слушал, ибо каждый знает — когда кто-то читает нараспев у огня Старую Легенду, все, кто ее слышит, должны сидеть и молча внимать.

— Прошли годы, десятилетия, века, — продолжал Итан. — Обожженная земля возродилась. Словно старые раны, затянулись плотью времени порталы в иные миры. Прапраправнуки великих воинов прошлого вышли на поверхность, радуясь солнцу, которого многие из них не видели с рождения... Но мир стал совсем другим, не таким, о котором рассказывали древние книги.

Землей предков стала править нечисть, с которой пришлось драться насмерть для того, чтобы отвоевать себе пространство для жизни. Оружие людей было несовершенным. Старое давно пришло в негодность, а новое оказалось слишком примитивным для того, чтобы бороться с монстрами. Люди отчаялись было, но ненадолго. Очень скоро они обнаружили, что изменился не только мир, но и они сами. Некоторые из них — кто-то в большей, кто-то в меньшей степени — умели подчинять себе стихии и творить магию...

— Мутации, — понимающе кивнул Снайпер.

Но Итан продолжал говорить. Старую Легенду нельзя прерывать несмотря ни на что.

— Обрадованные люди стали превозносить колдунов, которые посредством своих магических способностей быстро очистили для своих соплеменников большие территории, стали строить замки и города вокруг них. И все бы хорошо, но гордыня и зависть поселились в людских сердцах. Слабые стали завидовать сильным, а сильные, среди которых было много магов земли, захотели владеть всей Чистой землей. Еще немного — и грянула бы новая война.

Но горстка очень сильных Высших магов сумела предотвратить ее. Зачинщики смуты, маги земли, которых люди за их злодеяния прозвали Низшими, были казнены. Высшие же создали гильдию боевых магов-Сенситов, охраняющих мир и спокойствие на Чистой земле, при этом под страхом смерти простым людям было запрещено применение любой магии. Также Сенситы запретили создание огненного оружия и пламенных двигателей, чертежи которых имелись в старых книгах, ибо во mnogой мудрости много горя.

Прошли годы. Высшие умерли, но люди продолжали верить, что великие маги живут на небесах и следят оттуда за исполнением своих заветов. Однако все здравомыслящие колдуны понимали, что людей много, а Высших — мало, и не каждого могут выследить и наказать

незримые силы. Потому, дабы сохранить существующий порядок, была создана гильдия Чистильщиков Веры, занимающихся уничтожением изобретений и выявлением непокорных...

Но людям нужно воевать, иначе они просто поумирают от скуки. Такая уж у нашего племени природа. Особенно это нужно баронам, герцогам, графам и рыцарям, которым реально нечего делать в своих замках, кроме как тренироваться с оружием.

— Наплодили дармоедов и сами же их себе на шею посадили, — пробурчал себе под нос Снайпер. Но Итан и на это не отреагировал.

— Однажды высоко в горах пастухи нашли большую пещеру, в которой спало невиданное чудовище с огромными крыльями. Бедные люди бежали в страхе, а после рассказали в городе о своей находке. Местный граф, до которого дошли слухи, немедленно решил убить монстра, хотя тот не сделал никому ничего дурного. Это было последнее, что мы знаем о том человеке. Когда в крылатое чудовище полетели стрелы и копья, оно просто дохнуло огнем, и от графа вместе с его людьми остались лишь головешки.

— Рукокрылы со способностями киборгов? — задумчиво и непонятно проговорил Снайпер. — Почему бы и нет?

— Но со временем люди нашли способ убивать драконов. Правда, и те научились мстить, и не только сжигая врагов всепожирающим пламенем. Невиданные ранее демоны-кутрубы стали рождаться из Черных Пятен, выжженных драконьим огнем, а людей, случайно или намеренно попавших в эти Пятна, стали считать проклятыми.

Старый Итан отхлебнул воды из бурдюка — горло пересохло, пока рассказывал Легенду. Теперь можно передохнуть. Теперь — можно.

— Кто ж намеренно полезет туда, где рождаются демоны? — спросил Снайпер.

— В Черных Пятнах можно найти не только новорожденного кутруба, но и колдовские предметы, преобразованные огнем дракона. Говорят, тайная секта последователей Низших готова платить за них баснословные деньги. Кстати, слуги Высших тоже охотятся за этими предметами.

— Ох, как мне все это знакомо, — покачал головой пришелец из иномирья...

Свет костра не падал на то место, где на камне сидел Лис. Он специально выбрал место подальше от огня, где, присев на корточки, неторопливо мастерил чехол для своего ножа. Нехитрая поделка — отрезанный кусок конского потника, сложенный вдвое и обмотанный веревкой. А все лучше, чем нож за веревочной опояской таскать, того

и гляди или сам поранишься, или лезвие веревку перережет. Лис работал, а мысли крутились в голове. Тяжелые мысли, очень далекие от производства примитивных войлочных ножен... Пятнистый — воин, пришедший из другого мира. Итан — тоже воин-маг, хоть и не особо хочет, чтобы его таковым считали. Ему, Лису, немому сироте, чудом выползшему из проклятой земли, не место среди воинов. Им есть о чем поговорить, а он даже не может сказать этим людям свое имя. И помочь ничем не может. Таким, как они, помощь не нужна. И обуза — тоже. Рыцарский конь, конечно, зверюга мощная, но все-таки нести на себе одного человека проще, чем двоих. Настанет рассвет, стража вновь ринется в погоню. Но если под беглецами будут отдохнувшие животные без брони и лишнего груза, они наверняка смогут уйти...

Лис засунул нож в готовый чехол и поднялся на ноги. Он принял решение.

— Ты куда? — обернулся на движение Итан.

Парень пояснил недвусмысленным жестом, мол, до ветру надо.

— Понятно, — кивнул старик. И вновь повернулся к Снайперу.

Лис отошел подальше в кусты, потом повернулся спиной к костру и пошел вперед, не разбирая дороги. С каждым шагом кустарник становился все гуще. Колючки, похожие на маленькие стальные крючья, цеплялись за одежду, словно хотели остановить безумного путника, собравшегося в опасный ночной поход. Но Лис не обращал на них внимания, даже не пытаясь отцепить. Порой ткань рвалась с тихим треском, однако и на это парню было плевать. Кутруб с ней, с проклятой одеждой, выданной прислужником гильдии Воинов Ночи. Там, куда собрался Лис, примут и в рванине.

Подъем вверх ощущался все явственнее, но парень лишь радовался этому. Перерезать себе горло ножом не хватало духу, да и Высшие не возьмут самоубийцу в небесную обитель. А вот если под ногами в темноте разверзнется пропасть, то он тут точно ни при чем. Это значит — судьба, которую Лис готов был принять с радостью.

* * *

— Значит, ваши лорды и верховные маги спецом тормозят прогресс? — усмехнулся Снайпер.

— Значит, так, — вздохнул старик. — И, возможно, они правы. Если легенды не врут, то уж лучше так, чем снова дораста до огненных стрел, которые превращают землю, людей и зверюшек в монстров.

— Может быть, может быть, — сказал Снайпер, расстегивая чехол, с которого тут же посыпалось на землю крошево засохшей грязи.

— Еще одна огненная трубка? — поинтересовался старик, с интересом разглядывая необычный предмет, который таинственный пришелец из иномирья достал из чехла.

— Типа того, — сказал Снайпер, придирчиво осматривая длинноствольное оружие. — Автомат они раздолбали своими копьями, не уберег. А винтовку...

— Видел, — кивнул старик. — Ты ее к себе прижал, словно ребенка, и катался по земле вместе с ней, пока они тебя копьями проткнуть пытались.

Снайпер ничего не ответил. Он расстелил на земле брезентовую тряпку и принялся сноровисто разбирать оружие. Костер давал очень мало света, обе луны скрылись за тучами, но воину из другого мира не нужно было много света. Похоже, не будь костра, он бы разобрал и снова собрал свою винтовку с закрытыми глазами.

— А это что? — спросил старик, ткнув пальцем в продолговатый предмет.

— Снайперский прицел ПСО-1, — ответил стрелок и, увидев непонимание в глазах старика, пояснил: — Через него я вижу цель так, будто она прямо передо мной.

— Волшебный глаз, — кивнул Итан. — Говорят, последователи Низших и гильдия Воинов Ночи сумели сохранить кое-что из наследия Ушедших. В свое время я даже видел рисунки, изображающие те предметы, и описания под ними на древнем языке. Правда, на одном из них были два волшебных глаза, соединенных вместе.

— Бинобль, — сказал Снайпер. — Штуковина, похожая на ПСО-1, но маленько для других целей. Если честно, я бы не отказался сейчас от нее. А еще от РПГ с парой осколочных выстрелов для шайки тех болванов, что идут за нами.

— А разве ты не можешь убить их на расстоянии? — удивился старик. — Если у твоей винтовки есть волшебный глаз, значит, она бьет очень далеко. Думаю, маг воды не сможет так далеко бросить Огнетушитель.

— Огнетушитель? — переспросил Снайпер.

— Ну да, — отозвался Итан. — Это простейшее универсальное заклинание, которое может наложить на огненную трубку или стог сена даже самый слабый маг любой из стихий. Оно несет в себе губительное для огня действие воды, воздуха и земли. Думаю, здесь понятно. Вода тушит огонь, порыв ветра гасит пламя, а костер, при-

сыпанный землей, затухает. В общем, оно накладывается на любые воспламеняющиеся вещества, которые после этого не возгораются. Очень полезно. Наложил, например, на дом, и тот не загорится, пока заклинание не выветрится.

— Или на порох, — задумчиво протянул Снайпер. — Так вот чем меня шибанул тот придурок в рыбьей чешуе. Сначала я подумал, что в меня чем-то вроде противотанкового «Метиса» долбанули, только удивиться успел, почему ж оно такое прозрачное и медленное. Потом осознал, что вроде как из ведра водой окатило. Ерунда, понятное дело, а автомат заклинило. Для АК вода так, детский лепет, ему и песок нипочем, а тут не пойми с чего — клин, причем мертвый...

— Огнетушитель сильного водяного мага, — кивнул Итан. — Просачивается даже под крышки плотно закрытых пороховниц, поэтому пищалями и фузеями у нас пользуются только дикие охотники севера. Здесь, в городе и окрестностях это заклятие знают все, имеющие даже малые способности к зачарованиям. Оно разрешено, и любой, даже очень слабый колдун погасил бы твою огненную трубку — конечно, не так эффектно, как член гильдии Сенситов, но не менее действенно.

— А вот через полиэтилен оно вроде не просочилось, — сказал Снайпер, разворачивая несколько длинных предметов, похожих на наконечники для стрел. Понюхал их, рассмотрел внимательно, поднеся к огню, поковырял ногтем с тыльной стороны...

— Кажись, норм, — сказал он, ловко загоняя наконечники в квадратную коробочку. — Ты, конечно, прав. Если патроны исправны, из СВД перещелкать тех гавриков — раз плюнуть. Проблема ровно одна. Твой чешуйчатый колдун перепортил мне почти все патроны. Позеленели они, порох в пыль рассыпался. Остался только неприкосновенный запас, который был в полиэтилен запаян. То есть десять штук, ровно на один магазин. Болванов же, что за нами тащатся, больше дюжины. Я в пылище, которую они подняли, так и не разобрал, сколько именно, но что патронов на всех не хватит — факт. Вот и ответ на твой вопрос. Даже если я выбью десять из десяти, пара-тройка все равно в город сбежит за подмогой.

— Вернутся всем гарнизоном крепости и с собаками, — задумчиво проговорил Итан.

— Вот и я о чем, — флегматично отозвался Снайпер.

Отложив в сторону снаряженный магазин, он внимательно осмотрел, чуть не обнюхал каждую деталь разобранный винтовки. Что-то почистил тщательно, что-то смазал, после чего вновь собрал свое

оружие. В заключение он достал из кармашка пятнистого костюма цветастый пакетик, разорвал его, извлек из обрывка прозрачный чехольчик и натянул его на ствол.

— А это что? — поинтересовался старик. — Такого я на древних картинках не видел.

— Это ты не те картинки смотрел, — усмехнулся стрелок. — Хоть оно и для другого, но в нашем случае нужно, чтоб пыль и песок в ствол не попали. Ты вот что, дед, иди-ка спать, а я покараулю.

— Годится, — согласился Итан. — Как Две Сестры будут в зените, разбуди меня, это как раз полночи пройдет. Потом моя очередь.

— Две луны, — вздохнул Снайпер. — В моем мире на небе только одна присутствует... Кстати, старик, что-то ты не особо удивился, когда узнал, что я не из этого мира. У вас тут гости из зазеркалья каждый день шастают?

— А чего удивляться? — пожал плечами Тестомес. — Я ж говорил: после той войны проходы в другие миры затянулись, но не до конца, как гноящиеся раны, которые в любую минуту могут вновь открыться. И открываются они порой, только никто не знает, когда и где это произойдет. По тебе сразу видно, переходный, — в твоём мире нет магии, зато наверняка есть огненное оружие и машины, умеющие летать по воздуху, как драконы. Помнишь, я говорил тебе про рисунки, оставшиеся от Ушедших? Так вот, здесь Чистильщики Веры давно сожгли все упоминания о прошлом. Эти рисунки я видел в молодости у себя дома, в своём мире, перед тем как попал сюда.

— Вот оно как, — тихонько присвистнул Снайпер. — И что, обратно домой попасть не получилось?

— Моего дома больше нет, Снар, — с тоской в голосе сказал старик. — Оказалось, что после войны люди моего мира не только получили способности к заклятиям, но и сумели сохранить в тайных местах секреты изготовления огненных стрел. Старая Легенда верно говорит: людям нужно воевать, иначе они просто передохнут от скуки. Такая уж у нашего племени природа. И когда разразилась новая война, спасения не было ни для кого. Я помню, как меня просто подняло в воздух и выбросило в раскрывшуюся рану между мирами. А еще я помню краткий миг, когда я летел в абсолютной черноте. Надо мной неестественно ярко сияли звезды, и медленно, очень медленно распадалась на кусочки планета, когда-то бывшая моим домом...

— Сочувствую, — мрачно произнес Снайпер. — В твоём случае, старик, Последняя война действительно оказалась последней.

* * *

Сперва идти было очень нелегко. Тяжелые грозовые тучи затянули небо, и свет обеих лун тонул в них, словно в глубоком омуте. Каждый шаг давался с трудом, казалось, камни величиной с кулак то и дело сами подползали под ноги, словно живые, коварные зверьки. Одно дело, если ты твердо решил найти свою смерть, быстрю и неотвратимую, и совсем другое — валяться в темноте со сломанной или подвернутой стопой. Тогда реально придется совершить смертный грех и вскрыть себе горло, потому что здесь, в этой горной глуши, точно никто не придет на помощь...

Но потом Высшие смилостивились. Они послали прохладный ветер, который невидимой гигантской ладонью сдвинул тучи в сторону. Так отодвигает ночью хозяин дома шторы с окна, чтобы взглянуть на свое подворье и проверить, все ли там в порядке.

Две Сестры выглянули из-за темных облаков, и Лис в который раз поразился их жутковатой красоте. Здесь, в горах, воздух был особенно чист, и казалось, будто обе луны стали ближе.

Старшая Сестра была громадна и величава. Даже не нужно особо присматриваться для того, чтобы разглядеть на ее поверхности кратеры вулканов, пропасти, похожие на шрамы, и пики гор, смахивающие на зубы хищных животных. А еще на ней можно было рассмотреть ровные прямоугольники, испещренные длинными линиями.

Старики говорили, что это руины городов, пересеченные остатками старинных дорог. Но Лис подозревал, что рассказчики все придумали или пересказали слова тех, кто придумал эти сказки до них. И ему понятно, что это Высшие подвесили на небе обеих Сестер для того, чтобы заблудившимся путникам было видно, куда ночью поставить ногу. А то, что старики называют горами, долинами и городами, — это просто знаки, которые Высшие нанесли на свои творения для тех, кто сумеет прочесть таинственные письма.

Кстати, на Младшей Сестре, сейчас висевшей рядом со Старшей, никаких знаков не было. Просто круглый шар, заметно меньший размерами, но намного более яркий, дававший неизмеримо больше света. Даже мудрые старики не могли ответить на вопрос, что же есть такое вторая луна. Большинство из них сходилось на том, что это творение Высших, созданное специально для ночных путников, — и на этом закрывало тему.

Время от времени мысленно благодаря Высших за столь замечательное подспорье, Лис продолжал карабкаться вверх. Подъем ста-

новился все круче и круче, порой приходилось цепляться кончиками пальцев за неровности почти вертикальной стены. Но парня это не пугало. Прохладный ночной воздух, настоянный на аромате горных трав и цветов, придавал силы измученному телу. Наверно, так в неравном бою раненый воин бежит навстречу превосходящим силам противника, сжимая в руках иззубренный меч. Уверенность в скорой смерти и ожидание новой схватки наполняет его сердце восторгом — ведь он умрет красиво и достойно, с оружием в руке, как и подобает настоящему мужчине...

Лис подтянулся, перекинул ногу через обломок скалы — и оказался на краю довольно большой площадки, формой похожей на чашу, густо заросшую высокой травой. И то, что парень увидел на дне этой чаши, разом вышибло из его головы возвышенно-высокопарные мысли о собственной героической кончине.

На площадке, возле подножия огромной каменной стены, уходящей далеко вверх, лежало гнездо величиной с деревенский дом. Сплетено оно было из огромных веток и молодых деревьев, вырванных с корнем. Впрочем, Лис разглядел при свете лун рыцарское копье, торчащее из гнезда, множество костей и черепов, искусно вплетенных в древесную мешанину и разбросанных возле гнезда в высокой траве. Чьи именно останки белели там при свете лун, разглядеть меж ветвей и среди травы с краю каменной чаши было невозможно. Но сейчас далеко не чьи-то выбеленные дождями кости привлекли внимание Лиса.

В гнезде лежали четыре больших яйца, каждое в обхвате никак не меньше тележного колеса. Вернее, три яйца и две половинки скорлупы, расколотой посередине. Рядом со скорлупой копошилось существо размером с небольшую собаку, неловко подминая под себя перепончатые крылья. Похоже, новорожденный был пока что слепым и уж наверняка беспомощным. Разинув узкую пасть и задрал голову кверху, он мотал ею из стороны в сторону, словно звал кого-то... или же пытался напугать. Но его еле слышный писк вряд ли мог отпугнуть трех огромных горных волков, неторопливо приближавшихся к гнезду.

Лис никогда не встречал этих чудовищ, которых люди, живущие возле подножия гор, называют Хозяевами Ночи. Зато парень много слышал о них от дядьки Стаффа. Мол, водятся в предгорьях Клыкков Дракона злющие твари величиной с теленка. Серые, мускулистые, с зубами, каждый из которых длиной никак не меньше человеческого пальца. Живут небольшими группами, но в пору великого голода

могут сбиваться в огромные стаи, и тогда горе любимым живым существам, оказавшимся на пути горных волков. А еще говорил дядька Стафф, что в незапамятные времена вышли эти звери из большого Черного Пятна, оставленного на земле первым проснувшимся драконом. Мол, были они когда-то людьми, обидевшими того дракона, и в Однолуние пало на них первое проклятие. И с тех пор в ночи, когда Большая Сестра полностью закрывает Младшую, горные волки могут обращаться в людей, входить в их жилища и пить горячую кровь спящих. Правда, Лис всегда думал, что это деревенские сказки. Человеческому воображению свойственно наделять сильных и умных зверей своими качествами либо приписывать себе звериные...

Но вот самый большой из волков обернулся — будто спиной почувал взгляд. В ночи сверкнули два уголька, горящих яростью и жаждой крови. Хоть и далековато было до зверя, не менее ста шагов, но Лис не увидел, а скорее почувал немой посыл: не подходи! На сегодня нам хватит еды, побереги себя до завтра!

Парень усмехнулся и вытащил из-за опояски трофейный нож. Почему-то пришли на ум слова мессира: «Плохо, когда большой и сильный хочет обидеть слабого и беспомощного». Сейчас Лис был полностью с этим согласен. К тому же зачем искать смерть, когда она сама нашла тебя? Хорошая, чистая гибель в бою. Что может быть лучше?

Перехватив нож поудобнее, парень ринулся вниз по склону. Бежать было легко, и не только потому, что путь вел под уклон. Когда цель ясна, близка и понятна, силы зачастую берутся не пойми откуда, словно Высшие посылают их сверху измученному телу, как последний подарок.

Ближайший к Лису волк, тот самый, что сверкал глазами, предупреждая, развернулся и зарычал. Остальные двое лишь покосились на вожака, мол, помощь не нужна? На что получили короткий отрывистый рык в свою сторону — и тут же отвернулись к гнезду. Волчий язык простой, учить не надо. Все понятно. Вожак дал понять: это моя добыча, занимайтесь своей. Ну, дружки и занялись, продолжив неспешный путь к гнезду. Куда торопиться? Ночь большая, жратва вон она, перед носом, сама в лапы идет, можно и растянуть удовольствие.

Все это в один миг пронеслось в голове Лиса на бегу — возможно, фантазии, а может, оно вправду так и было. Уж больно много человеческого прочитал парень в глазах зверя, пока летел к нему с ножом в руке. Не захочешь — поверишь в старые сказки про то, что под густой серой шкурой скрываются проклятые, вышедшие из первого Черного Пятна.

Волк не стал ждать, пока сумасшедшая добычка добежит до него. Он присел на мощные лапы и прыгнул. Разинутая пасть, будто медвежий капкан, усаженная острыми зубами, была повернута под нужным углом, чтобы одним ударом челюстей перекусить горло человека, осмелившегося вступить в противоборство с Хозяином Ночи.

Лис занес руку для удара и улыбнулся. Толстую шкуру горного волка вряд ли удастся пробить ножом. Дядька Стафф, помнится, говорил, что на это способен только арбалетный болт, тяжелое копьё или рыцарский меч, которым управляет тренированная с детства рука. Но и это не всегда срабатывает. Хозяева Ночи умеют предугадывать движения нападающего и с поразительной ловкостью уклоняться от ударов врага. Так что нож — это так, что-то вроде обычая северных народов умирать с оружием в руках. Красиво, но, в общем-то, бессмысленно. Говорят, что Высшие не одобряют убийства, хотя в свое время всю потворствовали им. Но красота — страшная сила, и любой настоящий мужчина предпочтет смерть в бою любой другой, пусть даже гораздо менее страшной и болезненной...

Высокопарные мысли — штука хорошая. Духовность развивают, например, велеречивость тренируют, которая так нравится девушкам. Но в битве они — серьезная помеха. Внимание отвлекают. Вот и Лис, пребывая в некотором возвышенном экстазе по поводу своей неминуемой гибели, не углядел наполовину вросший в землю человеческий череп, скрытый в высокой траве. Парень благополучно наступил на него, не менее благополучно поскользнулся на гладкой кости — и покатился по земле, чисто инстинктивно держа нож подальше от себя, чтоб не порезаться...

В следующее мгновение что-то черное пролетело над Лисом. Одновременно клинок встретил серьезное сопротивление, нож чуть не вывернуло из руки. Опять же — может, рефлекторно, а может, просто из вредности — парень вцепился в рукоять обеими руками — мол, что хотите делайте, а не отдам трофей...

На лицо брызнуло теплым.

Лис дернул нож на себя и откатился в сторону.

Вовремя... В том месте, где только что находилось его горло, клацнули страшные клыки. Раненый волк приземлился, мгновенно развернулся и ринулся в атаку, не обращая внимания на боль.

Жуткое это зрелище — оскаленная морда дикого зверя, подсвеченная обеими лунами. Полные первобытной ярости глаза, пена на нижней челюсти, мощные когтистые лапы, способные одним ударом сорвать кожу с лица...

Но Лису почему-то не было страшно. Совсем не было. Было никак. Будто уже случалось с ним такое неоднократно и он точно знал, что надо делать. Вернее, тело знало, и единственное, что требовалось сейчас от парня, это не мешать собственным рукам и ногам делать напряженную, но откуда-то знакомую работу.

Волк прыгнул вперед. Длинно прыгнул, расчетливо. Чтобы сбить мощной грудью шустрюю добычу, а потом подмять под себя и долго, с наслаждением рвать зубами горячее, трепещущее мясо. Зверь все рассчитал точно, не учел он лишь того, что жертва может броситься ему навстречу...

Лис змеей метнулся вперед, перевернулся в воздухе, словно веретено, и проехался спиной по земле. Над его лицом вновь пронеслось тело волка, а по плечу мазнул влажный, скользкий клубок выпущенных кишок. За него и схватился парень, одновременно нанося резкий удар вверх второй рукой, сжимающей нож.

Лиса рвануло и протасило по траве, на этот раз в обратную сторону. Но он не отпустил внутренности зверя, словно когти, вонзив свои пальцы в осклизлые переплетения.

И тут волка проняло... Можно стерпеть ножевую рану, можно не обратить внимание в азарте боя даже на вывалившиеся внутренности. Но когда твою требуху выдирают из тебя заживо, здесь даже хищный дикий зверь теряет весь свой боевой пыл от нестерпимой боли.

Волк с жутким воем покатился по земле. Страшный вопль смертельно раненного вожака заставил двух других волков прервать неспешный ритуал подготовки к ночному пиршеству. Один из них уже залез в гнездо и примеривался, как бы половчее откусить голову крылатому детенышу, второй же только прикидывал — стоит ли тоже запрыгнуть внутрь высокого нагромождения ветвей, костей и мусора или же не толкаться боками и подождать, пока напарник по охоте прикончит добычу и сбросит ее вниз.

Но услышав вой вожака, оба зверя одновременно повернули головы — и немедленно потеряли интерес к охоте. Когда стае угрожает враг, охота отодвигается на второй план. Главное — убить врага, остальное может и подождать.

Два волка громадными прыжками понеслись к маленькой фигурке, застывшей с ножом в руке над бьющимся в агонии вожаком. В сердцах ночных охотников бурлила звериная радость. Вожак долгие годы сурово правил стаей и многим успел проесть печень как в прямом, так и в переносном смысле. И вот теперь по нелепой случайности он стоит на Темном пороге, и этой ночью решится, кто станет

новым вождем ночных охотников. Но сначала нужно убить того, кто посмел поднять руку на горного волка. То, с чем не справился один сильный, но излишне самоуверенный зверь, с легкостью сделают два опытных охотника, не привыкших зря рисковать своей шкурой. Нужно лишь обойти с двух сторон хрупкую человеческую фигурку и атаковать одновременно...

Но разделиться ночные охотники не успели. Внезапно огромная черная тень закрыла обе луны, и с неба ударила ревущая струя всепожирающего пламени. Миг — и по траве покатались два визжащих огненных клубка, только что бывшие живыми, сильными зверями, которых люди, живущие возле подножия гор, называют Хозяевами Ночи.

«Ну вот и все», — равнодушно подумал Лис, глядя на парящую тень, казалось, закрывшую половину неба. Он уже видел однажды такую же, перед тем как прыгнуть в колодец, спасаясь от неминуемой смерти. Но здесь колодца не было, как не было и желания спастись. Поэтому Лис просто ждал, когда стена огня достигнет его, после чего можно будет больше никогда ни о чем не беспокоиться. Парень слишком хорошо помнил, что осталось от его деревни, и потому не сомневался, что смерть будет быстрой и относительно легкой.

Однако ревущее пламя погасло так же внезапно, как и возникло, не накрыв парня смертоносной волной, а лишь слегка опалив ресницы и брови. Лис невольно зажмурился — эдакий фейерверк посреди ночи ослепит кого угодно. Потому он лишь услышал хлопанье гигантских крыльев, а потом — мощное, прерывистое сопение, словно его обнюхивала собака размером с городскую стену.

В лицо дохнуло горячим воздухом, словно из кузнечного горна. Лис открыл глаза — и невольно отшатнулся...

Вряд ли кто из смертных видел живого дракона так близко. А если и видел, наверняка это было последним зрелищем в его жизни. Но этот дракон пока что не собирался начинать поздний ужин. Он внимательно рассматривал человека, как гурман придирчиво оглядывает кусочек хорошо приготовленного мяса, прежде чем отправить его в рот.

Лис тоже в свою очередь рассматривал чудовище — что еще остается делать в эдакой ситуации? Жмуриться и приседать от страха глупо, все равно не спасешься. Бежать некуда, да и, в общем-то, незачем. Бросаться на летающего монстра с ножом просто смешно, тем более что этот дракон только что спас тебе жизнь. Зачем спас — другой вопрос, может, он предпочитает сырое мясо хорошо прожаренному.

Лис кивнул.

— Ясссснно...

Парню показалось, что летающее чудовище задумалось. Его глаза подернулись мутной пленкой, рассеянно шевелились отростки-усы возле пасти...

Время шло. Лис стоял, незаметно переминаясь с ноги на ногу, дракон то ли задумался, то ли заснул. В общем, со скорой и неминуемой смертью явно не получалось. Все шло к тому, что здесь с этим Лису никто не поможет. Значит, пора потихоньку думать о том, как бы половчее свалить отсюда и поискать другой путь к пропасти — или другого дракона, более склонного к утолению голода, нежели к сну или длительным размышлениям.

Парень совсем уже собрался развернуться и направиться восвояси, как внезапно мутная пленка исчезла с глаз дракона. Чудовище быстро и грациозно протянуло вперед переднюю лапу, схватило парня и легко, словно перышко, поднесло его к своей пасти.

«Ну вот и все, — подумал Лис. — И ходить никуда не надо...»

Но додумать последнюю мысль он не успел.

Пасть дракона вновь открылась — и тут же захлопнулась, словно сработавший капкан. Один из усов-щупалец мелькнул в воздухе, подхватывая вылетевший из пасти острый кусочек окровавленного мяса.

Второе щупальце быстро обвило шею парня и слегка сдавило — так, что Лису волей-неволей пришлось открыть рот, чтобы попытаться протолкнуть в легкие порцию воздуха. С воздухом не получилось, зато он ощутил, что у него во рту копошится что-то живое...

А потом пришла боль, какая бывает, если в слегка поджившую рану воткнуть раскаленный нож...

Лис попытался сомкнуть зубы, но щупальце сильнее сдавило горло. Да и не получилось бы сомкнуть челюсти — рот был забит упругим шевелящимся усом дракона, деловито ковыряющимся в том месте, где еще вчера у Лиса был язык.

«Так вот оно как... на виселице-то подышать...» — пришла вялая мысль... додумать которую тоже не получилось.

Внезапно щупальце, обвившее шею, разжалось. Исчезло и то, что ковырялось в горле. Однако пропало и ощущение пустоты во рту, к которому Лис уже успел привыкнуть...

Там, за двумя рядами его зубов, шевелился намертво приросший кусок чужеродного мяса. Лис никоим образом не ощущал его как собственный язык — но все-таки это был язык! Онемевший, не чув-

ствующий боли от легких покусываний, но при этом вполне повинующийся его желаниям.

— От... отпу... сти, — проговорил Лис — и вздрогнул от неожиданности.

Он прекрасно понимал значение только что сказанного слова. Но его уши уловили совершенно чуждые звуки, произнесенные им, больше похожие на змеиное шипение, чем на человеческую речь.

— Вот так-то лучше, — произнес дракон на том же шипящем языке, ставя парня обратно на землю. — Не бойся. Скоро нервы прорастут, и ты будешь ощущать свой язык полностью как собственный. У нас, драконов, раны заживают очень быстро. Считай это благодарностью за спасение моих детей.

— Это... это как посмотреть, — медленно проговорил Лис, прислушиваясь к своим ощущениям. Неприятно, конечно, чувствовать во рту шевелящийся шмат чужеродного мяса, но если он дает возможность говорить, то можно и потерпеть. А еще можно будет потом попрыгать от радости и поорать во все горло. Но это потом, когда его собеседник снова улетит куда-нибудь. Потому что нехорошо показывать своему благодетелю, что ты счастлив, как ребенок. Еще сочтет, что дал слишком много, и попытается отобрать.

— Это как посмотреть, — повторил он. — Ты только что тоже спас мне жизнь, спалив тех тварей...

— Жизнь моих детей для меня дороже твоей, своей или чьей-либо еще, — отрезал дракон. — Странная штука жизнь. Их мать убили люди, и одно из двух моих сердец сразу перестало биться. Когда самец находит себе самку, одно его сердце начинает биться в унисон с сердцем подруги и останавливается, когда она умирает. И вот люди убили мать моих детей, а я только что отдал человеку часть своего языка.

Лис уже давно заметил, что в пасти дракона мелькает раздвоенный язык, один из кончиков которого стал немного короче второго, но все еще боялся верить в произошедшее... В его рту шевелилась часть плоти летающего чудовища, посредством которой Лис снова мог говорить. Более того, он мгновенно научился понимать речь летающих чудовищ и даже беседовать с ними!

— Не удивляйся, — проговорил дракон, словно прочитав мысли парня. — Я отдал тебе свою плоть и кровь, и теперь ты мой кровный брат. Хотя, признаться, меньше всего на свете я бы хотел, чтоб моим побратимом стал человек. Так как твое имя?

— Лис, — ответил Лис. — А твое?

— Меня зовут Йаррхом, — ответил дракон.

Внезапный треск, раздавшийся за спиной, заставил его грациозно изогнуть шею и посмотреть назад.

Еще одно яйцо расколосось, выпустив на свободу бесформенное трепыхающееся тельце в потеках слизи. Однако дракончик довольно быстро выпутался из собственных конечностей, отряхнулся, расправил крылья, вытянул шейку и деловито укусил брата за хвост. В гнезде завязалась возня, сопровождаемая возмущенным писком и хлопаньем еще не до конца оформившихся крылышек.

Йаррх ощерил пасть, усы-щупальца довольно задрались кверху. Лису показалось, что счастливый отец улыбается.

— Еще немного, и они сами дадут отпор любому горному волку, — сказал он. Потом наклонил голову вниз, ухватил валявшуюся в траве окровавленную тушу теленка и точным, резким движением забросил ее в гнездо. Драконята поначалу подпрыгнули от испуга, но тут же, привлеченные запахом крови, забыли про драку и принялись терзать свежее мясо.

— Хорошие охотники будут, — вновь улыбнулся дракон. — Но для этого им нужно много мяса. Скоро вылупятся их братья, и тогда им не хватит пищи на всех. Я видел отряд твоих сородичей возле подножия горы. Они гонятся за тобой?

Лис кивнул.

— Боюсь, как бы они по моим следам не нашли твоё гнездо.

— Не найдут, — успокоил его Йаррх. — Я еще не разучился творить заклинание, отводящее глаза. Ты нашел это гнездо потому, что не хотел ничего, кроме смерти. Человек, обуреваемый желаниями, увидит на этом месте лишь глубокую пропасть. Жаль, что древнее заклинание Морока не действует на горных волков. Но хватит разговоров. Садись мне на спину, человек. Я отнесу тебя подальше отсюда. Возможно, там ты сможешь начать новую жизнь. Но запомни, это будет моей последней услугой.

— Благодарю тебя, брат, — сказал Лис. — Но скажи: не проще ли было сжечь меня вместе с этими волками? Ведь ты ненавидишь людей, убивших твою подругу.

Дракон опустил голову.

— Ты прав, человек, — глухо произнес он. — Я ненавижу твоё племя, забывшее, что такое честь и сострадание. Но мы, драконы, не забыли наш древний закон и будем свято чтить его до конца наших дней.

— И... что это за закон? — поинтересовался Лис.

Он прекрасно осознавал, что открыто нарывается на неприятности, пытаюсь копаться в душе своего спасителя, но любопытство было сильнее.

— Это очень просто, — с легким раздражением в голосе ответил Йаррх. — Плати добром за добро, а за зло воздавай по справедливости. Ты еще долго на месте столбом стоять будешь? Лезь ко мне на спину, если не хочешь, чтобы твои соплеменники поутру разорвали тебя на части.

* * *

Кто-то тряс его за плечо.

— Вставай, старик!

Итан приподнялся на локте, жмурясь спросонья. Рядом с ним на корточках сидел человек в пятнистом костюме, уже очищенном от налипшей грязи.

— Прошло полночи. Твоя очередь дежурить.

Старик протер глаза и огляделся.

— А немой парень где?

— Ушел немой, — ответил Снайпер.

— Как ушел? Ночью? Куда? Почему ты его не остановил?

— Он вполне взрослый парень и сам волен принимать решения, — спокойно ответил пришелец из иномирья. — А вот куда ушел — не знаю. Может, смерть свою поискать, а может, новую жизнь. И в том и в другом случае мы с тобой ему не помощники.

— Ты, я смотрю, философ, — проворчал старик, ежась от ночной прохлады. — Были у нас такие, много думали, много умных слов говорили. А мир все равно развалился на части.

— Ну, вряд ли твой мир взорвали философы, — криво усмехнулся Снайпер. — Хотя согласен, философия — штука вредная. Особенно когда твоя очередь спать ложиться.

Итан намек понял, но виду не подал.

— Уходить надо, — сказал он.

— Да ну? — удивился Снайпер. — Надо же, какая незадача. Как моя очередь спать, так прям срочно возникла надобность куда-то уходить.

— Зря издеваешься, — буркнул старик. — Я только сейчас догадался. Тот немой пацан не только городской страже в компании с нами на мозоль наступил. Ему члены гильдии Воинов Ночи язык отрезали во время ритуала посвящения и городским властям сдали. Ну, чтоб те его повесили и отчитались перед лордом, мол, вот, боремся с наемны-

ми убийцами всеми силами. Видел, как он двигался? Это не случайно. Во время ритуала на Черном троне в обмен на язык воин получает способности убийцы, которые должен развить...

— Понятно, — кивнул Снайпер. — Можешь не продолжать. Стало быть, теперь за ним будут гнаться не только те обалдуи в доспехах, но и ваши доморощенные ниндзя.

— Кто? — переспросил Тестомес.

— Неважно, — отмахнулся собеседник. — Однако это меняет дело. Как показывает практика, хорошо обученные киллеры действуют гораздо эффективнее полиции. Знал я одного такого «Воина Ночи». Признаться, лучшего бойца мне встречать не доводилось.

Итан вылупил глаза на пришельца из иномирья.

— Ты знаком с воинами гильдии?

— Это было еще в моем мире, — сказал Снайпер. — Ну что ж, старик, будем считать, что ты мне свою смену должен. В следующую ночь я с вечера до утра дрыхну как младенец, а ты все это время бдишь в оба глаза.

— Если мы оба доживем до следующей ночи, — проворчал Итан, поднимаясь на ноги.

— И куда мы теперь, Сусанин? — хмыкнул Снайпер.

— Не люблю я, когда ты говоришь непонятно на своем языке, — проворчал Тестомес. — Сусанин какой-то... Есть одно место здесь, в горах. Признаться, я сначала хотел через перевал махнуть, а оттуда через Долину живых папоротников в Бедфьорд перебраться. Там бы нас никакой кутруб в доспехах не нашел. И без доспехов — тоже. Но до границы со Страной пиратов нам не дойти, Воины Ночи на перевале нас точно догонят. Бегают они быстро, и темень для них не помеха. Так что пошли.

— Ну, пошли, — не стал спорить Снайпер.

— По пути расскажу, что это за место, — сказал Итан. — Вот только посох мне вырежи из вон той ветки, а то несподручно идти будет. Коней-то здесь придется оставить, в гору они не пойдут...

С посохом дед и вправду стал намного шустрее, будто всю жизнь таскался по пересеченной местности с двухметровым шестом.

— Знатный у тебя нож, — похвалил он оружие пришельца из иномирья. — Дерево как масло режет. Я еще внизу подметил, как ты им подругу рассек. Одно движение — и толстенный кожаный ремень пополам. А коню ничего. Сразу видать — воин!

Но Снайпер на лезть не купился.

— Ты обещал рассказать, куда идем, — бросил он на ходу.

— Обещал — так расскажу, — буркнул старик. — Впереди — перевал, до которого ходу полночи, про него я уже говорил. Направо — плохое место, Гнездо Дракона называется. Это верная смерть. Одни пропасти да обрывы с острыми камнями на дне, оттуда еще никто живым не возвращался. Слева же — Ворота Ветра. Тоже не панацея от всех бед, но попробовать можно.

— Не понял, — бросил Снайпер. — Что за Ворота Ветра?

— Ну да, ты ж не из местных, — поморщился старик. — Сейчас расскажу. По всему Срединному миру разбросаны такие штуки. Вроде ничего особенного, два столба, украшенные резьбой, с двумя перекладинами наверху. Кто их строил и когда — неизвестно. Но строили на совесть. Никакие тайфуны, смерчи или наводнения им нипочем. Будто не из дерева, а из железа сделаны. Бывало, война случится между лордами, один у другого город захватит и сожжет дотла. А Ворота стоят, и даже следа копоти на них нет. Древняя магия, сильная, до сих пор держится, и ничто ее разрушить не может. Не то что современная, тьфу, — в сердцах сплюнул старик.

— Знаю, о чем ты, — кивнул Снайпер. — В нашем мире тоже есть такие, тории называются. В свое время страшное оружие сбросили на город Нагасаки, которое напрочь стерло его с лица земли. А священные ворота возле входа в полностью разрушенный храм остались абсолютно целыми, без малейшей царапины*. Причем такие случаи повторялись не раз. Например, в той же стране произошло землетрясение, а после огромная волна смыла уже другой город. И в нем после катастрофы абсолютно целыми остались лишь вот такие ворота**.

— Магия, иначе не объяснить, — развел руками Итан. — Вишь, в твоём мире она тоже имеется.

Шли они недолго. Магические Ворота стояли на поляне, посреди рощи густых деревьев. Если точно не знать, куда идти, можно вокруг блуждать целыми днями, нипочем не найдешь.

— Ну вот, — сказал Тестомес, щерясь щербатой улыбкой. — Сейчас передохнем, я заклинание вырашу по-быстрому и рванем.

— Куда, интересно?

— В смысле — куда? — удивился Итан. — Ворота Ветра лучше тебя знают, куда тебе надо. Конечно, если сильно напрячься и вырастить мощное заклинание, можно перенестись и в конкретное место. Но...

* Исторический факт.

** Речь идет о землетрясении и последующем цунами в Японии 12 марта 2011 года.

— Не напрягайся, старик, — раздался равнодушный голос. — Ты и твой спутник скоро и без ворот перенесетесь в конкретное место. А именно — на кладбище.

Итан вздрогнул и выставил перед собой посох.

— Кто здесь? — взвизгнул он старческим фальцетом.

— А сам-то как думаешь? — поинтересовался тот же голос. — Только не вздумай дернуться. Пока ты будешь растить свое заклинание, мои люди превратят тебя в подушку для метательных ножей. И дружку своему разъясни, что к чему.

Тени, отбрасываемые густой кроной деревьев, шевельнулись одновременно, еле слышно прошуршала листва — и на поляне словно из ниоткуда материализовались шесть темных силуэтов.

— Так и знал, — прошептал Тестомес. — Воины Ночи. Теперь нам точно хана.

— Не совсем, старик, — произнес силуэт, шедший впереди группы. — Просто скажи нам, куда ушел ваш спутник — и можете идти куда угодно. Хоть в Ворота Ветра, хоть напрямиком в Драконье Гнездо.

— Да кто ж его знает, — слегка дрогнувшим голосом произнес старик. — Мы у костра сидели, а он отошел, типа по нужде, да и не вернулся.

— Вот как, — с легким сожалением произнес вожак стаи безмолвных теней. — Жаль, я думал, что ты умнее...

И подал едва заметный знак рукой.

Все это время Снайпер стоял в расслабленной позе, прислонившись к древесному стволу и засунув руки в карманы. Но при последних словах человека в черном он вдруг отклеился от дерева и вскинул ладонь в предостерегающем жесте:

— погоди, — крикнул пришелец из иномирья. — Перед уходом немой отдал мне одну штуку и сказал беречь как зеницу ока.

— Что отдал?

— Да вот...

В руке Снайпера оказался небольшой предмет, похожий на игрушечный гриб.

— Что это? А ну-ка, кидай сюда, и без фокусов! — приказал вожак.

— Лови, — пожал плечами Снайпер.

Последовал короткий бросок... В руках остальных пяти теней блеснули короткие клинки. Понятно, что в случае чего воины в долю секунды осуществят угрозу своего командира...

Но ничего не случилось. Предмет благополучно пролетел расстояние в десяток шагов и оказался в руке вожака.

— Что это? — недоуменно спросил тот, вертя в руке непонятную штуковину. — Хотя погоди. Тот парень *сказал* тебе беречь ее? Но ведь у него язык отре...

Договорить вожак не успел. Внезапно в его руке родилось солнце, осветившее все вокруг. Одновременно резкий и громкий хлопок резанул по ушам.

За мгновение до этого Снайпер очень быстро открыл рот, зажал уши руками и, зажмурившись, прижал подбородок к груди. Тестомес, внимательно наблюдавший за напарником, бросил посох на землю и сделал то же самое.

Воины Ночи ожидали любого подвоха, но только не странных ужимок предполагаемых противников. Странно это, когда мужики в сложной ситуации начинают корчить рожи и сворачиваться в позу эмбриона. Потому и ножи метнуть не успели.

А потом было уже поздно...

Люди в черных костюмах одновременно выронили свое оружие. Кто-то схватился за глаза, кто-то за уши, кто-то, обхватив голову, покотился по траве, скуля, словно побитая собака. Лишь вожак стоял неподвижно, запрокинув голову к небу и обнажив горло с острым кадыком. Он все понял мгновенно, и сейчас ему уже не было дела до изуродованной кисти, на которой больше не было пальцев, до ушей, из которых двумя маленькими темными водопадами на плечи стекала кровь, до выжженных глаз, которым больше никогда не увидеть рассвета. Ему больше не было дела до жизни — потому что жизнь закончилась и пришла смерть, которую настоящий воин должен встретить достойно...

Тестомес открыл глаза и осторожно убрал ладони от ушей.

Было тихо. Внутри головы слегка гудело, будто по ней в четверть силы тюкнули деревянным молотком. Но это были мелочи по сравнению с тем, что произошло с членами гильдии Воинов Ночи.

Посреди поляны стоял Снайпер, тщательно вытирая нож черной тряпкой. Рукоять его второго ножа торчала из горла вожака боевой группы, который валялся рядом.

— Пришлось метнуть, — пояснил Снайпер, пряча нож в чехол на поясе. — Хотя и не большой я мастак в этом деле, но вынужден был рискнуть. Боец явно продвинутый, мог какую-нибудь подянку напоследок замутить.

Итан из произнесенной речи понял лишь то, что пришелец из иномирья удачно бросил один из своих ножей, прервав мучения раненого. Пояснений насчет того, что случилось с остальными Воинами

Ночи, не требовалось. Все они неподвижно лежали на траве смятыми черными кучами. Тестомес точно знал — с того момента, как он закрыл глаза, до того, как открыл, минуло не более пятнадцати ударов сердца. Получается, этот воин из иномирья перерезал всех ослепленных и оглушенных быстрее самого заправского мясника, всю жизнь отработавшего на бойне.

Пока старик удивлялся про себя и качал головой, Снайпер подошел к мертвому вожаку, слегка поклонился и выдернул нож из горла трупа.

— Ты был хорошим воином, — еле слышно прошептал он. — Удачи тебе в Краю вечной войны.

Несмотря на возраст, у Тестомеса был отличный слух.

— С чего это ты взял, что он был хорошим воином? — поинтересовался старик, подбирая свой посох.

— Я видел, как он принял свою смерть, — равнодушно отозвался Снайпер, вытирая оторванным карманом чьего-то черного одеяния широкий клинок ножа, больше похожего на короткий меч. — Этого мне более чем достаточно.

Итан подошел ближе, опираясь на посох, — голова все-таки еще немного гудела, и старика слегка пошатывало, словно припозднившегося пьяницу, возвращающегося из кабака.

Тестомес бросил взгляд на один труп, потом на второй... В своей жизни он видел много мертвецов, потому причину смерти определил безошибочно.

— Всех — точно в сердце. А главного почему в шею?

— Он сам так захотел, — буркнул Снайпер, пряча в ножны второй нож. — Иначе бы не подставил горло. Еще вопросы будут?

— Только один, — быстро произнес старик. — В наших краях магией пламени владеют только драконы, людям она недоступна. Откуда ты взял такое мощное заклинание огня?

Снайпер усмехнулся.

— Эта магия называется светозвуковая граната «Заря-2». Я парень, вообще-то, гуманный, убивать зазря не люблю, хотя и умею. Потому и таскал ее с собой. Давно таскал. Чтоб не отсырела, даже в пищевую пленку завернул. Оказалось, не зря, а то б ее твой гребаный водяной маг тоже в муляж превратил...

— Опять я ни кутруба не понял, — вздохнул Тестомес. — Ладно, потом как-нибудь на привале пояснишь, как это ты научился посреди ночи сразу две зари вызывать. А сейчас отойди, а лучше спрячься где-нибудь за деревом, чтоб в воронку раньше времени не затянуло.

Он подошел к Воротам Ветра, положил на землю посох и принялся двигать руками, будто и вправду тесто месил. На этот раз у него получилось быстрее и эффективнее, чем на привале, — вихрь поднялся сразу же. Благодаря опавшим листьям, сухим веточкам, отмершим кусочкам коры и другому лесному мусору струи ветра были вполне видимыми. Меж ладоней Тестомеса воздух гудел, закручиваясь в тугую спираль, вершина которой была направлена в самый центр Ворот.

— Ух, как оно хорошо-то работается на сытый желудок, — довольно расхохотался колдун.

Вихрь, слепленный руками старика, становился все объемнее. Ему уже явно было тесно в ладонях человека, того и гляди, затянет своего создателя внутрь, завертит, закружит и размолотит, словно кусочек плоти, попавший в мясорубку...

Но Итан не стал дожидаться, пока его детище поглотит своего создателя. Внезапно его плечи напряглись, на тощей шее вздулись синие вены... Старик медленно, с усилием отвел локти назад — и, резко выпрямив руки, метнул вихрь в сторону Ворот.

Скрученный в спираль ночной ветер словно обрадовался неожиданной свободе. Он загудел, завыл торжествующе... но его ликование было преждевременным.

Достигнув Ворот, горизонтальный смерч словно ударился о невидимую стену, растекся по ней и забился неистово, не в силах вырваться из плена древней магии.

— Быстрее! — заорал Тестомес, перекрывая криком злобный вой ветра. Подхватив с земли посох, он резво помчался вперед.

— Во чешет дед, молодой позавидует, — пробормотал Снайпер, бросаясь вслед за стариком. Стремное это дело, конечно, прыгать в центр торнадо, но если вспомнить прошлое, то и похуже бывало. К тому же сейчас точно лучше не предаваться воспоминаниям, а делать то, что опытные люди советуют.

Добежав до Ворот, Тестомес, не снижая скорости, влетел в вихрь — и пропал в нем, как исчезает пылинка в речном водовороте. Не особо приятное зрелище. Всякое было в биографии человека, вновь получившего здесь прозвище Снар, но чтобы вот так самоубиваться ни с того ни с сего... Инстинкт самосохранения решительно отказывался повиноваться безумному решению хозяина.

Но тому было виднее...

Чем ближе подбегал Снайпер к Воротам, тем сильнее ощущалась сила вихря. Человека с неодолимой силой засасывало внутрь воронки. Понятно теперь, почему старик неся с такой скоростью. При эда-

кой тяге ему-то можно было вообще не касаться ногами земли, по воздуху бы спокойно пролетел не хуже дракона, о которых рассказывал пришельцу из иномирья возле костра. Но одно дело — субтильный старикашка, и совсем другое — жилистый воин, груженный оружием и снаряжением.

Вихрь взвыл сильнее, подтягивая к себе добычу... и, похоже, слегка надорвался. Вой ветра стал заметно слабеть, да и само торнадо как-то резко поблекло, на глазах теряя звериную, первобытную мощь.

«Быстрее!» — пронеслось в голове Снайпера.

Последние метры он бежал с предельной скоростью. Но вихрь исчезал на глазах. Сквозь него уже стали видны контуры деревьев, растущих за Воротами...

И тогда Снайпер прыгнул...

* * *

Он летел. Широкие крылья мерно вздымались и опускались — чуть голову поверни и рассматривай чудо невиданное в мельчайших подробностях. Мощные, кожистые, словно на переплетения тугих мышц умелые кожемяки натянули шкуры только что забитых серых коров. Лис понимал, что это не сон, что все происходящее действительно происходит с ним, но тем не менее его не оставляло воспоминание сновидения, совсем недавно привидевшегося ему...

Но, с другой стороны, какая разница, явь это или сон? Часто ли смертному выпадает возможность полетать на настоящем драконе и увидеть мир с высоты его полета? А значит, нечего раздумывать. Просто крепко держись за усы-щупальца, сжимай колени и смотри восхищенно на заснеженные пики, проплывающие прямо под тобой, на облака, обнимающие вершины гор, на глубокие пропасти между ними, похожие на рваные раны...

Лису показалось, что они летели недолго, однако солнце уже успешно вылезти из-за горизонта и даже пройти две трети пути до полуденной точки. Но парень был слишком увлечен полетом, чтобы следить за светилом... Внезапно крылья дракона сложились с шелестом, какой издает хороший меч, влетающий в ножны, и Йаррх вместе со своим седоком камнем полетел вниз.

Разбросанные на земле острые осколки скал стремительно вырастали в размерах. Кроны деревьев, с высоты казавшиеся зелеными шариками, превращались в острова зеленой листвы, застывшие на краю необозримого лесного моря.

Лис не на шутку беспокоился — похоже, дракон решил покончить жизнь самоубийством и заодно прикончить своего наездника. Обидно оно как-то, особенно после того, как во рту образовался новый язык взамен утраченного. Но возле самой земли Йаррх расправил крылья и мягко приземлился на небольшой поляне, раскинувшейся возле границы леса и Драконьих Клыкков.

То, что путешествие окончено, было понятно без дополнительных разъяснений. Лис отпустил усы-щупальца и прыгнул со спины Йаррха.

Лететь до земли было порядочно. От удара парень не удержался на ногах. Упав на бок, Лис перекатился, гася инерцию, после чего довольно удачно встал на ноги. Удачно — это потому, что не упал от слабости, хотя очень хотелось рухнуть в высокую траву и больше не вставать никогда.

— Хороший прыжок, — одобрил дракон, расправляя слегка помятые усы. — Или ты прирожденный воин, или, отняв язык, твои сородичи подарили тебе взамен неплохие навыки. Или и то и другое вместе. Впрочем, это уже неважно, во всяком случае — для меня. Здесь наши пути расходятся. Я сполна расплатился справедливостью за твое доброе дело. Прямо за рощей ты увидишь город твоих сородичей. Но будь осторожен. Мой дар может быть опасен для того, кто воспользуется им неразумно.

Йаррх отвернулся, готовясь взлететь.

— Подожди, — остановил его Лис. — Позволь только один вопрос. Какой-то дракон вчера сжег мою деревню там, на юге, убив при этом самого близкого для меня человека. Ты не знаешь, где бы мне найти того дракона?

— Знаю, — подумав мгновение, сказал Йаррх. — Но не советую тебе его искать. Это очень сильный дракон, отомстить ему ты не сможешь. Иногда про месть лучше просто забыть.

С этими словами Йаррх взмахнул крыльями и в считанные мгновения превратился в точку на фоне восходящего солнца.

Лис смотрел ему вслед до тех пор, пока глаза не начали слезиться. Впрочем, вполне возможно, что и не от перенапряжения глаз или солнечного света были те слезы.

— Спасибо тебе, дракон, — прошептал парень, сморгнув влагу с ресниц. — Спасибо, Йаррх...

А потом он рухнул в траву и долго лежал на спине, глядя в небо.

Над ним величаво плыли облака, пролетали птицы... Какая-то травинка настойчиво щекотала щеку, а Лис все лежал и смотрел, не делая

ни малейшей попытки смахнуть помеху с лица. Ему было хорошо сейчас — впервые за последние два дня, долгих, как сама вечность.

Травинка стала настойчивее. Теперь она целенаправленно лезла в ухо, и не обращать на нее внимания стало невозможно.

Лис поморщился. Почему, когда тебе хорошо, вечно кто-то мешает. Или что-то. Хотя пора уже возвращаться к делам земным. Созерцание неба дело, конечно, хорошее, но в животе у парня урчало уже не на шутку. Самое время озаботиться поисками пищи и пристанища.

Лис досадливо отмахнулся от травинки и рывком сел.

— Ой! — пискнуло что-то сбоку. Или кто-то.

Парень обернулся. Вот, значит, как...

У длинной травинки было продолжение. За ее противоположный конец держались тоненькие пальчики, принадлежавшие чумазому существу в рваной, грязной одежде. Под сажей и копотью было сложно разглядеть черты лица этого чуда, потревожившего покой Лиса. Кутруб его знает, кто это. Кстати, может, кутруб и есть. Про них парень слышал много, даже начало рождения нечистого видел, а вот вживую взрослого демона видеть как-то не доводилось. Рука сама потянулась к ножу.

— Ой... — повторило существо и выронило травинку. Глаза незваного гостя, проследив движение Лиса, стали большими и испуганными. Нет, не кутруб. Тех, говорят, ножом не испугаешь.

— Не... бойся, — сказал Лис, с трудом ворочая языком. До этого драконья речь давалась ему не в пример легче, а вот человеческую словно заново осваивать приходится.

— Я не боюсь...

Голосок у чуда был тоненький, девчачий. Значит, перед нами дама, ага. Только где ж ее так извозюкали-то? И что она тут делает? О чем Лис и спросил, особо не церемонясь: — Ты... кто? И откуда? Почему... черная такая?

— Я Лисса, — пискнула девушка. — Из города. А черная потому, что дочь трубочиста.

— Лисса...

С речью становилось заметно лучше. Новый язык осваивался во рту, словно барсук в незнакомой норе, и ему там, похоже, нравилось.

— А я Лис.

— Лис, — прыснула девчонка, подставив под смешок ладошку. — Лис и Лисса. Смешно.

— Ага, — кивнул парень. — Обхохочешься. А чего ты тут, Лисса, делаешь?

— Ягоды собираю, — слегка насупилась девчонка. Обиделась, что ли? Никогда их, девчонок, не поймешь. То смешно им не пойми с чего, то плачут вдруг ни с того ни с сего, а уж обижаться на мужика — это самое их любимое дело. Чтоб не расслаблялся, ходил и чесал себе репу на предмет, что же он опять не так сделал.

— И как с ягодами? — спросил Лис, чтобы что-то спросить.

— Плохо, — вздохнула девчонка. — Год неурожайный. Северные ветры рано пришли, все лето из лесов выстудили. Зато у отца работы много. Когда холодно, трубочист всем нужен. А я ему помогаю. Доход хороший, можно на рынке ягоды покупать. Но там они невкусные, хоть и красивые. Бабки говорят, что фермеры нанимают магов земли, те накачивают еду всякой гадостью, а потом с той красивой еды дети измененными рождаются. Не внешне, так внутренне.

— Да-да, — сказал Лис. — Все это очень интересно. Но я был бы тебе очень признателен, если б ты отвела меня в город и подсказала, где можно поесть и поспать.

— А деньги у тебя есть? — прищурилась Лисса.

— Деньги...

В деревнях медные монеты были редкостью, а уж про серебряные да золотые люди только слышали. Видели их лишь единицы — в основном старые воины, уволенные со службы по здоровью и пришедшие в село доживать свой век. В ходу был натуральный обмен — продукты на одежду, одежду на орудия труда и так далее. Или за работу какую-нибудь платили едой и необходимым скарбом. В общем, как договоришься.

— А что, без денег никак? — немного смущенно проговорил парень. — Я работать могу.

— Да ладно? — усомнилась Лисса. — Тебя будто молотильным цепом неделю охаживали, работник. И откуда ты такой взялся?

— С неба упал, — буркнул Лис.

— Оно и видно, — кивнула девушка. — Ладно, пошли. Ты тощий, но жилистый. Может, отец возьмет тебя в помощники. Скоро зима, работы будет невпроворот.

— Пошли, — вздохнул парень.

После головокружительных приключений тихо и буднично лазить по закопченным трубам как-то не хотелось, но пока что других вариантов не было. Как говорится, берите что дают и скажите спасибо. С другой стороны, если выбирать между печными трубами, голодной смертью в лесу и виселицей, то первое намного предпочтительнее.

Как и говорил Йаррх, город открылся сразу за рощей. Он лежал в долине, похожей на старый вдавленный шрам. Этакая огромная вмятина в земле, центром которой являлся город.

— Странно, — заметил Лис. — Я слышал, что обычно города строят на холмах.

Лисса усмехнулась.

— Это Вичтан, город ведьм, — сказала она. — В старину его построили женщины-маги в центре наиболее активного излучения магической силы. Многие из них умерли от страшных болезней, пресытившись невидимой мощью, бьющей из самой земли. Но выжившие стали самыми могущественными магами на многие полеты стрелы вокруг. Правда, со временем сила этого места пошла на убыль, и однажды ночью в город пришли Чистильщики Веры. Они связали всех женщин-магов и утром именем Высших сожгли их на главной площади.

— И что, неужели никто не заступился? — искренне удивился Лис. Девушка вздохнула.

— Сразу видно, что ты приложился головой, когда падал с неба. Каждый знает, что многие Чистильщики сами колдуны, причем очень могущественные. Говорят, Посвященные разрешили им применение любой магии. Они связали тех женщин невидимыми путами, бросили в большой костер и не отпускали до тех пор, пока от них не остались лишь обгорелые скелеты.

Лис невольно поежился. У него в голове не укладывалось, как можно обидеть женщину, а уж тем более предать ее такой страшной смерти.

Идти было легко — склон гигантской воронки был пологим. Ветры времени нанесли сюда много земли и песка, но порой из-под толстого слоя почвы высовывался отдельный камень, будто оплавленный огнем невиданной мощи. Действительно, уж не вонзилась ли сюда в древности одна из огненных стрел, о которых говорится в Старой Легенде? Уж больно эта воронка напоминает формой застарелый шрам на теле от попадания арбалетного болта...

За размышлениями да беседами ни о чем с говорливой дочерью трубочиста время прошло незаметно. Солнце уже клонилось к вечеру, когда парень с девушкой подошли к городским воротам.

Пожилой стражник, стоящий возле подъемного моста, окинул Лиса хмурым взглядом. Алебарда в его руке угрожающе качнулась вперед.

— Что это за оборванец с тобой, Лисса? — спросил он, недружелюбно нахмутив седые брови.

Лису это не понравилось. Конечно, после путешествия по горам, заросшим колючим кустарником, его одежда выглядела не лучшим образом, но это еще не повод с ходу хамить. Парень уже хотел было ответить достойно, но Лисса его опередила.

— Это мой друг, я с ним на прошлогодней общегородской ярмарке познакомилась, — не моргнув глазом, соврала девчонка. — Он еще вчера прислал летучую мышшь с запиской, вот я и пошла, чтобы его встретить.

— А чего он такой ободранный? — не унимался стражник. — Вон кровь засохшая на рукавах.

— Это у него... — начала было Лисса, но стражник поднял ладонь в мятой латной перчатке.

— Погоди, девчонка. Пусть он сам расскажет, а я послушаю.

— В горном лесу волки напали, еле отбился, — хмуро бросил Лис.

— Покажи нож, — приказал стражник.

Парень вытащил из-за пояса свое оружие и протянул.

— Дядька Георг, ну отпусти ты его, — захныкала Лисса. — Он голодный, уставший...

Но стражник ее не слушал. Вытащив нож из войлочного чехла, внимательно осмотрел клинок, потом понюхал ножны. Задумчиво шевеля усами, осторожно вложил клинок обратно.

— Странно, но ты, похоже, не врешь, — наконец произнес он, возвращая оружие парню. — Если бы мне кто сказал, что я когда-либо увижу простолюдина, сумевшего отбиться ножом от горных волков, я б такого рассказчика счел бессовестным лжецом. Но я знаю, как пахнет свернувшаяся кровь Хозяина Ночи. Ты, парень, или великий воин, или редкостный везунчик. А как ты в горах-то оказался?

— Он мне все рассказал по пути, ночью с дороги сбился, — встряла Лисса. — Ну пропусти нас, дядька Георг, отец уж, небось, заждался.

— Ладно, кутруб с вами, проходите, — сплюнул стражник на потемневшие от времени доски подъемного моста. — И побыстрее, пока я не передумал...

Город ничем особенным Лиса не поразил. Такие же, как в Стоунхенде, узкие улочки между домами, сложенными из дикого камня. Такая же грязь под ногами, такие же люди — бедно одетые, недружелюбные, с злыми и одновременно усталыми глазами. Старые, согнутые годами тяжкого труда, и молодые, сутулящиеся под грузом каждодневных забот... В деревне, конечно, народ тоже был не пода-

рок, но, похоже, жизнь на свежем воздухе все-таки гнет людей куда меньше, чем существование за каменными стенами и высокой городской стеной.

Улицы большого города напоминали хитро запутанный лабиринт без намека на выход, но Лисса уверенно вела своего спутника через хитросплетения узких улочек. Постепенно приземистые каменные дома сменились деревянными, высотой лишь немного превосходящими рост человека. Грязь, в которой ноги утопали по щиколотку, стала намного более густой и вонючей. Тощая свинья, нежившаяся в обширной луже, повернула голову в сторону парня с девушкой и недовольно хрюкнула. Похоже, они пришли в район для бедняков.

— Нам сюда, — ткнула Лисса в одну из наиболее убогих сараюшек, которую язык не поворачивался назвать домом. По сравнению с этой конурой сгоревший дом дядька Стаффа был усадьбой зажиточного дворянина.

— Да уж... Тесновато у вас тут, в городе, — дипломатично сказал Лис.

— В тесноте, да не в обиде, — улыбнулась девчонка, показав ровные, красивые зубы. Пожалуй, если ее умыть, глядишь, и симпатичной окажется. Да только удастся ли отстирать до белизны эдакое чудо? Небось, с малолетства по трубам лазают, сажа до костей въелась...

Хозяин дома сидел на табуретке возле приземистого стола и чинил старую, поношенную куртку. Огарок свечи, доживающий последние часы в глиняном подсвечнике, был неважным подспорьем в работе, и тощий трубочист подслеповато щурился, тыкая иголкой в наполовину пришитую заплатку.

— Папа, зачем, я бы сама пришила! — с порога воскликнула Лисса.

— Да уж, дожدهшься тебя, — недовольно проворчал хозяин дома. — А это что за чучело с тобой?

Лис набычился, развернулся было, собираясь уйти, но девушка придержала его за рукав, шепнув:

— Подожди. Он хороший, просто грубый немного.

После чего повернулась к отцу, все еще держа парня за рукав, словно боялась, что тот вырвется и убежит.

— Папа, его зовут Лис. Он хочет стать настоящим трубочистом. Ты же всегда мечтал о сыне, чтоб было кому передать свое искусство.

— Искусство я тебе передал, и сынки названные мне без надобности, — буркнул отец девушки. — А вот лишний работник не помешает, заказов сейчас много. Ишь ты, с ножом за поясом, куда деваться... Раньше трубы-камины-дымоходы чистить приходилось?

Лис покачал головой.

— Понятно, — вздохнул трубочист. — Ладно, Лисса тебя ремеслу научит, расскажет, что к чему. Пока походишь в подмастерьях. Работать будешь за еду, и одежду тебе завтра выдам попримичнее, чем твои обноски. Как научишься всему — долю выделю. Небольшую, но на черный день отложить что-то сможешь. Согласен?

Лис пожал плечами.

— Согласен.

— Вот и ладно, — кивнул трубочист. — Звать тебя как?

— Лис.

— Занятно.

Впервые за все время на лице угрюмого папаши Лиссы появилось некое подобие улыбки.

— Лис и Лисса... Хотя нет, пока что Лисса и ты при ней. Запомнил?

— Ага, — сказал Лис.

Признаться, ворчливый и не слишком вежливый трубочист начал ему надоедать. Но когда тебя нанимают на работу, лучше до поры до времени гонор не показывать, а делать вид, что со всем согласен и очень доволен происходящим.

— Ну и ладно, — сказал работодатель, вновь принимаясь за шитье. — Только ты это, ножик свой здесь оставь. Нечего по дому с эдаким тесаком расхаживать, здесь тебя никто не обидит.

Жалко было Лису расставаться с трофеем, но делать нечего. Парень вытащил нож из-за пояса вместе с ножнами и положил на стол.

— Вот и ладно, — не поднимая глаз от шитья, произнес трубочист. — Лисса, покажи ему комнату на втором этаже. Да, твой ужин, дочка, вам придется разделить на двоих, больше в доме ничего нету.

— Не беда, папа, — неизвестно чему обрадовалась девчонка и тут же дернула Лиса за рукав. — Ну, чего встал, пошли, покажу тебе твои апартаменты.

...«Апартаменты» представляли собой покосившуюся дощатую надстройку на крыше халупы трубочиста, размерами чуть больше собачьей будки.

— Знатные покои, — хмыкнул парень.

— Все лучше, чем под дождем мокнуть и от ветра по ночам трястись, — резонно заметила Лисса, забираясь внутрь. — Лезь сюда, чего встал.

Лис серьезно сомневался, что это недоразумение, которое трубочист громко назвал «вторым этажом», сможет защитить от непогоды, но выбирать не приходилось. Поэтому, вздохнув и помянув недобрым

словом Высших, бросивших его в новый водоворот испытаний, Лис полез через узкий вход следом за девушкой.

Внутри каморка на крыше ожидаемо оказалась тесной, изрядно пропахшей сыростью и прелой соломой. На одной из стен были развешены инструменты, необходимые трубочисту в работе: моток проволоки, кувалда, два совка, несколько видов щеток и величиной с два кулака круглая гиля на веревке, предназначенная для пробития сильно засорившихся дымоходов. Помимо этого в каморке имелся старый матрац в углу, ящик на полу, заменяющий стол, ящик поменьше вместо стула — вот и вся обстановка. Впрочем, Лиссу все это нисколько не смущало. Пока Лис переминался с ноги на ногу у входа, она успела разложить на ящичке нехитрый ужин — два толстых ломтя хлеба, луковицу и четыре крохотных копченых рыбешки. Пузатая фляга, сильно помятая с одной стороны, стояла в центре «стола».

— Что празднуем? — поинтересовался Лис, присаживаясь напротив девушки.

— Твое новоселье, — усмехнулась Лисса. — Хотя не обольщайся, во фляге вода. На вино мы пока не заработали...

Две рыбешки, половина луковицы и кусок хлеба не утолили волчий голод парня, но все-таки притупили его, причем настолько, что Лиса неудержимо потянуло в сон. Но прежде чем рухнуть на матрац, он все-таки поинтересовался:

— Скажи, зачем ты нашла меня и привела сюда? Ведь ты специально искала меня в предгорьях, верно?

Лицо девушки стало серьезным.

— Ты прав, все неслучайно, — произнесла она. — Моя бабушка видела вещие сны, в которых она проникала за границу миров и всего сущего, недоступную для простых людей. Ее дар передался внучке, как и положено, через поколение. Легендарный Йаррх вчера явился ко мне во сне и сказал, что принесет в мир своего брата по крови, которого я должна отвести к людям. Правда, я не уверена, что ты и есть побратим дракона, — слишком уж ты похож на самого обычного парня. Но, кроме тебя, больше никого не было на той поляне, что привиделась мне во сне, так что я привела к людям тебя. Видишь, как все просто.

— Действительно, просто, — задумчиво протянул Лис. И осторожно поинтересовался: — А ты разве не видела самого Йаррха там, в горах?

Девушка покачала головой:

— Говорят, что когда дракон не хочет, чтобы его видели, он умеет отводить глаза и превращать свое дыхание в тучи, где и скрывается от лишних глаз. Правда, при этом он теряет силы, потому и пользуется своим даром нечасто.

— Ты много знаешь о них, — заметил Лис.

— Моя бабушка была жрицей Храма Дракона, — просто сказала девушка. — Но потом пришли Чистильщики Веры и назвали поклонение драконам величайшим злом. Они хладнокровно убили бабушку и других прислужников, разрушили храм, а на месте руин построили еще один Дом Высших. Добро всегда побеждает зло.

Парень не нашелся что ответить, лишь хрустнул кулаками. Лиса всегда удивляла людская жестокость, но с некоторых пор она стала его бесить. Бесить до того, что ему хотелось убивать тех, кто разрушает храмы и расстреливает слабых. Причем убивать жестоко и беспощадно.

— Лисса, — раздался снизу крик трубочиста, приглушенный полом. — Я, конечно, не против, чтобы ты общалась с моим неожиданным сыночком, но учти, я пока не готов становиться дедушкой. Поэтому марш вниз!

— Уже бегу! — пискнула Лисса, метнувшись из будки со скоростью стрелы, выпущенной из лука.

— И тебе спокойной ночи, — сказал Лис вслед девушке, падая на соломенный матрац. Конечно, спасибо трубочисту за еду и крышу над головой, но насчет внуков это он точно загнул. Девчонки с лицом цвета печной сажи Лиса никогда не привлекали. Впрочем, до этого ему такие и не попадались. Но если бы попались, уж точно не понравились...

Мысли путались, словно сети, в которые попала слишком большая щука. Через несколько мгновений парень перестал пытаться разобраться в них — и тут же провалился в глубокий омут без конца, начала, проблем, погонь... и снов, в которых не нуждается тот, чья жизнь и без того переполнена невероятными событиями.

* * *

Это было похоже на ночной прыжок с парашютом, на финише внезапно превратившийся в дневной. Только что ты плавно летел куда-то вниз, обозревая незнакомые созвездия, словно кучки бриллиантов, рассыпанные на черном сукне. И вдруг внезапно ночное небо куда-то пропадает, по глазам бьет резкий солнечный свет, и ты видишь под собой стремительно приближающуюся землю.

Чисто рефлекторно Снайпер спружинил коленями и, гася инерцию, завалился на бок, стараясь при этом не повредить винтовку. Старые навыкигодились, приземление прошло успешно. Судя по тому, что справа забористо матерился Тестомес, и со спутником все в порядке.

— Твою мать! — от души ругался Итан. — Что за козлы Ворота разломали! Нет, ну какой скотине это понадобилось, скажи на милость? Мы ж из-за них чуть не убились к кутрубовой матери!

Действительно, неподалеку от места приземления стояли два пенька, почерневшие от копоти. Похоже, неведомые «козлы» срубили топорами ворота и пустили их на дрова. Судя по тому, что рассказывал Тестомес о неубиваемости Ворот Ветра, неведомые «козлы» обладали недюжинной силой.

В целом поляна, на которую перенеслись Снайпер с Тестомесом, очень напоминала стартовую, только была изрядно загажена, словно на ней пару дней ночевала группа туристов. Почерневшие кости, огрызки, дырявый сапог, прочий мусор, живописно разбросанный по траве. И очень знакомый сладковатый запах вокруг, от которого руки сами непроизвольно напрягаются и тянутся к оружию.

— Ничего святого у людей, — ворчал старик, потирая ушибленный бок. — Уж если Ворота Ветра начали рубить на растопку, то, думается мне, и до конца света недалеко. Старая Легенда...

— Тихо! — резко вскинул руку Снайпер.

Тестомес подавился продолжением фразы и вместо того, чтобы замолчать, вдруг принялся надсадно кашлять.

— Вот черт! — ругнулся Снайпер, хватаясь за рукояти обоих ножей одновременно...

— Ты ножики-то свои, милоч, отпусти, — раздался из-за кустов спокойный голос. — Не помогут они тебе.

Из-за кустов, окружавших поляну, вышло несколько крепких мужиков, одетых в грубой выделки кожаные куртки и штаны из того же материала. На ногах — сапоги с щегольски примятыми вниз голенищами, поскрипывающие при каждом шаге. У большинства в руках короткие копыя, занесенные для броска, а у одного, самого плечистого (не иначе, вожака — обладателя обволакивающего голоса), взведенный арбалет, направленный прямо в живот Снайпера. И черная густая борода под тем арбалетом чуть не до пупа. И глаза над тетивой добрые-добрые, какие бывают лишь у убийц-маньяков, получающих удовольствие от процесса умерщвления себе подобных. Не человек, а гора мяса, созданного для убийства.

Снайпер перечить не стал. Ножи отпустил и встал расслабленно, глядя прямо перед собой расфокусированным зрением. Конечно, резкость объектов при таком способе наблюдения падает, зато видишь всех противников, которые стоят перед тобой. Плохо только одно — что на затылке глаз нету. Ибо, судя по шелесту ветвей за спиной и поскрипыванию кожаных сапог, сзади тоже враги. Значит, ждали добычу.

Сразу стало многое ясно, даже без пояснений Тестомеса, которого гнуло не по-детски — старик все еще никак не мог откашляться. Ребятки в кожанках, похоже, не первый день здесь промышляют. Разломали ворота, отчего конечная точка перехода сместилась кверху, и теперь поджидают, что хорошего к ним с неба свалится. Здесь же живут, в лесу, тут же добычу потрошат. Отсюда и сладковато-тошнотворный запах гниющей крови, в изобилии пролитой день или два назад. Похоже, не в правилах доброго арбалетчика и его команды было дарить своим жертвам легкую смерть.

— Стой спокойно, милоч, — сказал предводитель шайки лесных разбойников. — Тогда, может, поживешь еще. Колесо, свяжи-ка ему руки. А ты, Оглобля, дедушке помоги. Видишь, плохо ему, мается бедный.

Неприятно оскалив лошадиные зубы, здоровенный парень шагнул к Тестомесу, на ходу пальцами левой руки разминая правый кулак, больше похожий на кувалду. Такому громиле и оружия не надо — даст деду разок по затылку, тому больше и не понадобится, чтобы без хлопот перейти в Край вечной войны, или как он здесь называется...

Скрип за спиной стал отчетливее. Рукава камуфляжа коснулись чьи-то цепкие пальцы.

Пора...

Пришелец из иномирья совершил резкий поворот на каблуках, совмещенный с движением влево и назад. Тот, кто стоял позади Снайпера с веревкой наготове, разинул рот, осознавая, что жертва только что непостижимым образом сама оказалась у него за спиной...

Сухо щелкнула тетива, разъяренным шмелем прогудел в воздухе болт. У доброго арбалетчика была хорошая реакция — стальное жало болта успело рвануть край камуфляжа Снайпера, прежде чем пробило толстую кожаную куртку и вонзилось в грудь любителя подкрадываться сзади.

Мгновением позже туда же воткнулись одновременно четыре копья — увидев размытое от скорости непонятное движение, метатели отреагировали соответственно. Под весом древков мертвое тело их

товарища неуклюже завалилось вперед и, не достигнув земли, повисло на копьях.

Но Снайпера уже не было за живым щитом, так быстро ставшим мертвым. В бою с несколькими противниками важно двигаться очень быстро, не давая себя окружить и стараясь, чтобы враги мешали друг другу.

Он и двигался, пользуясь тем, что у его врагов преимущественно были копья — хоть и короткие, но неудобные в ближнем бою, если противник незнаком с навыками штыкового боя. Парни в кожанках умели только метать и колоть без изысков, снизу вверх, за что сразу и поплатились.

Скользнув к ближайшему противнику, Снайпер на ходу выдернул из ножен свои боевые ножи — «Бритву», клинок которой после перехода между мирами потерял свою лазурную синеву*, и «Сталкер», обоюдоострый кинжал, формой напоминающий короткий римский меч-гладиус.

Противник не растерялся. Он знал точно — опытный воин и метальным копьем пропорет насквозь что рысь, прыгнувшую с дерева, что безумца, бросающегося на древковое оружие с двумя ножами. Отработанный до автоматизма один-единственный удар копьем — лучшее оружие.

Но безумец оказался на диво проворным.

Широкий клинок «Сталкера» метнулся навстречу жалю копья и ловко отвел его в сторону. Нацеленное в горло врага острие пропороло воздух, а копейщику вдруг нестерпимо захотелось кашлянуть. Что он и сделал...

Кашля не получилось. Вместо этого из-под подбородка вырвался фонтан крови. Парень попытался закричать, но вместо крика раздалось лишь шипение и бульканье. Копейщик выронил оружие и схватился за горло, рассеченное ударом ножа от уха до уха. Но его ладони уже не могли остановить ни кровь, хлещущую из глубокого разреза, ни жизнь, стремительно покидающую тело.

На самом деле не такое уж трудное дело биться с толпой растерянных людей, при этом мешающих друг другу. Увидев, как легко жилистый мужик в странной одежде разделался с их товарищем, у кожаных возник вполне закономерный ступор. Как же так? Их больше

* Откуда у «Бритвы» взялось лазурное сияние и каковы его свойства, можно прочитать в предыдущих романах цикла «Снайпер» (хронологию см. в начале книги).

десятка, все вооружены, а этот пятнистый не только их не боится, но еще и сам атакует быстро, хладнокровно и на редкость эффективно. Значит, он или колдун, владеющий каким-то неизвестным видом магии, или демон, вселившийся в человеческое тело, чтобы ходить по земле и собирать заблудшие души.

Пока опешившие кожаные довольно бестолково пытались проткнуть его копьями, Снайпер, используя в полной мере эффект неожиданности, успел воткнуть «Сталкер» в глаз еще одного копейщика и рубануть «Бритвой», словно топором, по запястью второго — так, что кисть на две трети отделилась от руки. В результате получилось много крови и воплей, что добавило смятения в ряды атакующих.

Четверо кожаных, те, что в самом начале лишились копий, бросив их в живой щит, развернулись и бросились наутек. Не иначе, решили — если этот мастер ножевого боя так копейщиков уделывает, то нам уж точно ловить нечего.

Однако убежать им не удалось.

Сухо щелкнула тетива. Один из беглецов споткнулся и с размаху упал носом в траву. Меж его лопаток торчало короткое древко арбалетного болта.

— Стоять, сучьи дети!!! Перестреляю, как курят!

Глаза бородача с арбалетом больше не были добрыми. Сейчас налитое кровью лицо вожака разбойничьей шайки могло нагнать ужас на кого угодно. Горящие яростью глаза, перекошенный рот, пена на губах. Жуть, да и только.

— Стоять!!! Он один, а вас много!

Аргумент, козырной во все времена. Мол, мы ребята лихие, семеро одного не боимся.

— Все ко мне! — между тем орал бородач, не забывая граблеобразными ручищами натягивать тетиву арбалета. — Берем его в кольцо!

Грамотная команда. Для тех, кто точно уверен в своем превосходстве. Рев вожака придавал кожаным нахальства, а меткий выстрел вернул на поле боя убегающую треть отряда. Незадачливые копыеносцы решили, что все же лучше еще раз попробовать кучей уделать ловкого ножевика, чем гарантированно словить спиной второй болт. Ведь когда стальная стрелка уже лежит в ложе арбалета, всегда кажется, что прилетит она в затылок именно тебе, а не соседу, бегущему рядом.

Повинуясь реву бородача, кожаные довольно ловко рассредоточились полукругом. Те, кто остался без копий, достали из-за пазух кистени либо небольшие топоры из-за поясов. Раненого, стоящего на коленях и баюкающего практически отрубленную руку, кто-то из

товарищей, мимоходом раскрутив кистень, долбанул в висок круглой гирькой. Череп хрустнул, словно раздавленный орех, и труп без звука рухнул на землю.

Для Снайпера ситуация принимала не особенно веселый оборот. Эффект неожиданности сошел на нет, бородатый все же сумел вернуть контроль над своей бандой. Наученные горьким опытом, кожаные теперь избегали прямого контакта, обходя жертву, словно стая волков, загнавших лося в ловушку. Можно было бы отступить в лес, где шансы на выживание стремительно увеличивались. Но за спиной все еще заходилась в кашле Тестомес, а бросать попутчиков на растерзание вражеской силе шло вразрез с личным моральным законом Снайпера.

Оставалось только одно — играть ва-банк.

Снайпер спокойно обтер окровавленный «Сталкер» об рукав и спрятал нож в кожаный чехол. «Бритва» в этом не нуждалась, на идеально гладкой поверхности клинка не задерживалось ничего, даже пылинки, казалось, соскальзывали вниз с неизвестного науке металла. Тихо щелкнули пластиковые ножны с выдавленной на них загадочной надписью «SSCH», принимая уникальное оружие.

Зачехлив ножи, Снайпер аккуратно отстегнул их, положил на землю, после чего развел руки в стороны и улыбнулся.

— Ну что, борода? — громко сказал он. — Не надоело прятаться за спинами своих парней? Как насчет того, чтоб побиться, как мужчина с мужчиной, один на один? Хочешь — с оружием, хочешь — без.

Смыкающийся круг притормозил слегка. Головы кожаных повернулись в сторону своего вожака, ожидая его слова.

И оно прозвучало.

— Да пошел ты, — спокойно сказал бородач, нажимая на спуск.

Признаться, меньше всего ожидал Снайпер такого исхода событий. Очень уж он надеялся, что здоровяк, шириной плеч превосходящий противника вдвое, примет предложение...

Не принял. И в общем, правильно сделал, Снайпер на его месте поступил бы так же. Все эти игры в благородство с врагами чреватые для здоровья, тем более — с хорошо подготовленными врагами. Плохо только, что чернобородому это было известно. А еще плохо, что невозможно с десяти шагов уклониться от арбалетного болта, выпущенного опытной рукой.

Все, что Снайпер смог сделать, это резко повернуться влево, надеясь пропустить болт мимо себя.

Не получилось...

Стальная стрелка тупо ударила в грудь слева — бородач хорошо знал свое дело. Не знал он лишь одного: как раз сюда, в сердце Снайпера, уже стреляли однажды. И попали, намертво вбив в тело человека эмблему из броневой стали. Эту фигурку с распростертыми крыльями и значком радиации в лапках многие годы терпеливо вытаскивал из бронепластины вечно живущий бродяга, наконец нашедший приют возле старой покосившейся башни. Вытаскивал для того, чтобы подарить ее другому скитальцу, бродящему между мирами в поисках самого себя*, — возможно, для того, чтобы стальная летучая мышь дважды подарила жизнь своему хозяину.

Болт разодрал камуфляж и ткнулся в сталь, отбросив Снайпера к ближайшему дереву. Если бы тяжелая стрела вошла перпендикулярно телу, ничто не спасло бы от смерти пришельца из другого мира. Но поворот тела, совершенный вовремя, сыграл свою роль. Болт скользнул по броне, глубоко пропорол кожу над ребрами и застрял в теле. Рана незначительная, но разодранный камуфляж мгновенно окрасился кровью.

— Готов, — равнодушно сказал бородач, опуская арбалет. — Ну что, старый хрыч, долго еще перхать будешь? Достал уже.

...Страшный удар на несколько мгновений перебил дыхание. Снайпер больно ударился спиной об дерево и упал, не удержавшись на ногах...

«Готов», — донеслось до его ушей. Ладно. Если считают мертвым, так даже лучше. Теперь осторожный вдох... Больно, черт, но боль внешняя, от стрелы, застрявшей в шкуре, и от сильного удара по организму. А в целом состояние нормальное. Гасящих сознание внутренних уколов на вдохе от сломанных ребер не чувствуется — значит, еще повоюем...

Тестомес словно по команде кашлять перестал.

— Так я это, я ж всегда... — начал он... И осекся. Глаза старика стали круглыми, грозя вывалиться из орбит, словно игрушечные стеклянные шарики.

Кожаные невольно повернули головы в ту сторону, куда смотрел старик... Невольный вздох изумления пронесся меж тертыми жизнью душегубами, которым не раз приходилось убивать себе подобных. Потому что не может человек выжить после выстрела в упор из арбалета, даже если он носит кольчугу под пятнистыми обноска-

* Подробно об этом событии можно прочитать в романе Д. Силлова «Кремль 2222. Север».

ми. Но кольчуги не было, все видели — болт ударил прямо в сердце, и кровь сразу же пропитала одежду! Тем не менее сейчас с земли поднимался труп, медленно вытаскивая из себя окровавленную стрелу...

— Магия земли! — выдохнул один из кожаных, роняя на землю копые. — Черное колдовство Неупокоенных!

— Это упырь! — бледнея лицом, подхватил его сосед. — Его нельзя убить! Бежим!!!

В мгновение ока сплоченный отряд разбежался кто куда, только задники сапог засверкали. Бородач же замешкался, похоже, не особо веря в народные поверья. Ухватил лапищей тетиву, рванул на себя, привычной рукой выдернул болт из кошеля на поясе, вложил в желоб... А вот нажать на спуск не успел.

Зажав в кулаке окровавленную стрелку, Снайпер неся к арбалетику огромными прыжками. Холодная ярость утроила силы. Умного врага нужно уметь ненавидеть, чтобы разделаться с ним без колебаний. Уважать его можно потом, когда он остынет и превратится в воспоминание.

Пятка болта, лишенная оперения, плотно уперлась в основание ладони Снайпера. Наружу торчало лишь стальное жало, словно змея из норы, высунувшись между средним и безымянным пальцем кулака. Подбежав, пришелец из иномирья левой ладонью отбил в сторону арбалет и изо всех сил всадил болт в грудь бородача.

Удар отозвался резкой болью в ладони. Оно и понятно, «финский хват» хорош для ножа без гарды, а не для стрелы, которая немногим толще авторучки. Но иначе измазанный собственной кровью болт не удержать и толстую кожанку не пробить так, чтобы сталь гарантированно достала до сердца.

— Долг уплачен, — сказал Снайпер на своем родном языке, глядя, как гаснет жизнь в глазах бородача.

— Ошибаешься, — криво ухмыльнувшись, сказал по-русски умирающий. — С тебя спросят за меня. По полной спросят...

И рухнул на землю.

* * *

Он проснулся оттого, что где-то внизу тихонько скрипнула дверь. Казалось бы, ерунда, мало ли отчего скрипят по ночам дверные петли. Может, Лиссе или ее папаше до ветру захотелось. Удобства во дворе, другого пока не придумали. Приспичит — хочешь не хочешь, а наружу из дома выскочишь...

Но нет... Эта дверь скрипела по-другому, так, словно тот, кто ее открывал, не хотел производить лишнего шума.

«Грабители, — спросонья решил Лис. — Или ночные воры».

Рука парня метнулась к поясу...

Ножа не было! Ну да, трубочист сказал оставить его внизу. Вот незадача!

Взгляд парня заметался, ища что-то похожее на оружие. Пожалуй, это сойдет.

Он протянул руку и осторожно снял со стены свернутый в несколько раз ремень с тяжелой гирькой на конце, инструмент трубочиста для пробивки засорившихся дымоходов. И замер, прислушиваясь.

Странно, но сейчас он отчетливо слышал малейшие звуки, доносящиеся снизу. Казалось бы, нереально разобрать через потолочные перекрытия легчайшее поскрипывание половиц, прерывистое дыхание нескольких человек, шорох их одежды, еле уловимый шелест клинков, покидающих ножны... Но Лис слышал все это, словно дикий зверь, которого спугнули с лежки не очень осторожные охотники. А еще он разобрал мерное дыхание спящей Лиссы и подбострастный шепот ее отца:

— Как только он заснул, я сразу же пошел за вами, господин начальник ночного патруля. Этот тип сразу показался мне подозрительным.

— Этим вечером из Стоунхенда прискакал гонец, — прошептал второй голос, грубый, как столярный рашпиль. — У них сбежало двое висельников и какой-то преступник в странной одежде. Если твой парень один из них, то ты получишь награду за донос. Где он?

— На втором этаже, ваша милость.

Послышался скрип деревянных ступеней. Ближе, еще ближе...

«Сдал, сволочь», — с тоской подумал Лис, искренне жалея, что проспал тот момент, когда старик выходил из дома. Может, он в окно вылез, чтоб лишнего шума не производить?

«И нож забрал, наверняка не случайно. Чтоб ему в трубе застрять, хрычу старому».

Шаги на крыше... Все ближе к домику... А, была не была!

В тесной каморке было особо не развернуться, но Лис все-таки ухитрился раскрутить ремень с гирькой в тихо гудящий круг и, как только широкая тень загородила выход, метнуть свое нехитрое оружие наобум, не целясь, куда попадет...

Снаружи раздался слабый писк, словно столярный рашпиль прошелся по гвоздю. Потом что-то тяжелое упало на доски, звякнув металлом, и ночь взвыла тонким бабьим голосом:

— Кху... кутрубов сын... прямо по яйцам...

— Ваша милость!

По крыше забегали множество ног.

— Ваша милость!!!

— Взять... взять его...

— Ваша милость, что с вами?!!

Ответа Лис не услышал. Воспользовавшись суматохой, он выскользнул из каморки и помчался со всех ног... аж до самого края крыши.

Раздумывать было некогда. Преследователи, поняв, что яйцам его милости прямо на месте ничем не помочь, бросились выполнять приказ, озвученный враз растерявшим стальную грубость голосом начальства, пострадавшего на службе.

А Лис, не останавливаясь, прыгнул в темноту, уверенный, что вот прямо сейчас рухнет на землю и переломает ноги. Но в последний момент Старшая Сестра выглянула из-за туч, и парень увидел стремительно приближающуюся снизу плоскую крышу соседнего здания.

Тело все сделало само, без участия хозяина. Как только пятки Лиса коснулись дощатой крыши, покрытой сухой древесной корой, это самое тело свернулось клубком, и парень эдаким ежом прокатился вперед, ничего себе не сломав и даже не ушибившись особо. Дивясь своим новым способностям, Лис вскочил на ноги и побежал дальше, ловко прыгая с крыши на крышу, благо дома стояли чуть не впритык друг к другу.

Хорошее дело бежать, зная куда. Не зная — гораздо хуже. Ближе к центру города дома становились все выше, а улицы все шире. Погоня отстала, но там, позади, слышался шум, похожий на тихий, угрожающий рокот реки в половодье.

Обернувшись, Лис увидел отблески огня — не иначе, преследователи быстро организовали массовую травлю беглеца с привлечением местных жителей. Желая получить награду, упущенную трубочистом, многие любители легкой наживы быстро покинули теплые постели, спросонья путаясь в одежде, зажгли факелы и пустились в погоню.

Лис слегка запаниковал. Одинаковые, словно детские кубики, дома бедноты остались за спиной. Впереди маячили строения с более покатыми, вычурными крышами, по которым вряд ли побегаешь вприпрыжку. Но прыгать вниз на землю было уже высоко, да и бессмысленно — город окружен стеной, выбраться из него нереально, спуститься на улицу — верная гибель...

В общем, Лис предпочел не раздумывать особенно, а следовать дальше путем, который помог ему оторваться от погони. А дальше —

будь что будет. Разбежался, оттолкнулся, пролетел над улицей, привычно сгруппировался...

Но на этот раз удача повернулась к парню филейной частью. Едва ноги Лиса коснулись богатой черепицы, заботливо освещенной Старшей Сестрой, как крыша... исчезла под ногами парня, и он полетел вниз, бестолково хватаясь руками за воздух.

Падение было болезненным. Будь Лис потяжелее, наверняка б сломал себе что-нибудь, грохнувшись спиной об пол. А так нет, только множество звезд закружились перед глазами в веселом хороводе.

«Значит, еще и затылком приложился», — подумал парень, многоопытный в вопросах получения звездюлей и падений с высоты, особенно в последнее время. Думать о том, куда делась крыша и куда он, собственно, провалился, было больно и, в общем-то, ни к чему. Провалился — значит, судьба. Резко встать сейчас и бежать куда-то не получится, скорее всего, затошнит и тело вообще откажется слушаться. Стало быть, пока лежим и пытаемся понять, куда это нас занесло.

— Очередной ночной вор, — вздохнул кто-то неподалеку. — На этот раз — через крышу. Я проиграл, многоуважаемый Фрог, вот ваши два бриллианта.

— Вообще-то, дорогой Арг, это метеоритные минералы с алмазным блеском, которых можно прорву накопать в Долине Небесного камня, было бы желание и хорошее заклинание наготове от кутрубов и Неупокоенных, — недовольно проворчал надтреснутый старческий голос.

— Ошибаетесь, отец, — хмыкнул первый. — Это искусственные камни еще довоенных времен, без царапин и следов магических улучшений. Сидор-лавочник дает тридцать полновесных золотых монет за каждый такой камень.

— Ладно, уговорил, — проскрипел въедливый тип со странным именем Фрог. — Надеюсь, сынок, следующий вор полезет через окно и к тебе вернется твой проигрыш.

— Вряд ли, — уныло отозвался обладатель еще более странного имени. — С вашей интуицией мне тягаться бесполезно. Пожалуй, я не буду больше заключать с вами пари, иначе рискую спустить все свое состояние до следующего Однолуния.

— Верное решение, — одобрил Фрог. — А теперь сходи, посмотри, что там с нашим ночным гостем. Если сломал себе шею, быстрее наполни кубки, пока кровь теплая. От холодной у меня клыки сводит — возраст, ничего не попишешь.

На лицо Лиса упала тень.

— Да нет, похоже, воришка отделался легкими ушибами, — констатировал Арг.

— Вот и хорошо, — отозвался Фрог. — Отнеси его в подвал, подвесь за ноги, сделай надрезы за ушами и подставь под головой новую бадью, ту, что сделал бондарь из дубовых досок на прошлой неделе. Сколько можно пить сушеную бычью кровь, разбавленную водой? Наконец-то этой ночью у нас будет знатная пирушка.

Озвученная перспектива ближайшего будущего Лиса абсолютно не вдохновила. Ударенный организм требовал покоя и холодного компресса на затылок, но инстинкт самосохранения оказался сильнее. Парень долбанул ногой вверх и, судорожно извиваясь, попытался отползти в сторону. После падения звезды перед глазами слегка потускнели, но Лис пока еще ничего не видел, кроме смутного силуэта на фоне этих звезд.

— Пинается, — усмехнулся силуэт, втягивая носом воздух. — Люблю запах свежей, вкусной и здоровой пищи...

И осекся на полуслове.

— Что там? — недовольно проворчал невидимый Фрог. — Долго мне еще ждать? Сушняк с утра мучает.

— Погодите, отец, — озабоченным голосом произнес силуэт. — От него явственно пахнет магией.

— Ну и что? Обычный хомо, обладающий зачатками способностей к воздушным фокусам с собственными газами...

— Нет, отец, это не запах магии воздуха. И это абсолютно точно не водяной, водой здесь даже на кашлю не пахнет. Я не берусь утверждать...

— Неужто земляк? — удивился Фрог.

— Не думаю, — качнул головой силуэт. — Мне никогда не доводилось иметь дело с магией земли, но это и не могильная сырость, о которой пишут в своих отчетах Чистильщики Веры...

Шум в ушах понемногу сошел на нет, боль меж лопатками и в районе копчика притупилась, а звезды, качающиеся перед глазами, превратились в пятиугольные потолочные светильники, свешивающиеся на цепях с вполне себе целой крыши. Еще несколько мгновений, и Лис смог наконец рассмотреть человека, стоящего над ним, в задумчивости почесывая подбородок.

Вытянутое лицо с мощным подбородком, волевой рот, длинные густые черные волосы до плеч, необычного покроя меховой плащ до пола, по странной прихоти портного сшитый шерстью наружу. И внимательные глаза под густыми бровями, зловеще сверкающие в полумраке большого зала. Может, от Лиса и пахло магией, волоса-

тому Аргу виднее, но от самого Арга неслабо несло зверем, словно он месяц безвылазно жил в волчьей норе. Хотя, возможно, воняло не от него, а от плохо выделанной шкуры, из которой шит плащ. Так Лису было проще все объяснить самому себе. И менее страшно...

— Тогда имеет смысл поговорить с Сенситами, — подал голос Фрог. — Они занимаются изучением подобных феноменов, и с них можно взять за этого хомо неплохую цену.

— Вряд ли, отец, — покачал головой Арг. — Сенситы скорее натравят на нас Чистильщиков или, на худой конец, стражу. Мои шпионы доносят — лорд недоволен, что в его городе обосновались горные волки в людском обличье, не пожелавшие возвращаться к первоначальному облику и при этом сколотившие себе приличные капиталы. Боюсь, ему уже не хватает налогов, которые он от нас получает. Достаточно малейшего повода, чтобы он приказал разгромить наши дома и отобрать все, что мы заработали за эти годы...

— Полегче, — подал голос отец Арга. — Этот тип все слышит.

— Ну и пусть слышит, — пожал плечами оборотень. — Продать его мы не можем, так что все равно этому хомо конец. Хотя бы потому, что, как только он выйдет отсюда, сразу же побежит докладывать о заклинаниях от воров, которые нам наложили маги-контрабандисты на крышу, окна и двери без ведома гильдии Сенситов.

Лис с трудом повернул голову. Страх страхом, а все-таки было интересно посмотреть на папашу Арга.

Родитель мохнатого оборотня сидел за огромным столом, заставленным красивыми блюдами с сырым мясом. Мясо было самое разное, как приготовленное со специями в виде фигур, изображающих рыб, птиц и различных животных, так и просто красиво нарезанное ломтями, источающими свежую кровь. Особое внимание привлекало большое блюдо в центре стола. На нем стояло искусно вырезанное из кости изображение волка, нависшего над фигуркой человека, который в ужасе упал на колени. Само собой, человек был искусно вырезан из цельного куска мяса, отчего казалось, будто с несчастной жертвы только что содрали кожу.

С виду Фрог гораздо меньше напоминал дикого зверя, нежели его отпрыск. Просто крепкий длинноволосый старик, седой, как прошлогодний снег, в меховом плаще того же цвета и покроя. Во взгляде гораздо больше человеческой мудрости, нежели звериной жажды крови, а на лице написана безмерная усталость и вечное недовольство жизнью, свойственное пожилым людям.

— Может быть, ты и прав, — с сомнением в голосе произнес старый оборотень. — А может, и нет. Там, за окнами я слышу какой-то шум. Думается мне, люди ищут как раз этого парня. Скажи-ка мне, юноша, чем это ты так разгневал своих соплеменников?

Ответить Лис не успел.

Высоченная, под потолок, дубовая дверь зала стремительно распахнулась, словно ничего не весила, и в помещение стремительно вошла девушка невиданной красоты. Грива вьющихся пепельных волос крупными тяжелыми кольцами спадала вниз, вилась по плечам и груди, словно клубок ледяных змей. Обтягивающий идеальную фигуру черный костюм бархатно переливался под светом потолочных звезд, подчеркивая все изгибы великолепного тела. А в глаза Лис как глянул — так и забыл про все на свете... И даже не сразу понял, о чем говорят присутствующие.

— От него пахнет незнакомой магией, сестра, — словно оправдываясь, говорил Арг. — Отец считает, что его можно продать Сенситам за неплохие деньги...

— Вы оба прокурили листьями синего папоротника и нюх, и последние мозги! — взвизгнула девушка, наступая на Арга, отчего тот был вынужден сделать шаг назад. — Я чувю даже отсюда! От него пахнет кровью нашего брата, погибшего на Драконьих Клыках прошлой ночью. Ты слышал Весть, что принесли на своих крыльях нетопыри? Рерраг, Вожак стаи Серых воинов, был убит каким-то хомо. Серые нашли его на исходе ночи с распоротым брюхом и вырванными кишками у самого подножия Клыков. И я слышу запах крови Реррага, которая засохла под ногтями этого хомо!

— Мальчишка убил Хозяина Ночи? — с сомнением в голосе произнес Фрог. — Ты ничего не путаешь, дочь моя?

— В отличие от вас обоих я не курю дурные травы из Долины живых папоротников и не ем на ночь сырую баранину, притупляющую нюх, — огрызнулась девушка.

На мгновение ее верхняя губа приподнялась, и Лис смог разглядеть за ней острые клыки, мало похожие на человеческие зубы.

— Я верю тебе, Хелла, — медленно произнес Арг. — Что ж, давай покончим с этим.

— Коли так, пусть будет по-вашему, — вздохнул Фрог, протягивая когтистую руку к костяному блюду с коленопреклоненным мясным человеком. — Не забудьте мне оставить глоток, давненько я не пил свежей крови.

Два оборотня медленно надвигались на Лиса, зажимая его в угол. Парень, глядя на них, начал отползать назад, осознавая, что сейчас будет.

— Я подержу этого хомо, Хелла, — усмехнулся Арг, — а ты пей. Первая кровь самая сладкая.

— Спасибо, брат, но я сама справлюсь, — негромко произнесла девушка.

Ее тело хищно изогнулось, готовясь к прыжку, длинные пальцы с острыми ногтями изогнулись, став похожими на когти дикого зверя.

«Ну вот, — пронеслось в голове Лиса. — Не успел влюбиться, как она сразу же решила попить моей крови...»

И тут Хелла прыгнула.

Страшный оскал искажил прекрасное лицо девушки до неузнаваемости. Нижняя челюсть, словно лишившись связок, оттянулась книзу чуть ли не до груди. Голова на длинной шее повернулась под неестественным углом, растянувшийся рот стал похожим на капкан, готовый сомкнуться на горле Лиса...

Все это было очень страшно вкупе со звериным воем, который одновременно издали брат и сестра. Настолько страшно, что Лис сам разинул рот и заорал благим матом...

Но обычного человеческого крика не получилось. Вместо этого Лис ощутил, как его желудок сократился, словно кузнечный мех, и выплюнул наружу через рот нечто вроде отрыжки, какая случается после обильного ужина.

Отрыжка оказалась горячей. Она обожгла небо, опалила десны, задела губы... Но Лис не чувствовал боли. Он замер на месте, не веря своим глазам.

Сбитые короткой, но невероятно сильной струей неистового пламени, два оборотня катались по полу, пытаясь стряхнуть с себя огненные языки. Получалось это у них плохо — огонь шипел, рассыпался искрами, но никак не желал умирать под ударами мгновенно обуглившихся ладоней. Роскошные плащи брата и сестры мгновенно прилипли к телу, и сбросить их не было никакой возможности — вывернутая мехом наружу шкура горела вместе с живой плотью оборотней.

Первым пришел в себя Фрог. Схватив кубок со стола, он плеснул красной жидкостью на ближайшего из своих отпрысков. Но разбавленная бычьей кровью ничем не помогла Аргу. Огонь лишь зашипел, словно рассерженный лесной кот, которого попытались оторвать от законной добычи.

— Магия огня! — ошарашенно воскликнул старик. И, обратив на Лиса испуганный взгляд, рухнул на колени.

— Прости моих неразумных детей, величайший из магов! — завопил он, простирая в сторону парня руки, перевитые старческими венами. — Затужи неугасимый огонь! Возьми все что хочешь, только не дай им умереть!!!

— Неугасимый огонь... потушить? — пробормотал Лис, осознавая услышанное. — Но как?!

— Согласно легендам, только слюна дракона может затушить то, что извергло его нутро!

— Плюнуть, что ли? — удивился Лис.

— Сделай милость, прощу тебя!!! — вопил безутешный оборотень.

— Ну, если только из милости...

Лис втянул в себя сопли, скопившиеся в носоглотке после ночного бега на холодном ветру, и с удовольствием харкнул на Хеллу, катавшуюся по полу в двух шагах от парня.

Конечно, огонь, который исторг из себя Лис, был несомненным чудом. Но то, что произошло сейчас, поразило парня не меньше.

От роскошной пепельной гривы Хеллы почти уже ничего не осталось, лишь черная сморщенная кожа, похожая на горелый пергамент, обтягивала обожженный череп. Смачный зеленоватый комок, вылетев изо рта Лиса, попал девушке на макушку. Вот тут-то и произошло чудо, столь впечатлившее огнедышащего парня.

От макушки на голову, плечи и руки, на все места, которые были поражены огнем, мгновенно расплзлась мутная пленка неаппетитного цвета, сбивая на своем пути неугасимое пламя. Лис не успел бы и до трех досчитать, как все было кончено. На полу, свернувшись в позу эмбриона и тихонько поскуливая, лежало кошмарное, сгоревшее на треть создание, совсем недавно бывшее роскошной красавицей.

— Сына! Сына спаси!!!

Крик Фрога вывел Лиса из ступора. Столь эффектных соплей у него уже не было, потому парень плюнул тем, что осталось.

Получилось жиденько. Плевков попал на плечо Арга, добросовестно расплзся, на сколько смог, сбив огонь с левой руки, половины лица и части шеи... На большее его не хватило. Правая рука и грудь оборотня продолжали пылать. Еще немного — и пламя вот-вот переметнется на гобелены, которыми сплошь были увешаны деревянные стены...

А у Лиса, как назло, во рту пересохло. Еще бы: носиться по крышам как угорелый, навернуться с высоты десяти локтей, насмотреться на то, как оборотни тебя сожрать пытаются... У кого хочешь во рту кошачий вкус появится вместе с ощущением наждачного языка, снимающего стружку с десен.

— Спаси его... — уже не кричал, а негромко выл старик. Так, что Лису даже стало его жалко.

Парень вскочил с пола, подбежал к столу, схватил один из кубков, набрал в рот то, что там было, и, метнувшись к горящему Аргу, прыснул на него, словно домохозяйка на белье, которое бабы в деревнях гладят после стирки тяжелыми угольными утюгами.

И тут настало время Лису сильно удивиться в третий раз...

Арга начало страшно корежить. Огонь спал, но не исчез полностью. Сейчас он словно пожирал то, что разбрызгал на него Лис, одновременно трансформируя плоть оборотня в нечто совсем невообразимое. Из плеч, боков и головы Арга полезли наружу косяные рога. Правая рука под действием страшной магии начала костенеть, пальцы против воли несчастного сжались в кулак, сливаясь воедино и превращаясь в нечто, напоминающее раздвоенное копыто.

— Бычья кровь, — простонал Фрог. — Ты плюнул на драконий огонь разбавленной бычьей кровью...

Сочетание крови, слюны и огня стремительно уродовало плоть Арга, превращая правую сторону его тела в нечто ужасное. Через некоторое время огонь погас, но на то, что лежало на полу, смотреть было жутко.

Фрог стоял на коленях перед своими детьми и рыдал, как самый обычный человек, которого постигло большое несчастье. Впрочем, в жизни любое горе очень часто есть следствие другого — того, которое пострадавшие причинили или пытались причинить другим. Дядька Стафф говорил, что зло, как и добро, всегда возвращается к тем, кто их делает. Такое уж у них свойство.

Но люди часто не осознают этой простой связи. Они считают себя безгрешными и искренне удивляются, если кто-то в ответ расплачивается с ними той же монетой. В этом оборотни, похоже, не особо отличались от людей.

Прервав рыдания, Фрог медленно поднялся с пола и поднял на Лиса тяжелый взгляд.

— Будь ты проклят, хомо, отнявший у меня детей! Тем, кто лежат здесь, на полу, уже никогда не стать прежними Аргом и Хеллой. Но

и тебе никогда не стать тем, кем ты был, дракон в образе человека. Запомни, однажды ты будешь рыдать, как я сейчас, но ничего изменить не сможешь...

Безутешный старик говорил что-то еще, но Лис уже его не слушал. Если б сейчас хомо висел над дубовой кадкой вниз головой, словно поросычья туша, из которой сцеживают кровь, а его дети готовили кубки для ночной пьянки, с точки зрения Фрога, все было бы вполне нормально. Но получилось наоборот, поэтому у него сейчас большое горе, а на языке — проклятия в адрес пищи, не пожелавшей становиться таковой. Ну да, мяснику тоже бы не понравилось, если б корова, которую он ведет на убой, вырвалась и пропорола его рогом насквозь. У каждого своя правда. Как, например, та, что Фрог с радостью вырвал бы своими зубами горло ненавистного хомо, но просто не хочется ему корчиться на полу рядом со своими детьми. Бойтся он и потому в бессильной ярости брызжет слюной, так как ему больше ничего не остается.

Но сейчас гораздо больше воплей старого оборотня парня интересовал гул, доносящийся снаружи. Нетрудно было догадаться — пока он воевал с детьми Фрога, толпа настигла его, вычислила дом, в котором он скрылся, окружила, и теперь нет никакой возможности вырваться из ловушки, в которой он оказался по воле случая. Надо отметить, весьма прискорбного, ибо толпа жаждала крови. В окнах то и дело мелькали факелы и какие-то отвратные рожи, приникающие к стеклам со стороны улицы и силящиеся разглядеть, что происходит в доме.

— Он там! — заорал кто-то наиболее глазастый. — Висельник из Стоунхенда засел в доме Фрога. Давайте ворвемся и завершим то, что не смогли сделать увальни соседи!

— Войди, — посоветовал кто-то глазастому энтузиасту. — Гонец, после того как проорался на площади, в таверне по пьяни рассказал, что парень не так-то прост. Он вышел из Черного Пятна, сбежал от стражи, убив палача, и за день на своих двоих смог пройти расстояние, которое гонец проскакал, меняя коней на почтовых станциях каждые двадцать полетов стрелы.

— Проклятый, — зашумела толпа. — В доме Фрога Проклятый!

— Надо сжечь дом вместе с ним, — предложил кто-то. — Про старика и его детей давно ходят нехорошие слухи. Как они появились в городе, так раз в месяц обязательно пропадает бесследно кто-то из жителей Вичтана. Так что не будет большой беды, если семейка торгашей сгорит вместе с висельником.

— А что на это скажет граф? — слышались голоса. — Как-то неохота висеть возле городских ворот, изображая из себя ночной фонарь.

— Граф далеко, а Проклятый здесь, в Вичтане, — отозвался тот же голос. — Но если бы он был здесь, не думаю, что его приговор сильно отличался от решения властей Стоунхенда. Или ты хочешь пойти против «Закона о запретной магии», который предписывает лишать жизни колдунов, не принадлежащих к гильдии Сенситов, и Проклятых, выбравшихся из Черных Пятен?

— Сжечь... сжечь его, — раздались голоса, и их становилось все больше.

Лис вздохнул. Бежать некуда, дом окружен плотным кольцом людей, жаждущих его крови. Еще немного, и на крышу полетят горящие факелы. Да и деда жалко, хоть он и оборотень. Мало ему детей, еще и его самого поджарят.

Парень окинул взглядом стены, увешанные старинными гобеленами, доспехами и оружием. Уж коль судьба сегодня помереть, так пусть оно произойдет с музыкой. Второй раз на виселицу идти — нет уж, увольте. Старые воины, тренировавшие деревенское ополчение, говорили, что нет большего счастья, чем помереть в бою с мечом в руке. Ну вот и посмотрим, какое оно, это счастье.

Подойдя к стене, Лис без спросу снял с крючьев боевой меч.

Ух, хороша штука! В деревне ветераны учили молодняк махать дубовыми палками, мечей-то даже у старых воинов не было, слишком дорогое оружие. А тут — настоящий, в ножнах, с кожаным подвесом... Мечта, одним словом.

Лис обернулся на Фрога, но тому было не до меча. Арг, наполовину превратившийся в мешанину из обгорелой плоти, рогов и костей, торчащих во все стороны, не шевелился. Хелла продолжала скулить, значит, жива. Старик, склонившись над ней и по-собачьи высунув длинный язык, зализывал обожженные места. Ну да, на то он и оборотень. Глядишь, и выходит девчонку волчьей слюной.

А ему пора.

Пристегнув меч к поясу, Лис снял со стены небольшой круглый щит и забросил его за спину. Помимо этого парень позаимствовал нож, составной боевой лук, усиленный роговыми пластинами, стальные наручи, равно пригодные для защиты предплечий от скользящих ударов клинком и тетивой, а также кожаный колчан, полный стрел. В особом кармашке колчана отыскались три тетивы, крученные из воловьих жил. Нормально. Конечно, драная одежда в сочетании с набором весьма неплохого оружия смотрится не очень, но искать по